



СОРОК ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Мargarita Неручева

Мargarita Неручева

40 лет ОДИНОЧЕСТВО



записки
военной
переводчицы



SCHIRCH
BRIGADE VON
SIG-SS0095
8 NOV 1945

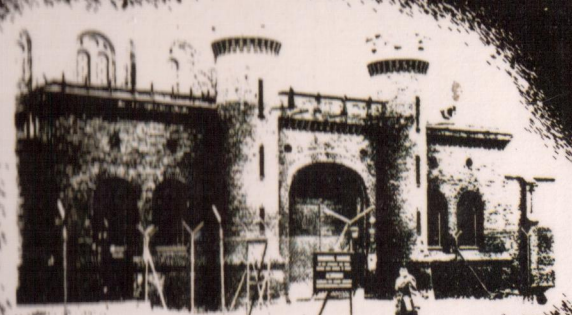


HESS
RUDOLF
SIG-SS0125
8 NOV 1945

...hatten zu den Großen einer düsteren
seinen Verbrechen
gessen. Die let
brechergefi

SPANDAU ALLIED PRISON
PRISON ALLIEE SPANDAU
СОЮЗНАЯ ТЮРЬМА ШПАНДАУ

PASS
LAISSER PASSER
ПРОПУСК



1. November 1957
1. Novembre 1957
1. Ноябрь 1957г.

No. 697

WARNING. DANGER.
DO NOT APPROACH THIS FENCE
GUARDS HAVE ORDERS TO SHOOT

ACHTUNG!
BERÜHREN DES ZAUNES VERBOTEN



С миром - на войне за мир!

Российскому офицеру

выпуска ВУ МО РФ 2001

Люби и защищай свою Родину!

Мурзеев И.А. Маргарита Неручева 3-50

при поддержке Клуба ВИИЯ

www.clubvi.narod.ru, www.clubvi.nm.ru, e-mail: clubvi1@co.ru



Моему мужу
Николаю КОТЕНКО
посвящаю

**Маргарита
НЕРУЧЕВА**

записки военной переводчицы



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПАРУС
Москва, 2000

Неручева М.А.

Сорок лет одиночества.- М., ИИС "Парус", 2000, - 240 с.

ISBN 5-89410-015-1

НЕРУЧЕВА Маргарита Александровна, подполковник в отставке. Служила в системе внешней разведки. В течение нескольких лет выполняла специальное задание – работала переводчицей и цензором в Межсоюзнической тюрьме Шпандау в Западном Берлине. Подробно рассказывает о тюрьме, ее обитателях – главных нацистских преступниках Рудольфе Гессе, Карле Денице, Константине фон Нейрате, Эрихе Редере, Вальтере Функе, Бальдуре фон Ширахе и Альберте Шпеере, о многочисленных протокольных встречах с американцами, англичанами и французами – союзниками СССР по борьбе с фашизмом. В книге использованы письма заключенных к родственникам и выдержки из их дневников. Книга богато иллюстрирована фотографиями и документами.

ISBN 5-89410-015-1

© Неручева М.А., 2000

© Оформление. ИИС "Парус", 2000.

Вступление

Все началось с номера "Литературной газеты", в котором я прочитала заметку о самоубийстве Рудольфа Гесса – ближайшего сподвижника Адольфа Гитлера. Это произошло 17 августа 1987 года в межсоюзнической тюрьме Шпандау, расположенной в Западном Берлине.

Ровно 30 лет назад в августе 1957 года меня в звании капитана откомандировали из Москвы в Берлин для работы в Шпандау переводчиком. Тюрьму, рассчитанную на 600 заключенных, в то время занимали трое нацистских преступников – бывший руководитель молодежной организации "Гитлерюгенд" и гаулейтер Австрии Бальдур фон Ширах, бывший министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер и заместитель фюрера по национал-социалистической партии Германии Рудольф Гесс. Ранее в связи с преклонным возрастом и тяжелыми заболеваниями из Шпандау были освобождены бывший министр экономики и президент рейхсбанка Вальтер Функ, бывший нацистский дипломат и имперский протектор Богемии и Моравии Константин фон Нейрат, а также главнокомандующий военно-морскими силами Германии гросс-адмирал Эрих Редер. До начала моей работы в тюрьме ее покинул также гросс-адмирал Карл Дениц – активный создатель подводного флота рейха и преемник Гитлера на посту главы государства: истек срок 10-летнего заключения несостоявшегося "вождя германской нации".

В течение целых шести лет в силу служебных обязанностей мне довелось тесно соприкасаться с заключенными, контролировать их переписку и общение с внешним миром, присутствовать на свиданиях с адвокатами и родственниками. Кроме того, я принимала участие почти во всех заседаниях директоров тюрьмы, представлявших союзнические державы-победительницы – СССР, США, Англию и Францию. На них рассматривались многочисленные организационные и хозяйственные вопросы, и таким образом я была посвящена во все тонкости внутренней жизни Шпандау. Как я уже упо-

Неручева М.А.
Сорок лет одиночества.- М., ИИС "Парус", 2000, - 240 с.
ISBN 5-89410-015-1

НЕРУЧЕВА Маргарита Александровна, подполковник в отставке. Служила в системе внешней разведки. В течение нескольких лет выполняла специальное задание – работала переводчицей и цензором в Межсоюзнической тюрьме Шпандау в Западном Берлине. Подробно рассказывает о тюрьме, ее обитателях – главных нацистских преступниках Рудольфе Гессе, Карле Денице, Константине фон Нейрате, Эрихе Редере, Вальтере Функе, Бальдуре фон Ширахе и Альберте Шпеере, о многочисленных протокольных встречах с американцами, англичанами и французами – союзниками СССР по борьбе с фашизмом. В книге использованы письма заключенных к родственникам и выдержки из их дневников. Книга богато иллюстрирована фотографиями и документами.

Вступление

Все началось с номера "Литературной газеты", в котором я прочитала заметку о самоубийстве Рудольфа Гесса – ближайшего сподвижника Адольфа Гитлера. Это произошло 17 августа 1987 года в межсоюзнической тюрьме Шпандау, расположенной в Западном Берлине.

Ровно 30 лет назад в августе 1957 года меня в звании капитана откомандировали из Москвы в Берлин для работы в Шпандау переводчиком. Тюрьму, рассчитанную на 600 заключенных, в то время занимали трое нацистских преступников – бывший руководитель молодежной организации "Гитлерюгенд" и гаулейтер Австрии Бальдур фон Ширах, бывший министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер и заместитель фюрера по национал-социалистической партии Германии Рудольф Гесс. Ранее в связи с преклонным возрастом и тяжелыми заболеваниями из Шпандау были освобождены бывший министр экономики и президент рейхсбанка Вальтер Функ, бывший нацистский дипломат и имперский протектор Богемии и Моравии Константин фон Нейрат, а также главнокомандующий военно-морскими силами Германии гросс-адмирал Эрих Редер. До начала моей работы в тюрьме ее покинул также гросс-адмирал Карл Дениц – активный создатель подводного флота рейха и преемник Гитлера на посту главы государства: истек срок 10-летнего заключения несостоявшегося "вождя германской нации".

В течение целых шести лет в силу служебных обязанностей мне довелось тесно соприкасаться с заключенными, контролировать их переписку и общение с внешним миром, присутствовать на свиданиях с адвокатами и родственниками. Кроме того, я принимала участие почти во всех заседаниях директоров тюрьмы, представлявших союзнические державы-победительницы – СССР, США, Англию и Францию. На них рассматривались многочисленные организационные и хозяйственные вопросы, и таким образом я была посвящена во все тонкости внутренней жизни Шпандау. Как я уже упо-

минала, четверо из семи заключенных вышли на свободу до моего приезда в Берлин, однако у меня оказались документы и переписка заключенных предыдущих лет, к тому же я работала вместе с теми, кто общался с Функом, Нейратом, Редером и Деницом раньше. Таким образом представилась возможность проследить, как на практике исполнялся судебный приговор, вынесенный Нюрнбергским Международным Военным Трибуналом семи нацистским преступникам. Приговор, который впервые в истории человечества осуществил принцип уголовной ответственности за агрессию конкретных лиц – руководителей государства и вооруженных сил.

Став в свое время очевидицей и непосредственной участницей его исполнения, я через много лет задумалась: стоит ли писать о тех, кого давно нет в живых? И пришла к убеждению, что стоит. Это особенно актуально сейчас, когда неонацизм в самых различных политических и организационных формах проявляет себя во многих уголках мира. Те, кто замышляет или совершает преступления против человечества, должны знать об уроках Нюрнберга: рано или поздно неотвратимо наступит ответственность.

Прошло шесть долгих лет. Порой было однообразно, скучно и даже опасно. Я рвалась домой, в Москву. И только спустя годы пришло осознание того, что была причастна к историческим событиям, и я решила писать...

Маргарита НЕРУЧЕВА.

Глава 1

В августе 1945 года союзные державы СССР, США, Великобритания и Франция учредили Международный Военный Трибунал для справедливого наказания руководителей немецкого государства, развязавших кровопролитную мировую войну. Суд над главарями нацистской Германии проходил в относительно уцелевшем в ходе боев здании Дворца юстиции Нюрнберга. Этот старинный баварский город был выбран не случайно: именно в нем проходили съезды нацистской партии, именно здесь на огромном стадионе устраивались шумные парады и сборища нацистов под истерические закливания Гитлера об особой миссии арийской расы и подчинении ей народов мира.

Судебный процесс длился почти одиннадцать месяцев. Приговор Международного Трибунала был воспринят мировой общественностью неоднозначно. Кому-то он показался слишком суровым, другие сочли его, наоборот, мягким по отношению к конкретным военным преступникам, попавшим в руки международного правосудия. А итоги неслыханного ранее в мировой истории суда таковы: двенадцать из двадцати четырех главных военных преступников, попавших на скамью подсудимых, были приговорены к смертной казни через повешение, трое – к пожизненному заключению, четверо получили сроки от 10 до 20 лет.

16 октября 1946 года в нюрнбергской тюрьме американский сержант привел в исполнение смертные приговоры. Тела казненных сожгли, а прах развеяли по ветру. Оставшиеся в живых осужденные разобрали виселицы. А их собственная судьба решалась потом еще семь долгих месяцев. Ровно столько победившие страны договаривались о том, как приводить в исполнение приговор в отношении тех, кому была сохранена жизнь. Наконец решение найдено – действовать “в соответствии с законоположением о порядке приведения в исполнение уголовных наказаний в немецких тюрьмах”. Союзнический Контрольный Совет счел необходимым выб-

рать место заключения в черте Берлина. Из четырнадцати городских тюрем самой изолированной и удобной для охраны оказалась тюрьма Шпандау в английском секторе Западного Берлина. Выбор пал на нее.

Ранним утром 18 июля 1947 года семеро заключенных нюрнбергской тюрьмы, прикованные наручниками к американским военным полицейским, на автобусе английских ВВС в сопровождении бронетранспортеров и джипов с солдатами были доставлены на ближайший аэродром. Через два с половиной часа самолет “Дакота” с необычными пассажирами приземлился на аэродроме Гатов в Западном Берлине. Еще через четверть часа машина с зарешеченными окнами остановилась у ворот трехэтажного здания из темно-красного кирпича по Вильгельмштрассе, № 23. Прусская военная тюрьма, построенная в 1578 году в далеком пригороде Берлина, подверглась лишь незначительной модернизации.

Кирпичная стена высотой около шести метров по периметру была оборудована шестью сторожевыми вышками. Часовые, вооруженные автоматами, наблюдали за всей территорией тюрьмы с этих вышек. В ночное время территория освещалась мощными прожекторами. Каждые десять минут охрана, несущая службу на вышках, нажимала на специальную кнопку сигнализатора и в директорской на выходящей ленте записывались время и номер поста. Компьютер работал без остановки день и ночь. Старший надзиратель или председательствующий директор регулярно просматривали ленту. С внешней стороны стены были поставлены еще два дополнительных ограждения из колючей проволоки высотой в три метра, причем ближайшее к стене – под током высокого напряжения. В тюрьме имелась автономная электростанция, которая обеспечивала все ее внутренние потребности и не зависела от электроснабжения города. Между наружной стеной и электрифицированным забором была оборудована нейтральная полоса – покрытая травой земля. На территории тюрьмы имелись несколько дворов для прогулок, большой сад, складские помещения и мастерские, а также запасное здание тюрьмы. В Шпандау можно было попасть только через входные ворота со стороны Вильгельмштрассе.

По иронии судьбы новые заключенные хорошо знали эту тюрьму-крепость. Выбор ее был поистине справедлив, так как начиная с 1933 года она служила следственной тюрьмой и сборным пунктом для противников гитлеровского режима перед отправкой их в концентрационные лагеря. Вплоть до 47-го года в Шпандау сохранялись орудия пыток, специальное помещение с гильотиной и виселица. На стенах камер еще можно было прочитать надписи на русском, украинском, польском и сербском языках. Теперь здесь в одиночных камерах предстояло провести долгие годы Карлу Деницу, Константину фон Нейрату, Эриху Редеру, Альберту Шпееру, Бальдуру фон Шираху, Вальтеру Функу, а Рудольфу Гессу, приговоренному к пожизненному заключению, суждено было умереть в ее стенах. Самой же тюрьме предназначалось быть снесенной с лица земли после кончины последнего заключенного. Так оно и случилось, но если говорить о приговоре, то он предусматривал иное: преступник должен был закончить свою жизнь естественной смертью. А тут – самоубийство! Впрочем, обстоятельства скорее свидетельствуют... об убийстве заключенного. Обо всем этом я сразу подумала, как только прочитала в “ЛГ” о “самоубийстве” Гесса. Но все по порядку...

В августе 57-го года я была откомандирована из Москвы в Берлин для работы переводчицей в Шпандау. Я знала английский и французский, поэтому мне не составило большого труда в короткие сроки выучить немецкий. Одновременно пришлось выполнять еще и обязанности цензора.

Однако трудности, которые встретились на первых порах, были связаны отнюдь не с языками. По Уставу тюрьмы работа женского персонала внутри Шпандау категорически запрещалась, и когда председательствующий на заседании советский директор представил меня своим западным коллегам, произошло замешательство. Американцы заявили официальный протест и попросили решение вопроса перенести на следующее заседание. Я не была допущена в камерный блок. Прошло какое-то время, пока “западники” согласились на мое назначение и мне оформили постоянный пропуск для работы в тюрьме. На пропуске было мое фото в военной

форме, фамилия на трех языках – английском, французском и русском, особые приметы (отпечатки пальцев не требовали только у русских), печать и подписи четырех директоров.

К шестидесятым годам в Западном Берлине остались только две четырехсторонние организации, связанные с послевоенным сотрудничеством держав-победительниц: Межсоюзническая тюрьма Шпандау – в английском секторе и Берлинский Центр воздушной безопасности – в американском. Берлинский Центр, где работал тогда мой муж, находился в здании, где раньше располагался Союзнический Контрольный Совет – орган Верховной власти четырех держав, созданный для управления поверженной Германией. Перед его фасадом в небольшом уютном скверике красовались кони скульптора Клодта (точная копия тех, что стоят на Аничковом мосту в Санкт-Петербурге). До войны в этом здании располагалось министерство юстиции Германии. Примечательно, что в 1944 году здесь вершился суд над генералами – участниками заговора против Гитлера. По установившейся традиции с восходом солнца перед зданием Контрольного Совета американский караул поднимал на флагштоках четыре государственных флага союзнических держав. Торжественная церемония, собиравшая многочисленных зрителей, соблюдалась вплоть до объединения Германии уже в горбачевские времена.

Центр воздушной безопасности был создан после раздела Германии на четыре зоны оккупации и размещения Верховной власти в Берлине. Сразу же возникла необходимость упорядоченного пролета самолетов союзных держав в Берлин над территорией советской зоны. По взаимной договоренности для этой цели были временно выделены три воздушных коридора шириной в 20 миль в направлении Гамбурга, Ганновера и Франкфурта-на-Майне. Контроль и обеспечение воздушной безопасности в коридорах возлагался на Берлинский Центр, где круглосуточно работали контролеры четырех союзных держав. Полеты в коридорах разрешались только невооруженным военно-транспортным самолетам, выполнявшим рейсы для нужд оккупационных войск на высотах от 750 до 3000 метров. Однако вскоре это соглашение западными державами было грубо нарушено и в коридорах

стали летать самолеты их гражданских авиакомпаний, выполнявшие коммерческие рейсы, фактически превратив их в неконтролируемый воздушный мост. Мне довольно часто приходилось бывать в Берлинском Центре. Здесь по разным случаям устраивались “семейные четырехсторонние встречи”, конечно, с обильной выпивкой и закуской. Но о политике разговоры, как правило, не велись.

Тюрьма Шпандау также находилась под управлением четырех союзнических держав – СССР, США, Англии и Франции. Каждая страна была представлена директором – офицером в звании подполковника (кроме французского, который был гражданским), а также военным медиком. Решения принимались при общем согласии. Дисциплинарный персонал состоял из гражданских надзирателей, однако мы знали, что советский персонал представлен сотрудниками КГБ. Во время дежурства во внутреннем блоке соблюдался четырехсторонний состав смены. График дежурств надзирателей составлялся таким образом, чтобы на четырех внутренних постах одновременно находились надзиратели от четырех стран. Этим исключалась возможность использования несения внутренней службы в интересах только одной страны.

Внешняя охрана тюрьмы осуществлялась советскими, американскими, английскими и французскими часовыми. Караул поочередно менялся каждый месяц, как и председательствующие директора.

Служебный и обслуживающий персонал для работы внутри тюрьмы состоял только из лиц мужского пола. Они были гражданами стран, принадлежащих к Объединенным нациям. Прошлое каждого было тщательно изучено и внушало доверие. Немцев на службу внутри тюрьмы не принимали. Для религиозного обслуживания заключенных исполнительная власть назначала духовное лицо. Пастыри также должны были быть из союзных или стран Объединенных наций. Обслуживающий персонал вне тюрьмы подбирался из граждан стран – членов ООН, однако здесь для немцев делалось исключение. Позже кроме персонала союзных держав в тюрьме постоянно работали около 20 человек рабочих и служащих обслуживающего персонала. Финансовые расходы по

содержанию тюрьмы нес Сенат Западного Берлина. На содержание тюрьмы, персонала, а также заключенных Сенат ежегодно ассигновал около 850 тысяч западногерманских марок. По соглашению четыре союзные державы также несли расходы, связанные с затратами в месяцы своего председательствования. Каждая сторона в свой месяц обеспечивала трехразовым питанием постоянный персонал тюремной администрации, куда входили и надзиратели. Директор, переводчик, цензор, врач и их гости присутствовали на обедах в офицерской столовой, где был большой бар и подавали спиртные напитки. Обслуживающему персоналу – истопникам, электрикам, дворникам – предоставлялось одноразовое питание. Столовая была вне территории тюрьмы.

На эти цели расходовалось в год: советской стороной – 24 тыс. марок ГДР, американцами – 40 тыс. марок ФРГ, англичанами – 35 тыс., французами – 25 тыс.



Фото 1. Берлин.



Фото 2. Межсоюзническая тюрьма Шпандау.



Фото 3. Смена караула.

Name *Capt. Nerutseva*
 Nom *Capt. Nerutseva*
 Фамилия *Капитан Неручева*
 Duty *Interpreter*
 Profession *Interprète*
 Должность *Переводчица*

The holder of this pass, when properly signed, is permitted entrance to the prison.

Ce laissez-passer, dûment signé, autorise d'entrer en prison.

Настоящий пропуск, надлежаще подписан, разрешает вход в тюрьму.

[Signatures]

Special marks Метки Особые приметы	 	Left index Index gauche Левый указательный палец	Right index Index droit Правый указательный палец
Age Возраст			
Eyes Глаза Цвет			
Hair Волосы Цвет			
Weight Полнота Poids			
Height Телос Taille Рост			
Identification card No. Carte d'identité No. Личное удостоверение №			

Фото 4. Служебный пропуск в тюрьму.

Глава 2

По прибытии в Шпандау заключенных препроводили в главное тюремное здание, где их тщательно обыскали на предмет обнаружения ампул с ядом. После медицинского осмотра в комнате надзирателей заключенных ждали семь комплектов форменной одежды с номерами – на спине и коленях.

Рудольф Гесс, всегда претендовавший на роль первого человека в нацистской партии после Гитлера, потянулся к форме под номером один. Но старший надзиратель, мгновенно среагировав на это, протянул первый комплект одежды бывшему лидеру гитлеровской молодежи Бальдуру фон Шираху, приговоренному к 20 годам заключения. Гессу в конце концов достался последний, седьмой номер. Серые рубашки и брюки, американские военные шинели, перекрашенные в черный цвет, тюремные шапочки и соломенные сандалии, позже замененные башмаками на деревянной подошве, отныне стали повседневной одеждой нацистских преступников, а номера на одежде заменили им фамилии.

Заключенных разместили во внутреннем камерном блоке – коридоре длиной около 30 метров, по обе стороны которого располагались 32 камеры размером 3 x 2 метра. Всего в тюрьме было 132 одиночные камеры, 5 пересыльных и 10 общих на 40 человек каждая. В тюрьме при ее полной загрузке в свое время содержалось более 600 арестованных. Чтобы заключенные не перестукивались и не передавали друг другу какую-либо информацию, по обеим сторонам от занятых ими камер находились пустые камеры. В камере стояла железная койка с матрацем, покрытым простынями. Деревянные табурет и небольшой стол были установлены так, что охрана, просматривая камеру через дверной глазок, могла хорошо видеть заключенного, сидящего за столом. Слева от двери находились раковина и унитаз. В любое время заключенных могли обыскать. Камера тщательно осматривалась не менее двух раз в день. После выключения света (лампочка

на потолке, защищенная металлической сеткой) проверка производилась с помощью электрического фонарика. Годами приученные к такому режиму заключенные в ночное время спали с темными повязками на глазах. Отапливали камеру четыре трубы с горячей водой.

Высоко под потолком находилось небольшое закрытое тяжелой решеткой окно. Словом, все, что касается безопасности, власти тюрьмы, кажется, предусмотрели основательно.

В ванной комнате были установлены друг против друга две ванны, три раковины для умывания и душ, на полу лежала деревянная решетка. В эту же комнату к тюремному парикмахеру – голландцу по происхождению приходили заключенные по одному трижды в неделю для бритья и стрижки.

Каждое утро (кроме воскресений и праздников) после утреннего туалета заключенные сами производили уборку камерного блока и своих камер. Все принадлежности для уборки выдавались строго в соответствии с тюремными правилами. Запрещалось пользоваться всем тем, что могло в какой-то степени способствовать самоубийству.

Войти в здание тюрьмы и выйти из него можно было только через главные ворота. Даже вертолет, отважившийся бы на спасение заключенных во время прогулки, не смог бы выдержать перекрестный автоматный огонь охраны с вышек.

Не думаю, что у заключенных и их возможных сообщников на воле могла возникнуть мысль о побеге, хотя в 1953 году британская разведка во время допроса шести нацистов, обвиняемых в заговоре, направленном на свержение правительства Западной Германии, установила, что заговорщики планировали также организовать побег из тюрьмы главных военных преступников. Заговор возглавлял некто Вернер Нейман, бывший помощник Геббельса в гитлеровском министерстве пропаганды.

“Дайте мне сотню надежных людей и два вертолета и я вызволю Гесса и остальных из тюрьмы Шпандау”, – это хвастливое обещание прорваться через охрану самой надежной тюрьмы в мире принадлежит бывшему эсэсовскому генера-

лу Отто Скорцени – человеку, спасшему с помощью планеров Муссолини, захваченного союзниками после разгрома Италии в войне.

Перед воротами тюрьмы на заборе висело предупреждающее объявление, которое запрещало приближаться к тюрьме или ее фотографировать. Предупреждение было также перед электроограждением: “Внимание! Опасно! Не приближаться, охране приказано стрелять”.

В соответствии с приговором Международного Военного Трибунала заключенные военные преступники должны были содержаться под стражей. Заключение было одиночным, но работа, посещение церкви и прогулки – общие. Вначале заключенным не разрешалось разговаривать друг с другом или с другими лицами. Вспоминаю такой случай. У заключенного № 1 Ширах заболели глаза, стала разрушаться сетчатка правого, потом левого глаза, ему грозила слепота. Немецкий профессор Мейер прооперировал его, спас зрение. В благодарность Ширах протянул и пожал профессору руку. За это Ширах был наказан: целый месяц не получал газет, не имел права писать письма. Директора, надзиратели, персонал обращались к заключенным, называя их только по номерам. Позже в Устав были внесены изменения, разрешающие заключенным разговаривать между собой во время работы и прогулок.

Все выходы во двор, помещения и камеры, а также другие помещения тюрьмы всегда были под замком. Под замком находились также ключи, оружие и спецодежда, которой в данный момент не пользовались. Выдача ключей и оружия всегда фиксировалась в журнале с указанием, для какой цели они выдаются. Согласно тюремным требованиям, у заключенных не должно было быть предметов, которые способствовали бы их побегу, когда они не находились под непосредственным надзором.

Заключенные появлялись во дворе только под охраной надзирателей. Вблизи стен не должно быть никаких предметов, которые могли бы способствовать их побегу. Продукты питания ежедневно проверялись офицером-врачом. В камеры пища доставлялась санитаром под наблюдением надзи-

рателей. Заключенным разрешалось пользоваться только ложками. В письме одному из своих сыновей “аристократ” Ширах беспокоился: как это он на воле будет привыкать пользоваться во время еды... ножом и вилкой, ведь в тюрьме он совсем от этого отвык. Ночью запрещалось кому-либо входить в тюрьму, за исключением членов Дирекции или постоянных работников по специальному разрешению Дирекции. Никаким автомашинам, кроме тех, которые привозят грузы в тюрьму или увозят их, не разрешался въезд в тюремные ворота. Прочие автомашины имели свою стоянку рядом с тюрьмой.

Заключенные обязаны были работать каждый день, кроме воскресений и общих немецких праздников. Строго воспрещались всякие неофициальные связи между тюремным персоналом и заключенными. Устав тюрьмы предусматривал, что “установление каких-либо деловых связей с заключенными является тяжким преступлением и должно караться со всей строгостью как грубейшее нарушение приказа Военной администрации”.

Служащим и персоналу тюрьмы запрещалось извлекать какую-либо выгоду, используя свое служебное положение или свои связи с тюрьмой, а также использовать работу или услуги заключенных для личных целей. Любые личные обстоятельства и дела заключенных, ставшие известными служащим или персоналу тюрьмы в процессе исполнения ими своих официальных обязанностей, не должны подлежать огласке и должны были передаваться только Дирекции. Только Дирекция была вправе, при наличии оснований, сообщать какие-либо сведения о заключенных третьим лицам.

Устав предписывал, что в обращении с заключенными личный состав должен проявлять твердость, спокойствие и решительность.



Фото 5. Гесс, Ширах и Шнейер.



Фото 6. У стен тюрьмы.

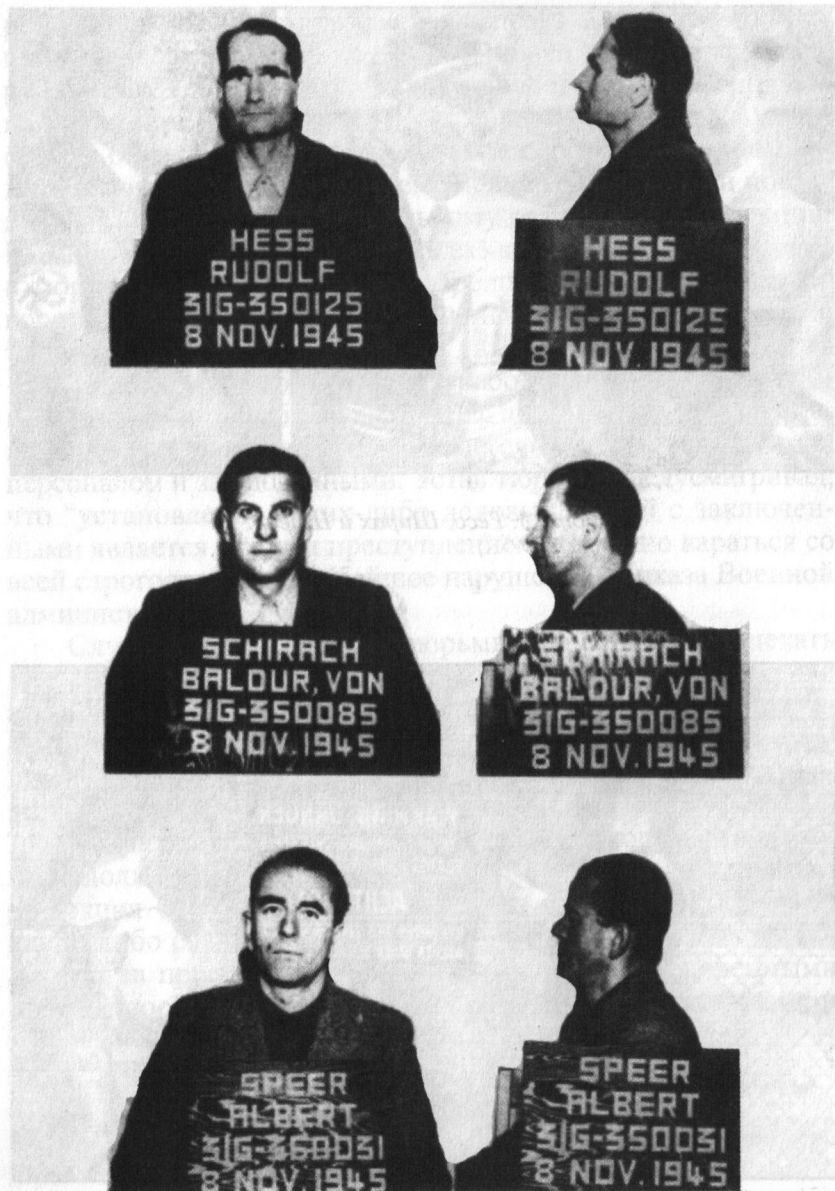


Фото 7. Военные преступники после ареста (архив тюрьмы Нюрнберга).

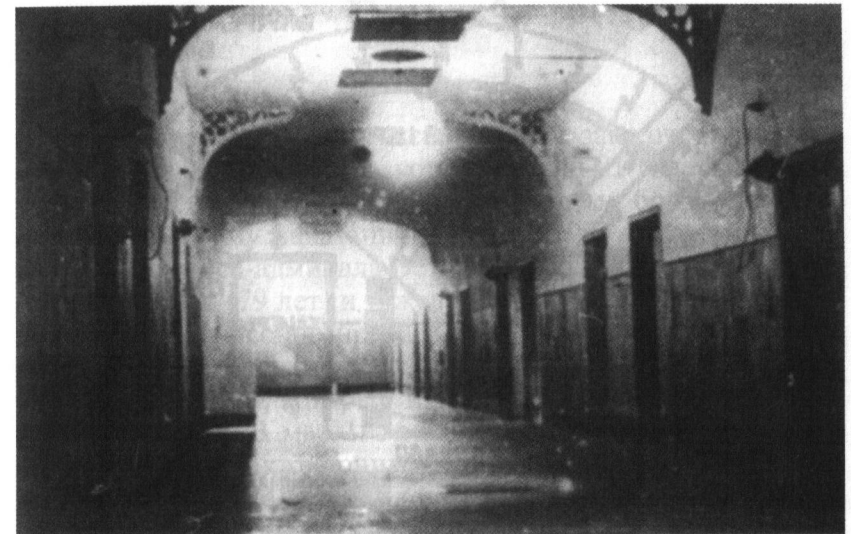


Фото 8. Камерный блок внутри тюрьмы.



Фото 9. Американский караул идет на смену.

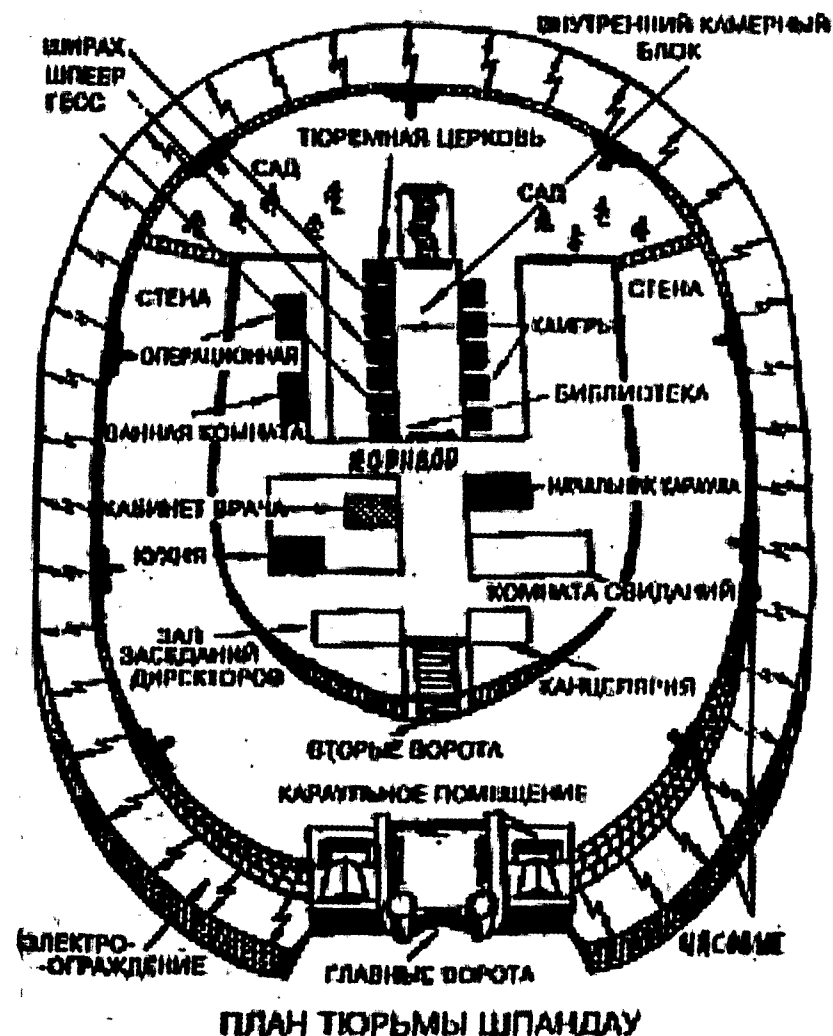


Фото 10. План тюрьмы Шпандау.

Глава 3

6 ноября 1954 года родственникам заключенного № 3 Константина фон Нейрата, которому был 81 год, сообщили, что вскоре его освободят, так как он отбыл большую часть назначенного ему наказания. Осенью 1955 года выпустили на свободу гросс-адмирала Эриха Редера “в связи с преклонным возрастом (79 лет) и тяжелой болезнью”. Через год пришла очередь гросс-адмирала Карла Деница, у которого как раз кончился 10-летний срок, предусмотренный приговором. Он единственный, который к этому времени отбыл полный срок наказания. В мае 1956 года тюрьму покинул Вальтер Функ, которого также донимала тяжелая болезнь. После этого в Шпандау остались 50-летний Бальдур фон Ширах, 52-летний Альберт Шпеер, а также Рудольф Гесс, которому исполнилось 63 года.

Еще сравнительно недавно все они входили в число самых могущественных людей Германии и вынашивали планы мирового господства. И в этом смысле Рудольф Гесс представляет наибольший интерес...

На скамье подсудимых в Нюрнберге в первом ряду вторым слева рядом с Германом Герингом сидел высокого роста человек с непомерно длинными руками, тощей шеей, редкими волосами, зачесанными назад. На скуластом лице под кустистыми черными бровями – глубоко запавшие глаза. Это был Рудольф Гесс, один из старейших и ближайших сподвижников Гитлера. В третьем рейхе он был заместителем фюрера по руководству национал-социалистической партией. От него получала директивы вся фашистская иерархия, он принадлежал к опаснейшим заправилам нацистского режима. И тем не менее в отличие от других фашистских главварей он избежал виселицы, хотя, как говорил советский обвинитель на процессе, он трижды заслужил ее.

Рудольфа Гесса в фашистской Германии считали человеком номер два в нацистской партии и номер три – в государстве, отдавая второе место по этой линии Герману Герингу.

гу. С Гитлером и Герингом Рудольф Гесс сошелся в годы Первой мировой войны. С тех пор они вместе шаг за шагом шли к созданию фашистской империи.

Гесс родился 26 апреля 1894 года в Александрии (Египет), где жила его семья. Дед Гесса в свое время покинул Германию и обосновался в Египте, занимаясь коммерцией. В результате своей деятельности он оставил своему сыну процветающее дело, которое тот в свою очередь приумножил. Однако когда пришло время продолжить семейные традиции Рудольфу, он заколебался. Торговля хлопком-сырцом и чечевицей его не вдохновляла. Взоры Рудольфа давно привлекала родина предков – Германия. Впервые он увидел ее в возрасте двенадцати лет. Окончив школу, продолжал учебу в торговой школе в Швейцарии. Но началась Первая мировая война, и Гесс вынужден был прервать учебу, поступив на службу в 1-й Баварский пехотный полк, в составе которого участвовал в боевых действиях. Был трижды ранен, один раз тяжело. В этом же полку проходил службу молодой солдат по имени Адольф Гитлер. Гесс не встретился с ним на войне, так как после госпиталя пошел служить в авиацию и добился своей заветной цели – стал военным летчиком. После окончания войны он поступил в Мюнхенский университет, где, кстати, познакомился со своей будущей женой Ильзе, на которой, по совету Гитлера, позже женился. Гитлер присутствовал на их свадьбе в качестве свидетеля.

Вступив в фашистскую партию в 1920 году, Гесс возглавил нацистскую организацию Мюнхенского университета и еще в студенческие годы активно помогал Гитлеру взбираться по ступеням власти. Их дружба особенно окрепла после Мюнхенского путча в 1923 году, где в одном из кабаков Гессу проломили голову пивной кружкой: он получил удар, предназначившийся Гитлеру. Во время “пивного” путча Гесс, выполняя особое поручение фюрера, должен был арестовать ряд руководителей тогдашней Баварской республики.

После провала путча Гесс вместе с Гитлером был приговорен к тюремному заключению на восемнадцать месяцев и сидел с ним в одной камере тюрьмы Ландсберг. В тюрьме под диктовку фюрера Гесс печатал на машинке “библию” гер-

манского фашизма “Майн кампф”, одновременно выполняя роль секретаря и советника. После захвата власти указом Гитлера в апреле 1933 года Гессу было предоставлено “полное право принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам, касающимся руководства партией”. Это дало Гессу огромную власть в партии и государстве.

Трудно перечислить все директивы Гесса, сыгравшие первостепенную роль в создании фашистской преступной государственной системы. Достаточно сказать, что именно он стоял у истоков создания службы безопасности, а в 1938 году он подписывает директиву об организационном единстве СС и СД.

Шаг за шагом Гесс прибирал к своим рукам все новые и новые посты в гитлеровском государстве. С 1 декабря 1933 года он – имперский министр без портфеля для обеспечения более тесного сотрудничества партии и штурмовых отрядов с гражданскими властями. В 1938 году он назначается членом тайного совета, а в 1939 году – членом совета министров по обороне империи. В этом же году 1 сентября, в день начала Второй мировой войны, Гитлер заявил в рейхстаге:

“Если со мной что-либо случится, то моим первым преемником будет товарищ по партии Геринг. Если же что-либо случится с Герингом, то его преемником будет товарищ по партии Гесс. Вы будете тогда обязаны проявить по отношению к ним такое же слепое доверие и послушание, как ко мне”.

Гесс получает звание обергруппенфюрера СС и СД (*соответствует генералу пехоты вермахта. – М. Н.*). Своим декретом Гитлер обязал руководителей всех министерств и ведомств Германии представлять Гессу все законопроекты на предварительное утверждение. Кроме того, Гесс занимался подбором и расстановкой руководящих фашистских кадров. Особая роль принадлежала партийному аппарату и в планировании, и проведении агрессивных войн. В октябре 1936 года, выступая в Баварии, Гесс призывал немцев “употреблять немного меньше жира, немного меньше свинины, немного меньше яиц... Мы знаем, что иностранная валюта, которую мы этим самым сберегаем, идет на вооружение. И

на сегодня действителен лозунг: “Пушки вместо масла”. Об этом же говорил Гесс и накануне своего отлета в Англию в мае 1941 года, выступая на заводе Мессершмитта с призывом к продолжению агрессивной войны. Вместе с Гитлером, Герингом и другими руководящими деятелями Гесс подписывал указы о присоединении к Германии захваченных территорий. В частности, декрет о лишении государственной независимости Австрии и ее присоединении к нацистской Германии, о расчленении Чехословакии и присоединении к Германии Судетской области. А когда 1 сентября 1939 года гитлеровские войска вторглись в Польшу, Гесс немедленно подписал приказ о включении в состав германского рейха польских земель.

Особое внимание уделял Гесс расовым вопросам. В сентябре 1935 года Гесс подписывает закон “О защите крови и чести”, а через два месяца – приказ о лишении евреев права голоса и занятия общественных постов. Последствия этой “законодательной” инициативы ужасны: миллионы убитых, замученных, доведенных до нечеловеческого состояния людей. Позднее сфера действия закона “О защите крови и чести” вышла далеко за пределы Германии. Во имя бредовых идей о господстве немецкой расы уничтожались или превращались в рабов славянские народы.

Можно по-разному относиться к приговору Международного Трибунала, но что касается Гесса, то его наказание советская сторона сочла, как сейчас говорят, неадекватной содеянному. Мне предстояло в течение шести лет находиться почти рядом с этим моральным чудовищем, но, разумеется, мои служебные обязанности отнюдь не предусматривали проявления эмоций. Для меня он был заключенным под № 7.

Номер один получил самый молодой заключенный Шпандау “истинный ариец” Бальдур фон Ширах. “Моя вина заключается в том, что я воспитал молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей. Я несу ответственность за молодежь, которая воспитывалась в антисемитском государстве, по антисемитским законам, и я несу ответственность за насильно вывезенных в Германию на принудительные работы с восточных оккупированных

территорий детей в возрасте от десяти до четырнадцати лет”. Это выдержка из заключительного слова этого бывшего лидера гитлеровской молодежи и гаулейтера Австрии на Нюрнбергском суде. В течение почти полутора десятков лет – с 1931 года и до конца войны – Ширах растлевал германскую молодежь, отравляя ее ядом расизма и милитаризма, развивал в ней человеконенавистничество, жестокость. В своих показаниях на суде Ширах, пытаясь избежать ответственности за воспитание немецкой молодежи в духе национал-социалистических идей, неоднократно ссылаясь на то, что “Гитлерюгенд” являлась самостоятельной, независимой от нацистской партии и гитлеровского правительства молодежной организацией. Словно и не было 1936 года, когда Ширах заключил с Гиммлером соглашение о том, что “Гитлерюгенд” будет служить главным источником пополнения эсэсовских кадров.

В целях защиты Ширах даже считал возможным и уместным сослаться на великого Гете, слова которого “сама юность воспитывает молодежь” с неприкрытым цинизмом были использованы в заключительном слове. Ширах был бы более точен, если бы сослался на Гитлера, который говорил: “Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя”.

И Ширах воспитывал немецкую молодежь в духе требований Гитлера. Для этого, в частности, широко использовалась допризывная подготовка к службе в различных родах войск. Особое внимание уделялось воспитанию боевого духа, программа военного обучения подчеркивала важность возвращения колоний, необходимость “жизненного пространства” и “благородное” предназначение германской молодежи – умереть за Гитлера.

Роль и участие Шираха в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности лучше всего характеризуются поведением во время войны немецкой молодежи, воспитанной в “Гитлерюгенд”. Они изуверс-

ки расправлялись на оккупированных территориях не только со взрослым населением, но и с малолетними детьми, из которых делали мишени для стрельбы. Убедительные показания о действиях членов “Гитлерюгенд” в составе немецких вооруженных сил были даны военнопленным немецким солдатом Гертом Кнителем, который, являясь с 1938 года членом “Гитлерюгенд”, в возрасте 18 лет в 1942 году был призван в немецкую армию. Описывая свое участие в многочисленных злодеяниях, свидетель Герт Кнителъ говорил на суде:

“В местечке Липайск наша рота в июне 1943 года подожгла дом с находившимися там людьми... Всех пытавшихся выпрыгнуть из дома мы расстреливали, только одну старуху не расстреляли, так как на наших глазах она сошла с ума...”

Ширах не просто идеолог, свое “учение” он применял на практике. Будучи имперским наместником и гаулейтером Вены, Ширах принимал личное участие в выселении 60 тысяч евреев, которые затем были истреблены в концентрационных лагерях на территории Польши. Преданный до конца гитлеровской клике, осведомленный о всех ее преступных делах, в которых он принимал самое активное участие, Ширах был одной из наиболее зловещих фигур третьей империи.

Заключенным № 5 тюрьмы Шпандау был Альберт Шпеер. Еще задолго до захвата власти нацистами он был личным другом чертежника Роберта Шикельгрубера (действительное имя Адольфа Гитлера). Их сблизила общность не только профессиональных, но и политических интересов. Как архитектор Шпеер начал карьеру в 1932 году с реконструкции “коричневого дома” (здание штаба нацистской партии) в Берлине. Когда Гитлер пришел к власти, он поручил Шпееру строительство крупных объектов, а затем назначил друга главным инспектором по строительству Берлина и начальником отдела капитального строительства в аппарате Гесса.

В разгар войны Гитлер повысил Шпеера до министра вооружения и боеприпасов и начальника широко разветвленной военно-строительной “организации Тодта” (вместо погибшего в авиакатастрофе генерала Тодта).

Шпеер беззаветно отдался разрешению военных задач. Путем безжалостной эксплуатации населения оккупирован-

ных областей и военнопленных Шпеер увеличивал выпуск вооружения и боеприпасов для германской армии. Полным ходом шло разграбление сырьевых и иных ресурсов оккупированных территорий. Полномочия Шпеера росли если не по дням, то уж точно по месяцам. В сентябре 1943 года Шпеер стал уполномоченным и ответственным за снабжение военной промышленности сырьем. Ему даже было поручено регулирование товарооборота в 1944 году. Указ Гитлера фактически сделал Шпеера диктатором над всеми структурами как внутри самой Германии, так и на оккупированных территориях, деятельность которых в какой бы то ни было мере имела отношение к усилению военной мощи Германии. Под его руководством было широко развернуто производство отравляющих газов и других средств химической войны. Кроме того, Шпеер был руководителем одной из крупных организаций так называемого германского трудового фронта и состоял в личном штате рейхсфюрера СС Гиммлера.

В качестве имперского министра вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по вооружению Шпеер пользовался широкими полномочиями в области контроля за производством. Первоначально его полномочия охватывали строительство и производство вооружения для армии. Затем они постепенно были расширены таким образом, что стали включать морское вооружение, продукцию гражданской промышленности и вооружение для ВВС. Как руководящий работник центрального управления по планированию, располагавший верховными полномочиями в области планирования германской промышленности, распределения и разработки сырьевых ресурсов, Шпеер давал указания о поставках рабочей силы для отраслей промышленности, которые оно контролировало.

Таким образом, Шпеер занимал ведущее место в государственном и военном механизме тогдашней Германии и фактически принимал активное участие в планировании и осуществлении экспансивных, человеконенавистнических планов фашизма.

Глава 4

Уже несколько месяцев я работаю в Шпандау. Освоилась. Пришло ясное и твердое осознание того, что раньше воспринималось скорее теоретически: заключенные тюрьмы несут заслуженное наказание за преступления, совершенные против человечности.

Прошло всего 12 лет со дня окончания войны, но некоторые события, исторически очень важные, как бы потеряли остроту, уходят на второй план, уступая место новым международным проблемам. Жизнь есть жизнь, прошлое в ней, как правило, занимает объективно меньше места, чем настоящее и даже подчас будущее. Но между ними есть глубинная связь, которая не подлежит забвению.

Именно это обстоятельство и побудило меня на нелегкий труд написания книги. Еще в те годы я решила вести дневник. Точнее, эту мысль подал мне журналист и писатель Юрий Корольков, который проездом через Берлин был в гостях у наших с мужем знакомых.

Он был убежден, что рано или поздно мои записки будут востребованы. И нужно будет правдиво передать атмосферу и события тех дней. Конечно, они останутся в памяти, но может сгладиться их непосредственное восприятие. Я так и поступила. Как сейчас помню, первые странички дневника появились после очередного заседания директоров тюрьмы. А те события, которые происходили с момента моего приезда в Берлин в 1957 году, я восстановила по свежей памяти.

Как я уже писала раньше, по Уставу тюрьмы женщины не имели права общаться с заключенными. И американский директор даже заявил протест в связи с моим назначением. Кстати, уезжая через год по замене в Штаты, он, тепло со мной прощаясь, сказал, что “если бы все в вашей армии были такими офицерами, я бы не стал стрелять первым”. – “А я бы стала”, – подхватила я его шутку.

Через какое-то время после моего приезда наш директор сказал, что я должна сопровождать его в камерный блок при очередном посещении заключенных. Я не подавала вида, что испугалась, но накануне всю ночь не сомкнула глаз, хотя не раз прыгала с парашютом и вроде бы не из робких...

На следующий день рано утром мы с директором поехали в Шпандау. Трудно передать чувство, с которым я впервые входила в камерный блок. Как на грех директор, проявляя вежливость, везде пропускал меня вперед. Навстречу вышел надзиратель и, улыбаясь во весь свой огромный рот и гремя связкой ключей, начал открывать двери камер. Первым я увидела именно Гесса. Он стоял навтыжку в темно-коричневом вельветовом костюме. На коленях и на спине – цифра 7. Я знала, что должна обращаться к заключенным, называя их только по номерам, присвоенным в 1947 году, когда их доставили в тюрьму. На меня с любопытством смотрел высокий худощавый старик. Редкие черные с сединой волосы аккуратно зачесаны назад. Худое вытянутое лицо и большие торчащие уши. Густые черные брови, из-под которых тускло мерцали маленькие глазки.

Директор спросил его, все ли в порядке, есть ли жалобы и просьбы. Я перевела на немецкий. № 7 резко и коротко ответил: “Нет!” Мы перешли к другой камере. Надзиратель, предварительно посмотрев в глазок, открыл железную дверь. Заключенный № 5, Шпеер, казалось, уже нас ждал. Подобострастно улыбаясь, он стоял у входа. Бывший щеголь сейчас выглядел жалким постаревшим мужчиной в истоптанных ботинках (раньше заключенные ходили в деревянных башмаках). Будучи у власти, именно Шпеер предложил эту “модельную” обувь для заключенных нацистских трудовых лагерей. А когда по иронии судьбы ему самому пришлось их носить, сетовал, что не вложил в них кусочки кожи. Шпеер – единственный из заключенных, кто работает в тюремном саду под солнцем без рубашки. Несмотря ни на что, у него хороший аппетит, он съедает все, что дают. Дома его ждут преданная жена и шестеро детей. И наконец, третья камера – заключенный № 1 Бальдур фон Ширах. Высокий, светловолосый, явно строит из себя великосветского льва. Вежливо

улыбается, терпеливо ждет вопросов. Считает себя поэтом, знатоком музыки, словом, человеком искусства. Действительно многие молодежные песни фашистской Германии написаны на его слова, именно поэтому их нельзя отнести к искусству вообще. В письмах из тюрьмы (как цензор я обязана была их читать) он называл себя сумасшедшим, ввязавшимся в политику. Считал, что он рожден для творчества. В тюрьме бережет свое здоровье, старается много ходить, не отказывается ни от какой работы. Но его руки мне показались большими и грубыми. Видимо, от стирки белья, которой они постоянно занимались со Шпеером, пока тюрьма не приобрела американскую стиральную машину самой последней модели... Гесс никогда не стирал – он считал это ниже своего достоинства.

Из впечатлений от первых месяцев работы в Шпандау сохранился еще один эпизод: мои поиски следов пребывания здесь в заключении известного советского татарского поэта Мусы Джалиля. Позже мы узнали, что прошла ошибочная информация: Муса Джалиль был узником другой берлинской тюрьмы – Моабит. А тогда вместе со старшим английским надзирателем Чисомом – мрачным, не улыбающимся человеком, большую часть жизни проработавшим надзирателем в тюрьмах Китая – мы облазили буквально всю пустующую часть тюрьмы. В поисках камеры № 54 мы зашли в одну подвальную камеру. Холод, цементный пол, обшарпанные стены. На одной из стен можно было разобрать надпись “Кузнецов”. То и дело встречались надписи, сделанные узниками тюрьмы на русском, украинском, польском, сербском, болгарском, французском и немецком языках. Так в камере № 42 на втором этаже я прочла: “Хай живе Украина, Левицкий Николай, 1923 г. р., Молотовская обл., дер. Ошья. Сижу с сентября 1944 г. Писал 31.3.45 г. Завтра Пасха, а мы голодны, как волки. 23 апреля в связи с наступлением русских всех заключенных из этой тюрьмы вывезли в неизвестном направлении. Привет русским красноармейцам от политзаключенных”. На другой стене этой же камеры Левицкий Николай снова пишет: “Сижу с 17.9.44 г. без суда. 200 г хлеба и 1 л супа-воды, без курева. Пасха 1945 года ничем не

отличалась от простых дней”. Рядом с этой надписью – изображение советского танка, самолета с пятиконечными звездами на крыльях. Кроме этого, можно было прочесть по-русски: “Касимов Базаргали, 1889 г. р., Семипалатинская обл., Аягусский р-н, колхоз “Дружная семья”. Сижу 7 месяцев. Сейчас получил на сутки 200 г хлеба, 10 г маргарина, 1 л супа-воды и 1 л кофе. Писал 3.04.45 г. Курить совсем не курим”. А вот еще надпись в камере-карцере в подвале: “Тут був Сипало Михаил Явтухович, Харьковская обл., Сахновщанский р-н, с. Осиповка”. Камера № 43. Рисунки советского, американского, английского и французского знамен. Надпись на немецком языке: “Братья, объединяйтесь! Свобода – самое прекрасное в мире”. Камера № 204. На французском языке: “Они вырвали у меня ногти, свиньи”. Камера № 242. “Здесь сидел Яша. 1945 г.”. На немецком языке: “Хайль Сталин”. На сербском языке: “Да здравствует Россия! Югослав Дужаре Раде”.

В свое время эти сведения я передала в журнал “Огонек”. Хотя и сомневаюсь, что кто-нибудь из этих людей остался в живых, так как единственный путь из тюрьмы был в концлагерь...

За стенами Шпандау бурлит жизнь. В Западном Берлине идет совещание министров иностранных дел, представляющих государства, некогда совместно боровшиеся с фашизмом. Ныне только Берлинский Центр воздушной безопасности и Межсоюзническая тюрьма Шпандау остаются островками, где еще сохранились остатки союзнических отношений. А у нас свои “международные” проблемы. На заседании директоров обсуждали письмо, полученное из Сената Западного Берлина, о том, что они против увеличения зарплаты... истопнику тюрьмы югославу Кадичу. Вдруг оказалось задетым самолюбие американцев: как смеет Сенат им диктовать, что они должны делать! Если раньше американский директор майор Федущка (славянин по происхождению) и сам был против увеличения зарплаты Кадичу, мол, тот и так ничего не делает, то теперь поддержал предложение французского директора Фариона разрешить Кадичу “работать” по воскресеньям. Сенат вынужден будет платить за эти дни двойную

оплату. “Пусть гуляет с метлой, – смеясь, говорил подполковник Бенфилд, английский директор тюрьмы, – ведь ему все равно нечего делать”. “Или ходит с двумя пустыми ведрами, раньше он ходил с одним”, – острил “славянский американец” майор Федушка.

В целом западные “союзники” начали уделять Шпандау больше внимания. Об этом свидетельствуют и участвовавшие за последнее время инспекции американского и французского комендантов Западного Берлина. Если посещения тюрьмы советским и английским комендантами считались обычным делом, то этого нельзя было сказать об американском и французском генералах, которые в мою бытность появились впервые.

Американский генерал Хемлет посетил Шпандау в свой месяц – 22 декабря 1958 года. Он осмотрел камерный блок, кухню, санитарную комнату и караульное помещение. Зашел в зал заседаний директоров, поздоровался за руку с директорами и переводчиками. Внешне он был очень вежлив, но тем не менее обстановка была чересчур официальной и даже напряженной. Такая же атмосфера царила на приеме-обеде в офицерской столовой при Шпандау. Обед после посещения тюрьмы официальным лицом, а также после заседания директоров по традиции устраивал председательствующий директор.

Генерал производил не очень благоприятное впечатление: высокомерен, невнимательно слушает собеседника. За столом говорил только он, и только о гольфе, а присутствовавшие офицеры (других гостей не было) вежливо слушали. Во время посещения камерного блока генерал беседовал с заключенными. Шпеер и Гесс на все его вопросы отвечали молчанием, а Ширах заявил, что у него есть жалобы, но ему не хотелось бы сейчас их высказывать. В камерный блок генерала сопровождали все четыре директора, из переводчиков – англичанин Водяев (еще один “земляк”) и я, а также дежурный старший надзиратель.

На обеды после инспекций и заседания директоров в офицерской столовой при Шпандау каждой стороне разрешалось пригласить пять гостей. Перед обедом – “разминка”

в баре. В наш, французский и английский месяцы в нем предлагались выдержанные коньяки, хорошие марочные вина, ликеры. К столу подавались красные и белые вина. Особенно этим отличались, естественно, французы. И только в американский месяц не было спиртных напитков, что являлось поводом для постоянных шуток и колкостей в адрес янки. Присутствовавший однажды на обеде американский генерал Д’Орса, как бы оправдываясь, заметил, что “у нас, американцев, не принято во время обеда пить спиртное, так как после обеда нужно работать, а если выпьешь, появится желание поспать”.

Инспектирование же тюрьмы английским комендантом генералом Ромом 13 января 1959 года ничем особым мне не запомнилось. Разве что во время обеда генерал объявил, что это последнее его посещение Шпандау – он уходит в отставку и уезжает домой. Английский директор предложил тост за здоровье генерала и его супруги. В ответ генерал произнес пространный тост, поблагодарил директоров за гостеприимство и добрые пожелания. “За три года своей службы в Берлине, – сказал он, – я был свидетелем хороших и дружеских отношений между директорами. Это говорит о том, что четыре правительства также могут согласованно работать и добиваться взаимоприемлемых решений”. Его переводчик – шотландец Сондрес, длинный, нескладный – все время извинялся и повторял по-русски с ужасным акцентом: “К чему такая торопня?” Мы его так и прозвали, он часто работал в тюрьме.

По случаю отъезда генерала Рома англичане устроили на олимпийском стадионе Берлина торжественный прощальный парад подразделений союзных войск (советская сторона в нем не участвовала). День выдался холодным. Англичане проявили трогательную заботу о гостях, снабдив их теплыми пледами. По-театральному выглядели на параде шотландцы, хотя на этот раз они были не в своих традиционных юбочках, а в клетчатых брюках. Мой муж воспользовался случаем и сделал несколько цветных снимков.

В феврале 1959 года – французский месяц – Шпандау посетил генерал Лаком, комендант французского сектора За-

падного Берлина. В Берлине он недавно. Здороваясь с директорами и переводчиками в зале заседаний, он со свойственной французам галантностью каждому говорил что-нибудь приятное. Я встречала генерала раньше на приеме в Доме Франции и на коктейле в частном доме бывшего французского коменданта Берлина генерала Жеза. Подойдя ко мне, генерал Лаком приветливо улыбнулся и дал понять окружающим, что мы знакомы. После осмотра служебных помещений, генерал в сопровождении многочисленной свиты направился в камерный блок, где подолгу беседовал с каждым из трех заключенных. Запомнилось, что, входя в камеру, он первым здоровался, прикладывая руку к фуражке.

В камере Шпеера генерал задержался. Оживленно беседуя с заключенным, генерал поинтересовался его здоровьем, спросил, часто ли у него бывают свидания с родственниками. Шпеер в ответ улыбался и отвечал генералу по-французски. Генерал поддержал разговор, забыв, что по Уставу Шпандау заключенный должен говорить только по-немецки и только через переводчика. А французский директор тюрьмы не решился напомнить об этом генералу. На обратном пути из камерного блока генерал в разговоре со мной рассказал, что в 1932 году он был в Германии туристом и помнит Гесса, выступавшего на митинге. “Тогда Гесс был молод и красив, и как жалок он сейчас в тюрьме”, – покачал головой генерал.

Закончив осмотр караульного помещения, генерал и сопровождающие его офицеры прибыли на обед в офицерскую столовую. В ответ на тост за его здоровье, предложенный французским директором, генерал предложил тост за хорошие взаимоотношения и сотрудничество между директорами. После обеда в баре за коньяком зашел разговор о том, что французы вопреки Уставу тюрьмы и здравому смыслу дают заключенным высококалорийную пищу. Причем переоголяли в этом отношении даже американцев, которые в свой месяц кормили заключенных зимой свежими помидорами и салатами. Французский генерал с улыбкой сказал, что, по всей вероятности, русские более строгие люди, чем французы. И добавил, имея в виду заключенных: “А вообще я

удивлен, почему их всех в свое время не повесили. Во время Второй мировой войны я был пять месяцев в японском плену в Индокитае. При моем росте я весил каких-то 56 килограммов. Нас так отвратительно кормили, что если бы я пробыл там дольше, я наверняка бы умер”.

Кстати, согласно Уставу тюрьмы, предусматривался тюремный паек, соответствующий по калорийности немецкому тюремному пайку. Дополнительное питание разрешалось только по предписанию офицера-врача, если этого требовало физическое состояние заключенного.



Фото 11. Прощальный визит советского коменданта. Генерал Чамов, полковник Коцюба, советник посольства Селянинов.



Фото 12. Директора тюрьмы: Фарион (Франция), начальник караула (Англия), Бенфилд (Англия), Мартынов (СССР).



Фото 13. Военные коменданты Берлина: генералы Захаров, Чамов (СССР), Хемлет (США).



Фото 14. Переводчики тюрьмы: де Войод (Франция), Файрстоун (США), Водяев (Англия).



Фото 15. Прием в военной миссии США. В центре советник коменданта полковник Коцюба.

Глава 5

Должна признаться, что после подсказанной мне идеи вести дневник я все же делала большие перерывы в ведении записей. Но после инспекции Шпандау американским и французским генералами, я решила восстановить на бумаге события, которые произошли несколько раньше.

Начну с бала, который ежегодно устраивают американские военно-воздушные силы в Европе. Нас с мужем пригласили через Берлинский Центр воздушной безопасности. Посещение бала стало для нас событием. Ведь надо учесть, что это были годы пика “холодной войны” между бывшими союзниками. В Германии это особенно остро ощущалось. По мнению западных политических деятелей, наша страна направляла усилия на “выталкивание” их из Западного Берлина. Поэтому наши контакты с западными коллегами неизбежно свелись к минимуму. В Западном Берлине остались буквально единицы советских людей, хотя еще не было берлинской стены. Встречи во внеслужебное время не поощрялись.

Появление на таком балу двух молодых советских пар – офицеров в парадной форме при кортиках с нарядными женами – не прошло незамеченным и было, как это ни странно, благожелательно встречено как организаторами вечера, так и многочисленной прессой. Ежегодный бал – это событие, и “западники” к нему обычно готовятся задолго до проведения. А мы, как всегда, получили “добро” сверху за три дня, а что это значит, женщины меня поймут... Каких хлопот мне стоило одно только платье! Мне так хотелось быть красивой и нарядной, ведь я почти все время ходила в военной форме. Я купила очень дорогое бальное платье – серебристое, с открытыми плечами. Его дополняли темно-фиолетовые до локтя перчатки и фиолетовые замшевые туфельки на высоченной шпильке. Красивая с серебристой прядью прическа и макияж дополняли мой наряд. Я надела длинные серьги и жемчужное ожерелье, которое мне привез в пода-

рок из Японии еще мой отец. Мои приготовления были потрачены не напрасно. На следующий день средства массовой информации, в том числе американские, писали о нарядах жен советских представителей.

По широкой мраморной лестнице мы поднялись в фойе Конгресс-халле. По бокам ее стояли навтыжку американские солдаты, в основном темнокожие, отдавая честь прибывающим гостям. Я давно заметила, что американцы на массовых показательных мероприятиях в Европе любят на передний план выставлять темнокожих военнослужащих, как бы подчеркивая полное равенство между ними и белыми. Если, например, на параде идет колонна офицеров, то возглавляет ее, как правило, темнокожий.

В фойе нас представили хозяевам бала – командиру авиабазы Темпельгоф, его заместителю и их женам. Гости постепенно заполняли Конгресс-халле. Звучали популярные мелодии тех лет в исполнении трех оркестров, а предложенный легкий ужин и французское шампанское способствовали праздничному настроению.

Незабываемое впечатление произвело и само здание Конгресс-халле, где проходил ночной бал. Несмотря на свои непривычные модернистские формы, оно производило прекрасное впечатление, особенно внутри. Здание построено в виде бабочки с многочисленными залами и фойе. Как рассказал нам служащий, американцы построили это здание в 1950 году и подарили его немцам. Великолепны террасы, с которых открывается изумительный вид на Тиргартен – парк возле здания рейхстага. Море цветов, зелени снизу искусно подсвечивалось прожекторами. Особенно эффектны фонтаны у главного входа. Газета “Старз энд Страйпс”, которую американцы выпускали тогда в Европе, отвела много места описанию этого бала, сопроводив текст многочисленными иллюстрациями под заголовком “Русские впервые приняли в нем участие. Перещеголяли нас не только в спутниках, но и в нарядах”. Оказанный нам теплый прием я связывала тогда с надеждой на улучшение взаимоотношений между бывшими союзниками. Люди устали от постоянных взаимных обвинений

в подозрительности, устали от “холодной войны”. Увы, моим надеждам не суждено было сбыться...

Но балы балами, а работа работой. Я уже к этому времени стала цензором Шпандау, и объем моих обязанностей намного увеличился. Вскоре после бала я и мой английский коллега Хартман пришли в камерный блок, чтобы вручить письма заключенным. Пришлось немного подождать, поскольку они были еще на прогулке в тюремном саду...

Значительную часть территории внутреннего двора тюрьмы занимал сад, который распорядком дня был предусмотрен местом для прогулок и работы заключенных. Это была для них единственная возможность свободно побыть на свежем воздухе, хотя и находились они здесь еще под более пристальным надзором охраны, чем в камерах. Вооруженные автоматами солдаты внимательно следили за ними, находясь на высоких вышках, расположенных по периметру тюремной стены.

Сад был прекрасен, особенно в весеннее и летнее время. Благоухала пышно распустившаяся розово-лиловая сирень. Огромные ореховые деревья были обильно усыпаны вызревшими плодами. Розетки спелой темно-красной земляники, как цветной ковер, покрывали заботливо ухоженные и удобренные грядки. Особенно этим любил заниматься Шпеер. В своих письмах жене он писал, что работа в саду доставляет ему удовольствие и позволяет не замечать, как проходит время. В саду, казалось, всего было в изобилии. Но было одно, недоступное для заключенных, — это свобода.

Раньше, в трудное послевоенное время, все выращенное заключенными поступало в тюремную кухню. Со временем эта необходимость отпала, работой в саду занимались только Шпеер и отчасти Ширах. Хотя, впрочем, он чаще расхаживал по саду, используя при этом шагомер, переданный ему родственниками. Гесс также предпочитал одиноко мерить шагами тропинки в саду.

Заключенный Шпеер сразу же направлялся к своим грядкам: пропалывал их, рыхлил почву, заботливо ухаживая за всходами. Он очень любил цветы и специально соорудил для них клумбу, обложив ее камнями.

Франк Хаули, заместитель американского коменданта Берлина, так описывал семерых нацистских военных преступников, когда он впервые увидел их работающими в тюремном саду: “Они похожи на семерых лодырей-бездельников. Их одежда состоит из темно-серых штанов, серой рубашки, белых носков и деревянных башмаков. В порядке предосторожности от возможного совершения самоубийства, штаны поддерживаются тонкими, словно из ниток, подтяжками, так что если заключенный попытается их использовать, то они от слабости разорвутся под тяжестью нескольких килограммов”.

Союзнический Контрольный Совет принял решение о том, что исполнение приговора должно приводиться в соответствии с порядком исполнения уголовных наказаний в немецких тюрьмах. Немецкие законы предусматривали обязательным условием заключения труд. Заключенные должны работать ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. Когда заключенных было семеро, они работали в камерном блоке под наблюдением старшего надзирателя — за длинным столом клеили конверты. По Уставу им не разрешалось разговаривать между собой. Один из них читал вслух какую-нибудь книгу, разрешенную цензурой. При мне, когда их осталось только трое, этот вид работы был отменен. Основная работа была перенесена в сад. И в это же время деревянные башмаки были заменены на обычную обувь, а темно-серые брюки — на коричневые вельветовые.

Итак, вернувшись с прогулки, Ширах и Шпеер вошли в помещение как всегда первыми. Любезно поздоровались и прошли в камеры, готовясь получать письма. Ширах при этом насвистывал какую-то веселую мелодию и улыбался. При вручении письма Шпееру я в очередной раз предупредила его, чтобы он писал разборчивее. Он вежливо ответил, что старается, но ему трудно, так как донимает ревматизм суставов. Гесса нам пришлось ждать долго: он шел медленно, волочил ноги, останавливаясь на каждом шагу. Мне показалось — назло. Когда он входил в свою камеру, я отвела глаза, стараясь не смотреть на этого худого, опустившегося старика — он производил на меня ужасное впечатление. Хартман ему

сказал, что в прошлый раз он превысил разрешенное количество слов, поэтому в этот раз будет писать меньше. “Яволь!”, – как всегда ответил Гесс.

Раньше Уставом тюрьмы было определено, что заключенные имели право написать и получить одно письмо в 1200 слов каждые четыре недели. Позже эти условия были пересмотрены и им разрешили писать письмо каждую неделю объемом в 1300 слов. В исключительных случаях Дирекция могла разрешить написать дополнительное письмо. Четырехсторонним соглашением директоров тюрьмы от 2 апреля 1954 года заключенному было разрешено переписываться по юридическим вопросам с адвокатом, фамилию которого он должен был заблаговременно сообщить директорам.

Письма должны были быть написаны на немецком языке, разборчиво, без шифра или стенографических знаков. Не разрешалось ничего подчеркивать, использовать сокращения и это также относилось к инициалам. Не разрешались изображения знаками без их расшифровки. Письма для цензуры должны были подаваться в открытом виде.

С разрешения дирекции заключенный мог получать письма в такие же промежутки времени, в какие писал сам. Фотокопии всей корреспонденции, получаемой и отправляемой заключенными, сохранялись в их личных делах. Нарушение этих требований давало основание не отправлять письма. Вся получаемая корреспонденция представлялась цензорам нераспечатанной. Запрещалось делать заметки на полях письма, а также зачеркивать части письма. В том случае, когда даже все прочие условия переписки были выполнены, Дирекция могла задержать письмо, если считала, что налицо имелось злоупотребление привилегией писать письма. Приказ о задержании письма доводился до сведения заключенного. Дирекция могла разрешить заменить изъятое письмо другим. По разрешению Дирекции заключенному сообщались или возвращались части задержанного письма, не вызвавшие подозрений. Адресаты получали голубовато-зеленые конверты с почтовой маркой Берлина. В левом углу конверта большими черными буквами было напечатано: “Межсо-

юзническая тюрьма Шпандау. Берлин – Шпандау. Вильгельмштрассе, 23”.

Письма заключенным приходили со всего света и на разных языках. У меня собралась богатейшая коллекция почтовых марок. В конвертах были открытки, просьбы об автографах и даже доллары. Часто письма были из Америки на английском. Одна дама, обращаясь к Шираху, вспоминала, как она танцевала с ним в Вене на балу и какой он был красивый. Естественно, мы все это не вручали адресатам.

После цензуры мы с Хартманом отправились на стадион в Гатов (английский сектор Берлина) на парад 1-го батальона королевского шотландского полка. Этот парад англичане устроили в честь дня рождения принцессы Мэри, сестры умершего короля. Парад принимал английский комендант генерал Делаком. После парада к нам подходили многие гости, особенно те, которые бывали на обедах в тюрьме Шпандау. Английский бригадир Гамильтон рассыпался в комплиментах по поводу того, как мне идет военная форма. Действительно, военную форму я заказывала мастеру, который в свое время шил мундиры высшим офицерам вермахта. С генералом я танцевала на балу в Конгресс-халле. У него очень интересная жена. Говорят, что она писательница, у нее восемь романов. Надо будет что-нибудь почитать ради любопытства.

15 мая 1959 года. Решили с Хартманом провести цензуру в пятницу, а не в субботу, как всегда. В субботу у американцев большой праздник – День армии. Мы приглашены на военный парад на аэродром Темпельгоф. После проведения цензуры, не переодеваясь, поехали. Парад проходил на взлетно-посадочной полосе аэродрома. На импровизированных трибунах было много народу.

Парад открыла группа знаменосцев трех родов войск. За ними прошли несколько подразделений сухопутных войск, впереди которых важно шествовал символ полка – празднично убранный, покрытый красивой попоной в золотистых кисточках осел. Затем появились кавалерийский эскадрон и легкая техника. В завершение свое искусство владения оружием показала небольшая группа американских солдат. Се-

нат Западного Берлина преподнес командованию живого бурого медвежонка (символ Берлина на гербе города).

Как правило, май в Берлине пасмурный и холодный, но на этот раз день, как по заказу, выдался ясным, солнечным и теплым. Многочисленные зрители были одеты в основном в светлые тона. Было много детей. После парада зрителям разрешили осмотреть самолеты.

Вечером мы “оказали честь” и присутствовали на небольшом приеме на авиабазе Темпельгоф. Прием устроил начальник Военной Миссии США в Потсдаме полковник Фитцджеральд, двоюродный брат президента США Джона Кеннеди.

Присутствующие тепло встретили выступление юных учащихся балетной школы Западного Берлина. Беспрерывно играл популярные мелодии немецкий эстрадный оркестр. Мы много танцевали. Наше появление на приеме, очевидно, было несколько неожиданным, и, желая сделать нам приятное, оркестр часто повторял мелодию довоенного фокстрота Дунаевского из кинофильма “Искатели счастья” – “На рыбалке у реки...” Мы подошли к дирижеру и поблагодарили его. Оркестранты остались довольны. Отношение к нам “хозяина” приема было очень внимательным и благожелательным. В общем, как говорится, все остались довольны.

В следующую субботу праздник у немцев – Троица. В тюрьме по этому поводу в рамках цензуры состоялся двухчасовой концерт духовной музыки, которую я очень люблю. В Шпандау для этих целей приобрели проигрыватель грампластинок последней модели. заключенным разрешалось проигрывать только классическую музыку. Предварительно мы с Хартманом должны прослушать пластинки. Мы сидим и слушаем прекрасную музыку. Профессионально шутим, что “надо бы у Моцарта или Бетховена вырезать этот пассаж”... Раньше по торжественным дням играл на фисгармонии заключенный Функ (бывший министр финансов) и даже пел. Теперь же, после его освобождения из тюрьмы, запыленная фисгармония одиноко стояла в углу тюремной церкви. Последняя представляла собой сдвоенную камеру, на стенах которой были развешаны картины на религиозные темы. На

месте алтаря стоял обычный стол с бронзовым распятием, библией и двумя свечами. Вдоль стен расставлены стулья. Один раз в месяц, а также на Рождество и Пасху для заключенных проводилась служба. Службу правил французский пастор – капеллан французской армии. Гесс редко ходил на богослужения, а если приходил, то сидел обычно в стороне. заключенным была предоставлена возможность пользоваться религиозными книгами. Каждый заключенный, если хотел, мог получить наставление священника своего вероисповедания. Дирекция тюрьмы обеспечивала условия для того, чтобы заключенные могли выполнять обряды соответствующего культа внутри тюрьмы. К тому же дополнительным четырехсторонним соглашением союзных держав от 1954 года Дирекции тюрьмы было предложено чаще устраивать в тюремной церкви более разнообразные концерты классической музыки в граммофонной записи.



Фото 16. Приезд гостей в Конгресс-халле.

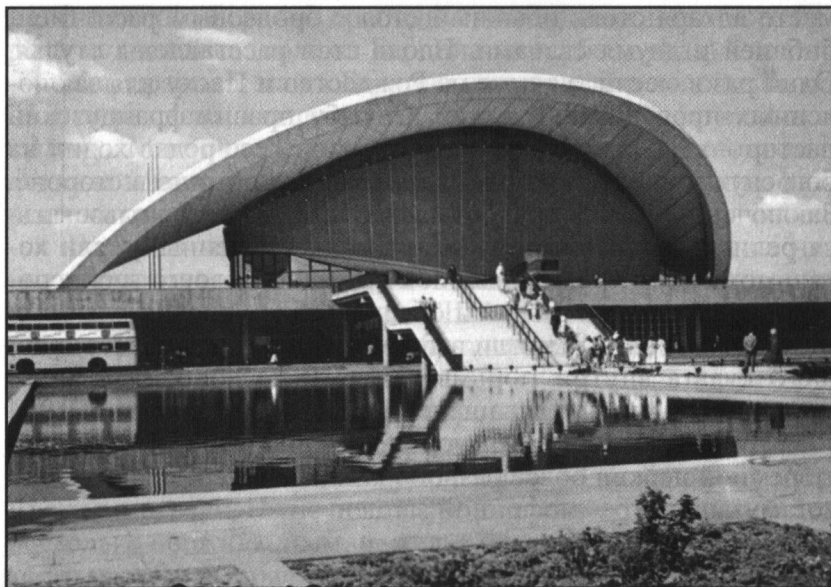


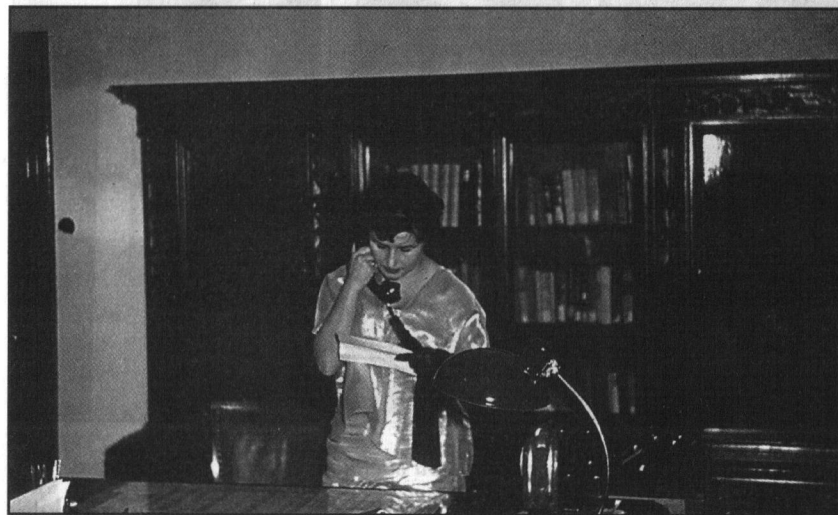
Фото 17. Здание Конгресс-халле.



Фото 18. Ужин в Конгресс-халле.



Фото 19, 20. В рабочем кабинете.



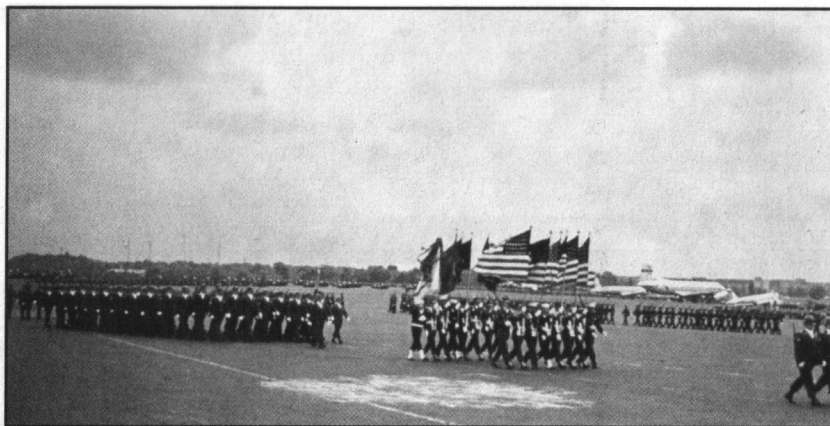


Фото 21. Парад американских войск на аэродроме Темпельгоф.



Фото 22. Прием в американской военной миссии в Потсдаме.
Офицеры миссии с женами.



Фото 23. Гости военного парада.

Глава 6

Не вела дневник почти месяц. Последние две недели были очень напряженными. Я так уставала! Официальный визит в тюрьму нашего нового начальника, инспекция тюрьмы английским генералом Делакомом, еженедельные заседания директоров, ежемесячные – врачей, каждую субботу – цензура. Каждый день – в тюрьму! Нам с Хартманом приходится много работать. Каким-то образом на волю уходит запретная информация. В прошлый раз много вырезали из письма жены Гесса. Она сообщала о смерти некоторых нацистов, о вечеринке его бывших единомышленников, на которой они вспоминали былые дни, и о посещении ими ее библиотеки, – она собрала много теперь уже редкой фашистской литературы. Вернули письмо и самому Гессу с требованием переписать вторую страницу. Гесс разозлился, отдал нам чистый лист, на котором внизу стояла только одна подпись, которой он обычно заканчивал письма, – “Ваш дед”.

В понедельник приехал в тюрьму наш новый начальник – политсоветник коменданта Восточного Берлина полковник Одинцов М. А. Знакомясь со Шпандау, он буквально облазил всю тюрьму, не пропуская ни одного этажа, ни одной камеры. Я его сопровождала. Таким образом я снова побывала в камерах, в которых томились неизвестный нам Кузнецов и другие русские. Затем поднялись в огромное чердачное помещение. Раньше там был тюремный костел. До сих пор все сохранилось в прежнем виде, только ужасно много пыли. Интересно, можно ли играть на стоящем там органе? За массивной дверью я увидела мертвого голубя. Наверное, он залетел в разбитое окно, а обратно не смог выбраться, так и погиб. Истопник Кадич показал нам камеру, в которой сидели его соотечественники-югославы. Это мрачная одиночка в подвальном этаже с двойными решетками. На стенах камеры сохранились надписи на сербском языке. И среди них: “Да здравствует красно войско!” На правой стене бросилась в глаза вдавленная в штукатурку надпись неровными буква-

ми на русском языке. Были мы также в подвале, где нацисты казнили приговоренных к смерти. Их подвешивали к потолку, а затем сверху ударяли по голове. Впечатление ужасное! А ведь кто-то из палачей жив... Может быть, жив и кто-то из надзирателей. На прошлой неделе в немецких газетах писали, что общественность требует судить всех бывших начальников концлагерей. Но не только их! Вот бы начать розыск тех палачей, которые возглавляли Шпандау во время войны.

В тюрьме была одна комната, которой, как единственная женщина, постоянно пользовалась только я. Однажды, когда поблизости никого не было, я взялась за ручку двери, чтобы ее открыть. И, о ужас! Массивная железная громадина начала падать на меня и я еле успела отскочить в сторону. Кто-то снял дверь с петель... Зачем?

Хотя после войны Шпандау и была наиболее тщательно охраняемой тюрьмой в мире, оборудованной самыми современными средствами контроля, администрация догадывалась, что все равно существуют каналы нелегального обмена информацией, и перекрыть их не способна самая бдительная охрана.

Ужесточить контроль пытались еще в то время, когда отбывал наказание адмирал Дениц, приговоренный Международным Военным Трибуналом к 10 годам лишения свободы. На первый взгляд, ничего не значащее решение Дирекции об отмене такой привилегии заключенным, как получение книг из дома, оказалось очень своевременным.

Цензоры обратили внимание, что в письмах домой Дениц часто называл прочитанные книги, их авторов, издателя. И каждый раз заканчивал письмо так: “Гюнтеру будет интересно знать”. Гюнтер – зять адмирала и офицер флота, был его доверенным лицом во время войны. Перед выполнением первого оперативного задания каждый командир подводной лодки имел конфиденциальную беседу с Деницем или Эверхардом Годтом, начальником оперативного отдела штаба. Под присягой офицеру вручался шифр на базе книги “Ирландия”, чтобы в случае, если он попадет в плен, он мог бы в письмах семье сообщить о том, каким образом была потоплена его лодка. В зашифрованном письме дата отправки должна быть

подчеркнута. Дальнейшая доставка этого письма в штаб флота уже входила в обязанность жены командира или членов его семьи.

Способ передачи шифрованных сообщений при помощи книг был не нов. Цензоры Шпандау решили, что если Дениц действительно использует один из своих шифров времен войны, то ему часто придется менять ключ, так как заключенным не разрешалось долго держать полученную книгу. Отменой привилегий на получение литературы из дома был перекрыт хорошо налаженный канал обмена нелегальной информацией.

1 июня 1959 года. Как всегда, первого числа месяца – смена караула. Теперь охрану в тюрьме несут французы. Директора, переводчики и многочисленные гости офицерской столовой тюрьмы особенно любят французские месяцы: богатый стол, изысканные французские вина, в баре – первоклассные коньяки. Любят они также и наши месяцы, главным образом из-за водки, икры и... “украинского борща”, приготовленного поваром-итальянцем на немецкий манер.

В субботу после цензуры ездили в английский пограничный полк на “Вечернюю зарю”. Это совсем недалеко от тюрьмы. Вообще этот полк дислоцируется на границе между Англией и Шотландией, сейчас он заменяется и выводится домой. После небольшого парада был коктейль, очень скромный, на свежем воздухе. Во время коктейля я много разговаривала с молодыми лейтенантами – офицерами английской армии. Они меня сразу же окружили и не отпускали до самого конца. Расспрашивали о нашей стране и почему-то особо о Сибири. “Говорят, что ваш муж из Сибири? Интересно бы на него посмотреть”. – “А вон он, в конце зала, беседует с вашим генералом. Как видите – он без бороды до пояса, не волосатый, блондин...” Было легко и весело, много шутили, смеялись.

Очередное заседание директоров в Шпандау по просьбе английского директора подполковника Бенфилда было перенесено с традиционного четверга на среду. В четверг, 11 июня, национальный праздник англичан – день рождения королевы Елизаветы II. В 17 часов на Олимпийском стадионе

Западного Берлина состоялся торжественный парад войск английского гарнизона. Забавный у англичан парадный шаг: под веселую, напоминающую опереточную, музыку они идут непривычным для нас танцевальным шагом. Парад принимал генерал Делаком. Все было бы хорошо и очень красиво, если бы лошадь под ним была поспокойнее: она совершенно не слушалась, крутилась на месте и часть парада генерал был к трибунам спиной. Зато как красиво сидел в седле его адъютант майор Вудфорд! Я познакомилась с ним раньше, во время инспекции генералом тюрьмы. На обеде в офицерской столовой мы много с ним беседовали.

К концу парада пошел дождь, что несколько омрачило праздник. Королевский штандарт как символ присутствия королевы на параде поднимали уже под накрапывающим дождем. Народу, если верить газетам, было более двадцати тысяч человек. Мы сидели на почетных местах. Вечером был большой прием. К нам подходили многие из тех, кто хоть раз обедал в Шпандау, чтобы поблагодарить за вкусный обед и приятно проведенное время в... тюрьме. Один английский офицер, который впервые увидел меня в Шпандау, страшно напугал мою соседку на приеме, пожилую леди: “Вы вместе сидели в тюрьме?” Мы уже к этому привыкли, и нам кажется в порядке вещей, что рядом с камерным блоком, где сидят главные военные преступники, шикарный бар и столовая, больше похожая на ресторан. В столовой на обедах собирается избранное общество, ведутся светские разговоры – и все это в течение двенадцати лет со дня основания Межсоюзнической тюрьмы.

Вспоминаю, как на одном приеме в тюрьме ко мне подошел наш “товарищ” в штатском и на полном серьезе спросил: “Вот вы переводчик, знаете английский, значит, слушаете их радио. А если они передают что-нибудь против нас?” – “Я тут же выключаю приемник”, – ответила я серьезно. – “Молодец, правильно”. Комментарии излишни.

Шираху и Шпееру осталось сидеть по восемь лет, они берегут здоровье, очень следят за собой, всегда ходят на прогулки, чтобы больше бывать на свежем воздухе, много читают, занимаются самообразованием. А заключенный № 7 Гесс?

Только смерть избавит его от заключения. В подвале тюрьмы для него и на всякий случай для его “коллег” уже заранее приготовлены гробы.

Положением о тюрьме в случае смерти заключенного забота о его теле возлагалась на четыре державы. Разрешение на проведение частных семейных похорон не гарантировалось. Не выдавалась даже какая-либо информация относительно организации похорон. В специальном документе была детально расписана их процедура. В случае смерти заключенного его тело должно быть тайно кремировано, а пепел рассеян во французском секторе Западного Берлина над озером Тегель.

Позже это положение было немного изменено. “В случае смерти одного из главных военных преступников его тело должно быть захоронено на территории тюрьмы Шпандау. Захоронение будет производиться в соответствии с обычной процедурой той веры, к которой принадлежал умерший заключенный, и в присутствии ближайших родственников, если они того пожелают. В дальнейшем Дирекция тюрьмы предоставит возможность родственникам умершего посещать его могилу в соответствии с порядком, который будет согласован между четырьмя директорами тюрьмы”.

Как-то французский директор в шутку предложил поместить Гесса в спирт или в какой-нибудь “маринад”, чтобы он дольше жил, а следовательно, и существовала бы тюрьма. Ведь все понимают, что в случае смерти Гесса может измениться и судьба других заключенных. Скажем, их переведут в другую немецкую тюрьму и всех директоров Шпандау уволят, а саму тюрьму упразднят. Или поставят вопрос о досрочном освобождении оставшихся преступников. В западной прессе настойчиво писали обо всем этом в 1959 году, так как в их законодательстве предусмотрено, что если преступник отбыл две трети срока наказания, он может быть амнистирован. В этом году о Шпандау и ее обитателях журналисты “забыли”, так как сейчас решается более важный вопрос – судьба Западного Берлина.

Вот характерные выдержки из прессы того времени. Западноберлинская газета “Шпандауэр Фольксблат”: “Амнистия для заключенных тюрьмы Шпандау. Осужденные в Нюрнберге Гесс, Ширах и Шпеер накануне освобождения. ...Как стало известно, в ближайшее время – по всей вероятности после Нового года – снова состоятся переговоры между Советами и тремя западными державами об окончательной ликвидации тюрьмы военных преступников. Полагают, что ликвидация тюрьмы будет произведена в течение трех-четырех месяцев будущего года...”

“Ни одна из сторон не заинтересована больше в том, чтобы держать за решеткой оставшихся трех заключенных, осужденных в Нюрнберге, – Рудольфа Гесса, Альберта Шпеера и Бальдура фон Шираха, на содержание которых требуются большие расходы, – заявил в прессе один английский дипломат. – Сейчас очень удобный момент для возобновления секретных переговоров, которые за короткое время могут дать положительные результаты”. Он напомнил, что даже английский королевский прокурор Г. Д. Робертс, один из обвинителей на Нюрнбергском процессе, решительно потребовал помиловать Гесса, Шираха и Шпеера.

“Трое заключенных, осужденных в Нюрнберге, являются самыми дорогими заключенными в мире. Их охрана и обеспечение ежегодно обходятся в 200 тысяч марок”. По мнению английского дипломата, в других странах, например в Польше и Чехословакии, нет серьезных возражений по поводу ликвидации тюрьмы и помилования заключенных...

Лето в разгаре. Жара. Суббота. Мы с Хартманом опять проводили цензуру. В третий раз вернули Гессу его письмо к жене. Потребовали переписать. Старческий маразм или он это делает назло, развлекаясь столь своеобразным манером? По всему видно, что Гесс до сих пор не смирился со своим положением. Ширах тоже переписывал первую страницу своего письма к дочери: начал вспоминать 20-е годы и события, связанные с ними, а по Уставу писать о политике заключенным воспрещается.

Вечером мы были в офицерском клубе на приеме у американцев по случаю 183-й годовщины независимости их стра-

ны. Хартман по этому поводу пошутил, что англичане, мол, сами дали им независимость, а американцы думают, что они ее завоевали. Удивительный человек Хартман. Эрудированный, скромный, говорит на четырех языках, хорошо знает всех родственников заключенных. Во время войны был в плену у немцев, освободили его наши. Он часто вспоминает об этом. Уже немолодой, ровесник моей мамы, но отношения у нас сложились, как у настоящих коллег. Я заметила, что большинство английских офицеров очень верующие люди, причем почти фанатики. Он же говорит, что верит только в то, что видит: "...В своих детей, в красоту природы. Я не знаю, есть ли Бог, лучше спросим об этом у тюремного пастора. Он наверняка знает, так как каждую неделю получает у него деньги за работу". Как и все англичане, Хартман любит свой небольшой садик у дома. Много в нем возится, а еще больше рассказывает о нем. На цензуру всегда опаздывает, просматривает письма заключенных и их родственников бегло. Доверяет во всем мне. Но это вовсе не означает, что он делает поблажки заключенным. В прошлую цензуру я предложила ему вырезать из письма жены Шпеера сообщение о болезни какого-то Петера. Хартман не сразу стал вырезать, а выяснил. Оказалось, что Петер – родственник заключенного, его племянник.

В письме сыну Ширах писал, что такой жары в Берлине не было с 1865 года. Можно поверить. Ширах много читает, и все газеты, выдаваемые заключенным, прочитывает от и до. Очень любит разгадывать кроссворды. Как только получает газету, сразу же садится за кроссворд и с нетерпением ждет следующий. Много знает и этим гордится, что видно из его писем сыновьям.

Заключенные каждый день получают четыре газеты на немецком языке: "Нойес Дойчланд", "Ди Вельт", "Дер Тагес Шпигель" и "Франкфуртер Альгемайне Цейтунг". Кроме того, цензоры каждую субботу выдают им религиозную газету. Заключенным выдают также тетрадки для записей, которые по окончании уничтожают.

Июль – наш очередной месяц несения караульной службы в Шпандау. На заседаниях будет председательствовать

советский директор. Для меня это значит, что я не могу уйти в отпуск, так как придется ездить в тюрьму каждый день. В мои обязанности входит всюду сопровождать директора на работе – ему постоянно нужен переводчик.

Июль оказался жарким не только в прямом смысле. Кроме каждодневных дел в Шпандау приходилось присутствовать на многочисленных протокольных встречах. Вспоминается прием у главного французского контролера Берлинского Центра воздушной безопасности майора Жосса. За столом встретились с Хартманом. Он, оказывается, дружит с главным английским контролером майором Нисбетом, который уходит в отставку и уезжает в Англию. Когда мы расселись на веранде за огромным столом, обильно уставленным яствами, Хартман пошутил, что это напоминает ему нашу тюрьму.

14 июля французы пышно отметили свой национальный праздник – День взятия Бастилии. Был парад и большой прием. Складывается впечатление, что Берлин живет не своей жизнью, а жизнью союзников, победителей. Немцев, как таковых, будто и нет.

В середине июля приезжал инспектировать тюрьму наш военный комендант генерал Чамов. По-прежнему держалась невероятная жара. Я думала, что просто умру в своей парадной форме. Прежде с комендантом всегда приезжал его адъютант Юрий Коровкин, хорошо знающий немецкий, и мое присутствие было формальным. На этот раз генерал приехал без Юры, и мне пришлось сопровождать его.

Входим в камеру Гесса. Он стоит навтыжку – длинный, худой, как скелет. Ему 65 лет, а выглядит на все сто. На вопросы генерала отвечает отрывистым "нет". Когда мы вышли из его камеры, я почувствовала огромное облегчение. Хотя мое начальство считает, что я женщина без нервов, я никак не могу в присутствии Гесса избавиться от чувства какой-то опасности.

Затем мы заходим поочередно в камеры Шпеера и Ширахы. Эти улыбаются, здороваются первыми, как и предусмотрено Уставом. По всей видимости, они любят дни инспектирования: все-таки новые люди, какое-то разнообразие

в их монотонной жизни. В ответ на вопросы о жалобах благодарят и отвечают, что жалоб нет, вопросов тоже нет. Ширах доволен, что русские дают черный хлеб, а то американцы совсем закармлили белым, это вредно для его желудка. Просит инспектирующего, чтобы вместо ячменного кофе, который он не может пить, давали чай. При организации питания заключенных в наш месяц мы старались соблюдать только минимум калорийности. В отличие от западников — никаких деликатесов. Мы никогда не покупали натуральный кофе, а только эрзац. Во время нашего месяца заключенные всегда просят не мыть кружки, чтобы сохранить по краям настоящий кофе, оставшийся от французского месяца.

После ремонта камерный блок выглядит светлым, стены выкрашены белой краской, как в больнице. Пол натерт так, что в дни цензуры я боюсь поскользнуться на своих шпильках. Стараюсь идти быстро, чтобы успеть за широко шагающим Хартманом.

Последний раз во время цензуры не вручили Гессу письмо от жены, так как все оно было посвящено похоронам бывшего нацистского писателя Ганса Гримма. Ильзе Гесс вспоминала прежние встречи с Гриммом, его дружбу с Гессом. Тесную дружбу с нацистским писателем поддерживал сын заключенного. Последний роман Ганса Гримма “Народ без пространства” я, к сожалению, не читала. Хартман читал и много мне о нем рассказывал. Хартман не возражал, когда я предложила это письмо заключенному не вручать. Странно, но мнение о своем коллеге мне приходится пересматривать. И не в лучшую сторону. Все потому, что последнее время Хартман стал менять свое объективное отношение к заключенным: он вдруг начал жалеть их, призывал проявлять снисходительность.

Нам приходится часто пускать в ход свое основное оружие производства — большие портняжные ножницы. очередными “жертвами” стали письма сестры Шираха Розалинды, жен Шпеера и Гесса. Все совершенно законно, строго на основании инструкции для цензоров. И тем не менее Хартман начал вдруг с жаром спорить, доказывая мне, что я слишком строго следую инструкции, положения которой можно

трактовать по-разному. Например, жена Шпеера в своем письме подробно описывает ее поездку в Дюссельдорф на похороны приятельницы, указывает фамилию, вспоминает их прежние встречи с ней и ее мужем и т. д. Все это, мол, можно отнести к ее семейным делам, утверждал Хартман, а не упоминаниям об их прежних знакомых. Станный он человек: спорил, доказывал, а когда я ему спокойно предложила обратиться к председательствующему директору, чтобы он разрешил наш спор, Хартман моментально со мной согласился, вооружился ножницами и сам вырезал из писем все места, которые шли вразрез с инструкцией.

Было уже обеденное время, мы опаздывали и, естественно, спешили с вручением писем. Первому, как всегда, вручаем почту Гессу (кроме еженедельного письма, жена прислала ему какой-то карандашный рисунок, который мы ему тоже не отдали). Вручили только предварительно изрезанное письмо, но в очень большом конверте. Надзиратель, по-моему, англичанин, уже закрыл камеру на все тяжелые засовы, спрятал свои огромные ключи, и мы пошли дальше по блоку к камере Шпеера. Вдруг раздался страшный стук и дикий вопль из камеры Гесса. Надзиратель побежал узнать, в чем дело. Быстро открыл камеру. Гесс выскочил в коридор и буквально набросился на нас: почему мы не все ему отдали. Хартман спокойно и терпеливо ему разъяснил, что мы не имеем права вручать заключенному рисунки и фотографии посторонних лиц, не членов семьи. Гесс быстро повернулся к нам спиной, заворчал что-то про себя и вернулся в камеру. Сцена была не из приятных! С остальными двумя заключенными разговаривать было легче.

Заключенным разрешалось иметь в камере одиннадцать фотографий членов семьи и родственников. Никто в Шпандау, кажется, уже и не помнил, почему была определена именно эта цифра. Но факт остается фактом, поэтому при получении новых фотографий заключенный обязан был вернуть лишнее. Все полученные от заключенного фотографии регистрировались и по его просьбе нумеровались.

В субботу с директорами обошли вокруг всей территории тюрьмы, осмотрели стены, вдоль которых пропущен ток

высокого напряжения. Английский директор предложил на день ток выключать: во-первых, это очень дорого для Сената, который несет все расходы по содержанию тюрьмы, и, во-вторых, на прошлой неделе у забора нашли убитую током собаку одного английского офицера.

Лето в этом году проверяет все живое на прочность. Трава выгорела, дикие кролики бегают по тюремному саду, не прячась от человека.

У поста № 2 за казармами англичане разравнивают площадку и строят бетонированный плац. Английский директор говорит, что это будет учебный танкодром. Строительство основательное, работают немцы, но оплачивают работу англичане. Вероятно, они еще долго собираются оставаться в Берлине. Вообще, вернувшись из отпуска, я заметила, что англичане начали активно ремонтировать все тюремные помещения, даже нежилые.



Фото 24. На параде английских войск в честь дня рождения королевы Елизаветы II.



Фото 25. Приезд гостей.



Фото 26. Парад английских войск на Олимпийском стадионе в Берлине.



Фото 27. Шотландцы на параде.



Фото 28. Прием в отеле «Эглон». Справа полковник Одинцов.



Фото 29. Прием в военной миссии Франции. Начальник миссии Шофен, полковник Одинцов.



Фото 30. Прием у французов.

Глава 7

Сегодня 12 августа 1959 года, пятница. Чуть не опоздала на инспекцию. Проводил ее американский генерал. Сегодня какой-то странный день – все спешат. Инспекция прошла быстро и гладко. Без вопросов и жалоб. Генерал торопливо спрашивал на ходу, а старший надзиратель Фаулер только успевал повторять: “Да, сэр”. Но зато американцы внимательно осматривали старые костюмы, ордена и мундиры заключенных, в которых они поступили в тюрьму. Особенно мундир летчика Люфтваффе, в котором Гесс летал в Англию. Я этого раньше не видела. Надо будет потом во время нашей инспекции повнимательней все рассмотреть. Запомнился только очень массивный золотой портсигар Шираха, усыпанный бриллиантами. Чей-то золотой с драгоценным камнем перстень. Еще вещи Гесса: компас, простые наколенные часы летчика.

Как известно, в мае 1941 года Гесс делает неожиданный для многих зигзаг: на самолете в одиночку он перелетает в Англию. Идею полета в Англию Гесс связывал с именем профессора Мюнхенского университета Карла Гаусхофера, которого он знал еще со студенческой скамьи. Учась в университете, Гесс изучал историю, экономику и политические науки, в том числе то, что затем оказало воздействие на всю его последующую жизнь: геополитику – науку о влиянии географического положения государства на его политику. Учителем студента в этой области стал профессор Карл Гаусхофер. Гесс любил посещать его лекции. Впоследствии они никогда не теряли друг друга из вида, а идеи Гаусхофера стали преобладать в мыслях и философии Гесса.

В первые дни Второй мировой войны они часто вели между собой продолжительные беседы. Гаусхофер говорил о бессмысленности воздушных налетов на Великобританию, и Гесс соглашался с ним. Он неоднократно подчеркивал, что “в Англии есть люди, осознающие весь ужас войны и желающие помочь положить ей конец”. Вспоминая эти беседы,

Гесс говорил, что Гаусхофер называл имя герцога Гамильтона, считая его влиятельным и здравомыслящим человеком. Гесс вспомнил, что он тоже встречал герцога на приеме в Берлине во время Олимпийских игр.

Гесс был также убежден в том, что его друг Гаусхофер обладает даром предчувствия, о чем говорит тот факт, что во время Первой мировой войны оно, по его рассказам, помогло ему однажды избежать смерти.

“Именно эта исключительная способность Гаусхофера, – говорил Гесс, – заставила меня предпринять полет в Англию. Гаусхофер рассказал мне, что трижды видел во сне, как будто я лечу на самолете в неизвестном направлении. Это окончательно убедило меня, что я должен лететь к герцогу Гамильтону, который поможет мне встретиться с королем и предложить ему мир. Я был уверен, что король сможет заменить сторонников продолжения войны миролюбивыми людьми”.

Для Гесса, воспитанного тоталитарным режимом, ничего не было необычного в том, что нужно разогнать парламент, убрать Черчилля и его правительство для осуществления единственной цели – заключить мирный договор с Германией. “С военной точки зрения, я был убежден, что Англию удастся склонить к переговорам. Тем не менее, решившись на такую миссию, я должен был сделать самый трудный шаг в моей жизни. Я понимал, как легко я мог ошибиться в своих намерениях и меня можно объявить сумасшедшим”.

И вот Гесс начал тщательно готовиться к своей необычной миссии. Вилли Мессершмитт, с которым Гесса связывала давняя дружба, предоставил ему специально переоборудованный из двухместного в одноместный самолет с дополнительными подвесными топливными баками на полторы тысячи литров. Гесс регулярно совершал длительные тренировочные полеты, детально изучал маршрут. Опытный технический персонал придирчиво проверял подготовленную для него машину. Эти приготовления, зафиксированные в показаниях многих свидетелей, опровергают утверждения о

том, что якобы Гесс действовал втайне от Гитлера и других нацистских главарей.

Из-за плохой погоды полет несколько раз откладывался, пока наконец Гесс вылетел с аэродрома Мессершмитта в Аугсбурге. Перед полетом Гесс передал через своего адъютанта письма жене, родителям и брату. В одном из них было завещание. Оставил он также письма для Гиммлера и Гитлера. Фюреру он объяснял причину своего решения и выражал уверенность, что сможет склонить Англию начать переговоры с Германией о прекращении войны и принять предложения, которые вез с собой. Гесс считал, что его миссия займет пару дней, а затем он вернется в Германию. У Гесса было рекомендательное письмо профессора Гаусхофера герцогу Гамильтону на случай, если оно понадобилось бы для организации встречи с герцогом в нейтральной стране.

“Геринг был командующим Люфтваффе, но у него не хватило бы смелости сделать то, что сделал я – полететь одному в Шотландию, – вспоминал Гесс. – Если бы вы знали, как мало у меня было практических полетов со времен Первой мировой войны, вы бы поняли, насколько блестяще я все выполнил – это был действительно необыкновенный одиночный полет над Северным морем. Когда я достиг побережья, я был вынужден уйти в облака, чтобы избежать зенитного огня. Море я пересек и очутился над маленьким городком к югу от острова Хоули”. Гесс пролетел над сельской местностью и, когда убедился, что находится возле Дангевела, резиденции герцога Гамильтона в Шотландии, взял курс на западное побережье. Развернувшись еще раз на восток, он летел вдоль железнодорожного полотна к югу от Дангевела, и здесь ему не повезло. Решив покинуть самолет с парашютом, Гесс выключил двигатель, перевернул самолет, но при отделении в результате чрезмерных перегрузок потерял сознание. Пришел в себя до приземления. Приземляясь, сломал лодыжку.

Это было 10 мая 1941 года в 22 часа 45 минут. “Я приземлился всего лишь в 30 метрах от дверей небольшого деревенского домика и вскоре сидел у камина и пил чай”, – вспоминает Гесс. Он представился хозяевам капитаном на-

цистских ВВС Альфредом Горном. Летчика сдали властям, а через несколько минут в загородной резиденции премьер-министра Англии Черчилля раздался телефонный звонок: “Гесс – в Шотландии”.

Естественно, что перелет заместителя Гитлера по руководству нацистской партией, генерала СС и СД, члена Тайного совета и члена Имперского совета обороны Рудольфа Гесса в Великобританию должен был вызвать и, конечно же, позже вызвал сенсацию. Но на первых порах Гесса ожидали сюрпризы. Его, например, раздосадовало то, что в нем не спешили признать самого Рудольфа Гесса. Осматривавший его врач в ответ на слова “Я – Рудольф Гесс” рассмеялся и сказал: “В нашей больнице есть человек, который считает себя царем Соломоном”.

Официально об исчезновении Гесса руководство национал-социалистической партии поведало только 12 мая. В сообщении говорилось, что “Гесс, несмотря на запрет в связи с болезнью пилотировать самолет, 10 мая в 18 часов вечера стартовал на самолете из Аугсбурга в полет, из которого не вернулся до сего времени. Оставленное Гессом письмо свидетельствует (ввиду его бессвязности) о наличии признаков умственного расстройства, что заставляет опасаться, что Гесс стал жертвой умопомешательства”. Далее высказывалось предположение, что Гесс, видимо, разбился. 13 мая английские власти сообщили о приземлении Гесса в Шотландии, и нацистская пропаганда тут же отыграла назад, выдвинув версию о том, что “этот идеалист стал жертвой одной из навязчивых идей”, а именно “добиться соглашения между Англией и Германией”. Англичане же продолжали настаивать на том, что Гесс бежал в результате разногласий и раскола в руководстве национал-социалистов.

А вот как описывает Шпеер в своих мемуарах события, связанные с перелетом Гесса в Шотландию:

“...В вестибюле “Бергхофа” (резиденция Гитлера. – М. Н.) находились бледные и взволнованные адъютанты Гесса Лейтген и Пич. Они попросили меня пропустить их первыми, так как они должны были передать Гитлеру личное письмо Гесса. В это время из своих жилых апартаментов спу-

стился Гитлер. Одного из адъютантов он пригласил в гостиную. Я тем временем начал снова просматривать свои чертежи и вдруг услышал звериный вопль. Затем Гитлер рывкнул: “Бормана сюда! Где он?” Лишь через несколько часов мы узнали, что же произошло: заместитель фюрера перелетел во враждебную Англию.

Внешне Гитлер как будто успокоился. Он боялся только, как бы Черчилль не вздумал воспринять случившееся как мирную инициативу Германии. “Кто поверит, что Гесс вылетел не по моему поручению, что это не тайный стговор за спиной моих союзников?” Он не без тревоги высказал опасение, как бы поступок Гесса не повлиял на поведение союзников и даже на политику Японии. Гитлер связался с известным военным летчиком Эрнстом Удетом. Он хотел выяснить, может ли двухмоторный самолет достичь намеченной точки в Шотландии и какие метеорологические условия на маршруте полета. Через некоторое время Удет сообщил по телефону, что у Гесса ничего не выйдет даже из-за навигационных трудностей. Можно предположить, что при господствующих там сильных боковых ветрах он пролетит мимо Англии. Это вселило в Гитлера некоторую надежду: “Ах, если бы он упал в Северное море! Тогда бы он бесследно исчез, а мы могли бы спокойно придумать какое-нибудь приемлемое объяснение”. Но позже Гитлера охватили сомнения, и, желая опередить англичан, он решил сделать сообщение – якобы Гесс потерял рассудок. Обоих адъютантов Гесса, как поступали некогда с гонцами, доставившими недобрую весть, арестовали.

С этого момента в окружении Гитлера о Гессе почти не вспоминали. Долго и всерьез им занимался только Борман. Он тщательно изучал биографию своего предшественника, преследовал его жену.

Поведение Гесса Гитлер объяснял отрицательным влиянием на него профессора Гаусхофера. Через двадцать пять лет, в тюрьме Шпандау, Гесс совершенно серьезно заверял меня, что идею полета внушили ему во сне неземные силы. Он говорил, что вовсе не собирался противопоставлять себя Гитлеру и даже просто причинить ему неприятность. “Мы

гарантируем Англии сохранение империи, а она развязывает нам руки в Европе...” Такова была цель миссии, с которой Гесс полетел в Англию и которую он не сумел осуществить. Таково, кстати, было и одно из желаний Гитлера до начала войны, а также после ее начала”.

Пока воюющие стороны упражнялись в дезинформации, а мировая печать спорила о том, мог ли сумасшедший выступить с вполне здоровой речью на “празднике труда” и через неделю проделать в одиночку путь длиной 900 миль на самолете новейшей конструкции, не забыв при этом подвесить к нему дополнительный топливный бак.

“Немного позже меня на машине отвезли в Глазго, — рассказывал Гесс, — но прежде чем отправить в госпиталь, посадили в камеру. Возле моей постели, наблюдая за мной, стояла вооруженная охрана. Все же я смог повидаться с герцогом Гамильтоном, которому объяснил цель моей миссии, а затем меня увезли”.

Итак, поступок Гесса многие пытались объяснить неуравновешенной психикой. Некоторые строили домыслы о якобы возникших разногласиях в нацистской верхушке, и в частности между Гитлером и Гессом. И та и другая версии не соответствовали действительности, если анализировать факты и объективную обстановку того времени.

К маю 1941 года нацисты господствовали на большей части Европейского континента. Франция, один из главных противников нацистской Германии, была повержена. Небольшие государства или оккупированы или превращены в сателлитов фашистских держав оси. Мощь Германии была настолько велика, что нацистская верхушка перестала относиться к Англии как к серьезному противнику, считая завоевание Британских островов делом времени. Гитлер и его окружение на первый план ставили задачу уничтожения Советского Союза, готовили нападение на СССР. Ради этого и делалась попытка договориться о мире с Англией. С ней имелось в виду разделаться потом, после выполнения главной задачи — разгрома большевизма.

По разработанному плану Гесс должен был встретиться с руководителями английского правительства и предложить

им широкую программу “мирного урегулирования” с Германией. Кстати, в ночь с 9 на 10 мая 1941 года — перед появлением Гесса в Шотландии — немецкие самолеты произвели массированную бомбардировку английских городов. Из этого видно, что “переговоры” с Англией Гитлер намеревался вести с позиций силы.

Первое собеседование с Гессом вел опытный дипломат Киркпатрик. Он лично знал Гесса еще во время своей службы в английском посольстве в Берлине. Гесс заверил Киркпатрика, что “пользуется безраздельными полномочиями фюрера” и поэтому предлагает Англии заключить мир. Признание гегемонии Германии на Европейском континенте и возврат бывших немецких колоний — таковы были условия этого мира. Со своей стороны, гитлеровская Германия “гарантировала” неприкосновенность Британской империи.

Затем к переговорам с Гессом, которые держались в строжайшей тайне, подключился член английского правительства, известный мюнхенец лорд-канцлер Саймон. “Мы вошли в конференц-зал, — рассказывал впоследствии один из участников этих переговоров. — Гесс, облаченный в новую блестящую летную форму и сапоги, уже поджидал. Нас официально представили... Мы уселись за стол: Гесс — по одну сторону, я и Саймон — по другую, а переводчик во главе стола”. Гесс передал Саймону документ под названием “Основы соглашения”. Саймон обещал ознакомить с его содержанием английское правительство. Гесс уточнил далее, что территория Советского Союза должна остаться, по условиям соглашения, “сферой влияния” гитлеровской Германии. Характерно, что Черчилль распорядился рассматривать Гесса не как военного преступника, а как официального эмиссара Гитлера. В распоряжение “эмиссара” в сельской местности в полчасе езды от города была предоставлена комфортабельная вилла. Гесс совершал большие прогулки, объезжал окрестности на автомашине, восхищаясь замечательной природой Шотландии, занимался музыкой. В течение четырех лет формально находясь на положении узника, он благодаря стараниям своих английских друзей чувствовал себя превосходно.

В Англии Гесс вел себя самоуверенно, не сомневаясь в победе Германии, и даже пообещал начальнику охраны после окончания войны пожаловать замок в Шотландии. Лондон выжидал момент... Гесс был абсолютно уверен, что если Англия не будет вести переговоры, то она окажется перед лицом разгрома и полного разрушения. Условия так называемых мирных предложений, которые привез Гесс, на самом деле были расшифровкой предложений, привезенных в Лондон накануне войны одним из агентов Геринга. Они включали в себя следующие пункты:

- Германии будет предоставлена полная свобода действий в Европе;
- Англии – в империи, за исключением бывших немецких колоний, которые должны быть возвращены Германии;
- Россия будет рассматриваться как часть Азии, как основа для требований, которые будут предъявлены Сталину и будут решены либо путем переговоров, либо путем войны;
- Англия уйдет из Ирака;
- Английским и немецким гражданам будет возмещена стоимость собственности, утраченной во время войны;
- Вышеизложенные предложения должны быть рассмотрены новым правительством Англии без Черчилля и его коллег, осуществлявших военную политику начиная с 1936 года.

Осенью 1941 года, когда первоначальные успехи гитлеровских войск на советско-германском фронте породили кое у кого в правящих кругах Англии иллюзии о “непобедимости” Германии, переговоры с Гессом немедленно возобновились. Их вел лорд Бивербрук – личный друг Черчилля и самый близкий к нему член кабинета. Более того, есть основания полагать, что и Бивербрук не был последним государственным деятелем, с которым Гесс, находясь в Англии, проводил конфиденциальные беседы. В стенограмме Нюрнбергского процесса сообщалось о весьма примечательном факте. На судебном заседании 31 августа 1946 года Гесс хотел сообщить трибуналу о своей миссии в Англию. Свой рассказ он начал словами: “Весной 1941 года...”, – но тут же был прерван председателем Трибунала англичанином Лоуренсом.

“Миссия Гесса” так и не увенчалась успехом. Ее встретила в штыки английская общественность. Она оказалась неприемлемой и для Черчилля, поскольку сбивала Англию на путь еще более позорный, фактически лишая ее роли европейской державы. Великобритания находилась в тяжелом положении, но и по тогдашним временам условия нацистов были более чем унижительными. Гесс и его коллеги явно переигрывали. Английское правительство не могло пойти на их условия без серьезного конфликта с собственным народом.

Английскую идиллию Гесса прервало окончание войны. Из Англии он был доставлен в разрушенный Нюрнберг во Дворец юстиции на скамью подсудимых союзнического трибунала. Однако “заслуги” Гесса не были забыты, и голосами судей из западных стран Гесс был приговорен к пожизненному тюремному заключению, в то время как советская сторона высказала особое мнение, считая, что Гесс заслуживает смертной казни.

Преступник, совершивший убийство с целью ограбления, менее опасен для общества, чем тот, кто создает преступную государственную систему. Для поимки и ликвидации первого достаточно нескольких расторопных криминалистов. Чтобы обезвредить второго, как показывает опыт истории, требуются большие силы и жертвы многих народов. Гесс сам не расстреливал и не вешал, но усилиями нацистской клики, где он играл одну из ведущих ролей, были совершены злодеяния против миллионов людей. В этом смысле никакого значения не имеет тот факт, что четыре последних года войны Гесс отсиживался в английском плену. Преступная система, созданная при его участии, действовала, оставляя несмываемые кровавые пятна не только на Гитлере, Геринге, Гиммлере, но и на Рудольфе Гессе.

“Много времени тому назад – это было еще до начала войны – Рудольфа Гесса называли “совестью партии”. Если мы спросим, почему заместителю фюрера было дано это почетное звание, то на этот вопрос нетрудно ответить: нет ни одного события в нашей общественной жизни, которое не было бы связано с именем заместителя фюрера. Он настоль-

ко многосторонен и своеобразен в своей работе и в сфере своей деятельности, что об этом нельзя сказать несколькими словами... многие мероприятия, проведенные правительством, особенно в сфере военной экономики и в партии, проводились полностью по инициативе заместителя фюрера". Так писала о Гессе газета "Национал Цейтунг" 24 апреля 1941 года.

На процессе Гесс разыгрывал невменяемого, потерявшего память человека, ничего не знающего и ни за что не несущего ответственности. Он отказался отвечать на вопросы судей и обвинителей, предоставив право своим защитникам выгораживать его. Это им не удалось. Документами и показаниями свидетелей была доказана его причастность к заговору против мира, к чудовищным преступлениям против европейских народов.



Фото 31. Геринг, Гесс и Риббентроп на скамье подсудимых в Нюрнберге.



Фото 32. Гитлер и Гесс на улицах Берлина.



Фото 33.
Гесс подписывает
Указ о присоедине-
нии Судетской
области к Герма-
нии.



Фото 34. Сын Гесса Вольф Рюдигер с адвокатом отца.



Фото 35.
Гесс готовится
к перелету
в Англию.



Фото 36. Маршрут полета Гесса.

Глава 8

Каждую неделю заключенные писали письма домой. Наказание в виде лишения переписки с родными было для них самым суровым. Так Гесс за неоднократное нарушение режима был лишен права писать и получать письма в течение месяца. Вся корреспонденция Гесса к близким, несомненно, попадала из семьи к его биографам и издателям. Видимо, именно в расчете на это письма к жене, как правило, умело дополнялись патристическими и призывными фразами. Хотя в одном письме Гесс писал, что уже достиг такого возраста, когда для молодежи он помеха. Он надеялся, что молодые люди, которых это касается, сделают правильные выводы. “То, что я смог сделать для них, я уже сделал, хотя это было очень трудно. Даже молчанием можно выразить свое отношение к окружающему”, – писал Гесс.

В большинстве своих писем Гесс обращался к жене “Моя Единственная”. Копируя древнеримский стиль, он заканчивал письмо просто “Дед” или “Ваш Дед”. Своим именем он никогда не подписывался. В 1953 году заключенным объявили, что теперь они могут писать письма еженедельно. Об этом Гесс с радостью сообщал своей жене:

“Моя дорогая и Единственная,

Итак ты удивлена! Едва я написал письмо 19-го, как тут же начал писать другое. Короче, это сенсация для заключенных Шпандау!

С сегодняшнего дня можно посылать одно письмо каждую неделю и соответственно получать от семьи до 1300 слов, если можно на машинке, чтобы облегчить работу цензуре. Но не думай, что я действительно смогу еженедельно писать письма в 1300 слов. Для этого у меня нет ни тем, ни духу. Одиннадцать с половиной лет неволи не прошли для меня бесследно. Мое следующее письмо, возможно, будет через две недели и обращено ко всем друзьям.

Ваш Дед”.

Но в дальнейшем Гесс передумал и писал письма каждую неделю, в большинстве которых, как правило, делился прочитанным. В своих письмах он обсуждал своего любимца – императора Наполеона, примерял себя к этой роли. “Воля Наполеона была сконцентрирована на славе, которой он добивался любой ценой, даже ценой жизни миллионов людей, и поэтому его добрые намерения сделать что-то хорошее для французского народа и всего мира представляются бессмысленными. Будучи представителем рода человеческого, он был лишен малейшей толики доброты, которую История требует от великих.

Очень важно, на осуществление каких целей направлялась его сила воли. Сила воли у Наполеона, конечно, была невероятной и, возможно, никем не превзойденной. Контроль над своим телом и разумом у него был таким мощным, что он мог спокойно спать даже в седле бегущей рысью лошади или прямо перед решающим сражением. Наполеон обладал необычайной способностью в нужный момент сосредотачиваться или полностью от всего отключаться. Когда он обдумывал какую-либо проблему, он как бы открывал определенный клапан в своем мозгу, а когда хотел спать, он закрывал все клапаны. И таким образом он отдыхал.

Постоянные упражнения по тренировке силы воли и самоконтроля позволяли Наполеону легко отказываться от пищи. Например, целый день не есть мясо, хотя и очень хотелось. Съест за день только одно яблоко или пару сухариков”.

Наблюдая за самолетами, часто пролетающими над Шпандау, бывший летчик Гесс писал:

“Я считаю, что это безрассудная глупость перевозить несколько десятков человек по воздуху со скоростью 400 км в час, когда они не так уж и спешат и могли бы поехать на поезде. Ежедневно тысячи самолетов своим гулом беззастенчиво нарушают покой тысяч людей. Прекращается даже пение птиц, а кролики прячутся в норы в нашем тюремном саду. Шум пролетающих по маршруту самолетов пагубно влияет на природу. И все это называется “культурный прогресс”.

Мне хотелось бы знать, читает ли наш сын специальную литературу или все подряд, что попадает под руки? В его возрасте я увлекался изучением природных явлений и астрономией, много читал об этом, из-за чего даже запустил учебу по бухгалтерскому учету и в результате провалил экзамены.

Я не люблю все, что связано с бизнесом, хотя это не значит, что я считаю его второстепенным. Человек, занимающийся большим бизнесом, играет определенную роль в обществе, это я хорошо знаю из своего опыта работы в Египте.

Судьба, однако, определила мне другую роль и в результате — я нахожусь здесь.

Дед”.

В другом письме “молчаливый” Гесс самокритично признавался в своей чрезмерной болтливости и писал жене:

“Мамочка,

Пусть моя многословная “писанина” не вводит тебя в заблуждение. Я все такой же старый молчаливый Гесс, каким был раньше. Мне интересно, унаследовал ли сынок от меня бережное отношение к деньгам? Я был бережливым до жадности. И в то же время мог до безрассудства швырять деньгами. Иногда я даже ходил пешком, чтобы сэкономить каких-то 20 пфеннигов, но зато, не считая, тратил деньги на полеты на спортивных самолетах.

Что касается игры в шахматы (*его сын увлекался ими. — М. Н.*), то я советую ему всегда внимательно следить за своими пешками. Я всегда делал это и однажды был вознагражден. Еще в 1916 году в военном госпитале чемпион мира по шахматам давал сеанс одновременной игры на нескольких досках. И только одну игру он проиграл. Проиграл мне. “Необычайно осторожному”, — зло заметил чемпион.

Что касается нового учителя, о котором ты пишешь. Он должен знать, что незадолго до войны один из моих двоюродных братьев, Ганс Гесс, преподавал геометрию в высшей школе Нюрнберга. Одним из его хобби было изучение ледников, другим — марксизм. Вплоть до 1933 года он был советником мэрии Нюрнберга и считал себя социал-демокра-

том. Говорят, что каждый раз при упоминании моего имени у него становились дыбом волосы. Мы считали его “белой вороной”, и это нас забавляло.

Ваш Дед”.

В письме ко дню рождения сына Гесс писал:

“Мой Филио,

Может, ты, мой единственный сын, станешь блестящим инженером. Об этом я мечтал в юности, но не смог осуществить свою мечту, так как меня ждала работа в фирме деда. Когда дела у него шли не совсем благополучно, я снова возвращался к своей старой мечте, только уже в другом масштабе. Я хотел стать инженером по переустройству мира и, конечно, кое в чем преуспел, пока Судьба не сказала “достаточно” и отправила меня в тюрьму Шпандау, где я сижу и сейчас.

Я желаю тебе в твой день рождения, мой мальчик, чтобы эта загадочная сила, которую мы называем Судьбой, немного охладела ко мне и управляла бы твоей жизнью более спокойно, тверже, строже и не бросала тебя в бушующую пучину. Жизнь можно сравнить только с лестницей, которая может тебя вознести, но причиняет тебе неудобства, когда ты идешь вниз и застреваешь в подвале.

Ваш Дед”.

Глава 9

26 октября на заседании директоров английский директор подполковник Бенфилд попросил высказать мнение относительно планов английских властей занять пустующее в данный момент здание по Вильгельмштрассе, 24, под клуб для английских солдат. Это здание принадлежало тюрьме, и до 1956 года там размещался караул. Сейчас англичане заканчивают его ремонт. Солдатский клуб предполагается создать за счет средств религиозного общества. На первом этаже будет зал для танцев, на втором – служебные помещения. Продажа алкогольных напитков будет исключена. Здание будет обнесено забором, а вход планируется со стороны улицы. Первым слово взял, согласно процедуре, наш директор. Он назвал предложение неожиданным и подчеркнул, что нужно время для его изучения. Однако в данный момент он считает, что открытие клуба в этом здании создаст угрозу безопасности тюрьмы. В конце заседания французский директор поинтересовался, будут ли солдаты приглашать в клуб гражданских лиц, и, получив утвердительный ответ, высказал беспокойство, что это даст возможность фотографировать всю внутреннюю территорию тюрьмы, а это, в свою очередь, потребует принятия дополнительных мер безопасности. По общему решению директоров дальнейшее обсуждение этого вопроса было перенесено на следующее заседание.

Очередная цензура прошла более или менее гладко. Вырезали несколько строк из письма жены Шпеера, в которых она упоминала о каком-то Лингуане, а из письма его сына Фрица – последнюю неразборчиво написанную фразу. Гессу не вручили цветную фотографию пансионата для туристов в горах, который содержит его жена. В своем письме жена Гесса опять жаловалась, что очень устает, – ей приходится все делать самой, так как ни одна служанка долго не задерживается. Когда Гессу вручали письмо от жены, он еле поднялся. Взяв письмо, сразу же лег. Погода стоит отвратительная:

дождь, холодный ветер. Наверное, это и стало причиной его недомогания. Остальные двое заключенных, как всегда, бодры и здоровы, особенно Ширах. Он всегда улыбается. Английский надзиратель рассказывал мне, что, возвращаясь с прогулки, он, как правило, насвистывает веселые мелодии, напевает. На ночь затыкает уши, а на глаза надевает специальную темную повязку, чтобы его не беспокоил свет, который включают надзиратели при периодическом просматривании камер. Никакой бессонницы. Ширах крепко спит всю ночь. Удивительное качество у этого человека – в любых условиях оставаться оптимистом. Один только раз ему было очень плохо, когда он получил известие о предстоящем разводе с женой. Ширах хотел даже отравиться, но взял себя в руки.

Шираху было 38 лет, когда он предстал перед Международным судом как военный преступник. Ширах был не только самым молодым среди нацистских главарей, сидящих на скамье подсудимых, но и самым ревностным последователем теории “чистокровной арийской расы”. На процессе Ширах пытался приуменьшить свою вину, но суд не поддался его ухищрениям, и он был отправлен на 20 лет в тюрьму Шпандау. Оказавшись в тюрьме, Ширах все же был удивлен. Он думал, что его повесят.

В 1948 году Ширах передал небольшую записку своей жене Генриетте. В ней он сожалел о том, что они “не ценили своего счастья, которому, правда, всегда угрожала опасность. И хотя прежнее время никогда не вернется, но все равно то, что оно было, это уже счастье”. Генриетта Ширах не стала вдаваться в воспоминания: она впоследствии просто развелась со своим мужем. Генриетта жила и работала в Мюнхене. В конце недели уезжала в Урфельд на озеро Вальхензее, где у нее был большой дом. Дом был куплен на деньги, заработанные ею, когда она была ассистентом в фотолаборатории отца. Второй старинный особняк, похожий на английский замок, – свадебный подарок отца, находился вблизи Бад Кохеля в Баварии.

Отец Генриетты Генрих Гофман, ярый приверженец национал-социализма, до 1938 года был владельцем небольшо-

го фотоателее, зарабатывал “на хлеб” фотографированием обнаженных танцовщиц. Потом переключился на издание порнографических открыток. Натуру для своих съемок Гофман подбирал во второразрядных кабаре. Одна из многочисленных натурщиц стала его помощницей. То была 18-летняя Ева Браун – девушка из толпы, одна из тысяч юных созданий, кто восторженно приветствовал фюрера на митингах и бросал цветы под колеса его автомобиля.

В один из дней Гофман взял ее на съемку предвыборного митинга. Гитлер был полон сил, популярность партии росла, публику после митингов, чтобы освободить проезжую часть, приходилось разгонять конной полицией. Он владел полностью аудиторией, гипнотизировал публику независимо от смысла сказанного. Ева не была исключением. За публичной съемкой последовала частная, затем – интимный обед, завершившийся в постели. Ева стала любовницей Гитлера, она была моложе его на двадцать три года. Она родилась в Мюнхене в семье школьного учителя. Сдержанная, даже застенчивая, она мало интересовалась политикой, отдавая предпочтение спорту, чтению романов и просмотру кинофильмов. Гитлер сделал ее финансово независимой, передав права на публикацию собственных фотографий ей и Генриху Гофману. Это был самый долгий роман Гитлера, который закончился заключением брака в апреле 1945 года, за день до того, как он дал цианистый калий ей, собаке и покончил с собой.

Генрих Гофман в самое короткое время сделал блистательную карьеру, основал большое издательство и ревностно служил нацистам. В 1950 году мюнхенским судом Гофман был приговорен к пяти годам тюремного заключения, в течение 10 лет после отбытия наказания ему запрещалось заниматься фотографированием и издательской деятельностью.

Генриетта, оправдывая развод, утверждала, что она не оставила своего мужа в беде в тяжелую минуту, а стала “вдовой” нацистского режима еще задолго до Шпандау – ее муж “женился” на нацизме и его гитлеровской молодежной организации. Изолированный от внешнего мира, Ширах, по его собственному признанию, вел в тюрьме жизнь “тибетского

монаха”. Впрочем, по словам Генриетты, в совместной жизни Ширах всегда был далек от всех и всего, включая ее и детей.

В своих письмах, полных философских рассуждений – весьма, кстати, противоречивых – о смысле жизни, поэзии и религии, Ширах никогда не обращался к жене с теплыми словами участия, ни слова не писал о воспитании детей, не интересовался материальным положением семьи. Он всегда думал только о своих идеях. Ни на свиданиях, ни в письмах из тюрьмы, вплоть до развода, он ни разу не поинтересовался, как она живет, как зарабатывает деньги. Но зато он мог “осчастливить” ее очередной сочиненной им и оторванной от жизни поэмой.

Генриетта, судя по всему, не витала в облаках и вполне прозаически выговаривала в письме Шираху: “Ты хоть раз задал себе вопрос, как мы ухитряемся существовать? Вместо того, чтобы, сидя в своей камере и изучая философию, латынь, французский, сочиняя стихи и обдумывая свое место в истории, как ты это называешь, ты подумал бы и поинтересовался, где взять нам обычный кусок хлеба? Ты оторвался от всех и вся, ты по-прежнему витаешь в облаках. С годами я поняла, что твоя навязчивая идея о месте в истории и идеалистические мечты все дальше и дальше удаляют тебя от меня и детей.

Помнишь тот день в 1943 году, когда я приехала в Берхтесгаден из Амстердама, где была у друзей? А журнал “Лайф”, купленный мною при возвращении через Лиссабон? Я показала его Гитлеру, который, как ты знаешь, вряд ли когда-нибудь читал иностранную литературу. Я обратила его внимание на статью в журнале о войне и ее жестокости. Ты помнишь, что произошло? Ты был в комнате в то время. Гитлер вспыхнул и сказал мне: “Вы, люди, должны научиться ненавидеть, каждый из вас. А вы слишком сентиментальны”.

Я увидела, что мое присутствие разгневало фюрера и ушла. Мартин Борман ходил взад и вперед, старался успокоить Гитлера. Поднимаясь по лестнице, я услышала звуки симфонии Вагнера “Сумерки богов” и вдруг поняла, что те,

которых я только сейчас покинула, обречены. Они конченные люди.

При встрече я рассказала тебе о своем предчувствии. Ты обозвал меня душой, которая не поняла, что сегодняшний мир – мир жестоких людей. Я всегда что-то не понимала, в твоих глазах я всегда была душой.

Когда гитлеровская Германия потерпела крах и нас окружили развалины, я была уверена, что ты попросишь меня принять вместе с тобой яд, как это сделал Геббельс со своей женой и детьми. Наш лучший друг Колин Росс (*американский писатель, который жил в Германии и работал на нацистов во время войны. – М. Н.*) сказал: “Я сделал неправильный шаг и я должен нести ответственность за последствия”. После этого Колин сам вырыл себе могилу в саду нашего дома в Урфельде и застрелился в гостиной.

Я похоронила его, завернув в брезент его любимой палатки, и тогда я была готова принять смерть вместе с тобой. Ты ответил мне: “Я не могу покончить с собой. Вначале я должен очистить свое имя и занять соответствующее место в истории”. Как всегда, ты был далек от реальной действительности. Если бы я приняла яд, это, может, избавило бы меня от страданий и сохранило бы жизнь моим детям. Я очень часто высказывала тебе свои чувства, но ты всегда игнорировал их, так как был не способен оценивать реальность”.

На этот раз Шираху некуда было уйти от реальности, которая предстала перед ним в последних строчках письма: “Я хочу развестись с тобой немедленно”. После получения письма Ширах ни с кем не разговаривал. Утром дежурный надзиратель, войдя в камеру к Шираху с обычной проверкой, спросил его:

- Есть жалобы?
- Я чувствую себя нормально, хотя и не все у меня нормально.
- Как это понять?
- Мои нервы сдали и у меня ужасная головная боль. Я думаю, что мое состояние вызвано полученным письмом от

жены. Она хочет развестись со мной. Все, все кончено теперь.

Надзиратель с ведома директора предложил ему таблетки от головной боли.

– Спасибо, но я надеюсь, что это нужные таблетки? – настороженно спросил Ширах на безупречном английском. – Цианистый калий в этом случае наиболее подходящее средство. Мои родственники и друзья хорошо вам заплатят, если вы достанете мне капсулу.

– Не валийте дурака. Моя обязанность сохранить вам жизнь, а не убивать вас. Таблетки помогут вам, и вы смиритесь со своим положением, – ответил надзиратель, покидая камеру.

Накануне Ширах почти не спал всю ночь. Такое состояние длилось больше недели, наконец, он попросил карандаш и лист бумаги и написал жене ответное письмо. Извиняясь за долгое молчание, он ее благодарил за все хорошее, что было в их жизни, и согласился на развод. Много позже в письмах к детям Ширах никогда не жаловался на свою судьбу. Его письма были очень разумны, полны советов и ненавязчивых нравоучений, и если кто-то начинал хандрить, он его успокаивал, уверяя, что быть свободным – это уже счастье.

В его поведении меня удивляло какое-то подобострастие в обращении с обслуживающим персоналом тюрьмы. Он всем улыбался, но улыбка казалась мне такой униженной, что уж лучше не улыбаться. Или наберет в тюремном саду полную фуражку каштанов и, согнувшись в поклоне, с той же улыбкой их предлагает.

Но вернемся к его делам семейным. У Ширахы – четверо детей: старшая дочь Ангелика и три сына – Клаус, Роберт и Рихард. Опекуном детей был назначен брат бывшей жены Генрих Гофман-младший, сын личного фотографа Гитлера. На свидании с опекуном, который пришел обсудить бракоразводные дела, а также желание сестры Ширахы Розалинды принять участие в воспитании детей, Ширах сказал, что хотел бы тоже участвовать в их воспитании. Но в связи с тем, что Ширах находился в тюрьме и отсутствовали необходи-

мые документы с его стороны, суд Баварии принял решение взять детей под свою опеку. На столе Шираха неизменно стояли фотографии дочери и трех сыновей, но не было фотографии их матери – его бывшей жены.

По происхождению Ширах был англосаксом. Но в 1943 году, выступая на митинге в Вене, он грубо и оскорбительно высказался в адрес Англии. Генриетта, узнав об этом, тут же позвонила из Мюнхена. Ширах пришел в ярость, окриком оборвал ее на полуслове, требуя, чтобы она замолчала, добавив, что “и для жены Шираха тоже существует концентрационный лагерь”.

Семья Шираха была тесно связана с Америкой, хорошо знала американцев и образ их мышления. В этой связи у Шираха возникла идея использовать американских друзей и, в частности писателя Колина Росса, для зондирования почвы по дипломатическим каналам – можно ли вывести Америку из войны против Германии. Ширах считал, что американского президента Рузвельта можно будет убедить поддержать немецкие территориальные притязания в Европе и что эта его идея может заинтересовать Гитлера и Геринга. Однако министр иностранных дел Риббентроп не разделял идею Шираха. И этого было достаточно, чтобы она оказалась мертворожденной. “Это была очередная нереальная мечта моего мужа, которая лопнула, как мыльный пузырь”, – говорила Генриетта. Она считала, что Ширах стал жертвой воспитания – этаким идеалист, витающий в облаках. Так, например, уже находясь на скамье подсудимых, он был уверен, что суд его оправдает и даже выплатит... денежную компенсацию. Он также утверждал, что воспитанная им молодежь не может нести ответственность за зверства и преступления в войне. Он, по свидетельству тех, кто его знал, никогда не мог объективно оценивать свои поступки.

Стройная и привлекательная Генриетта Ширах, со слегка подкрашенной сединой и короткой стрижкой, не была активным членом клуба жен заключенных тюрьмы Шпандау, который был организован в 1946 году. В задачи клуба входили: обмен информацией о Шпандау, политическая деятель-

ность за улучшение условий содержания заключенных, а также борьба за досрочное освобождение мужей.

Обмен “информацией о делах тюрьмы” жены заключенных предпочитали вести не с бывшей женой Шираха, а с ее братом Генрихом Гофманом, который был в курсе всех дел Шираха. Несмотря на то, что дети Шираха находились под опекой суда, Генриетта с помощью своего брата также принимала посильное участие в их воспитании. Ангелика училась в Висбадене на художника, рисовала рекламные плакаты, которые иногда удавалось пристроить. Она так же, как и мать, взяла фамилию своих американских родных. Ангеликой ее называли, кстати, в честь племянницы Гитлера, которая покончила жизнь самоубийством. Первой и, утверждают, единственной настоящей любовью Гитлера была красавица Ангелика Раубаль, дочь его двоюродной сестры. Роман начался в сентябре 1929 года, когда она приехала из Вены в Мюнхен к своей матери, работавшей экономкой у Гитлера. Гитлеру было уже сорок лет, и он взял на себя опеку над ней, поселив в соседней бдительно охраняемой спальне. Появлялся периодически с Ангеликой на общественных мероприятиях, демонстративно оказывая ей знаки внимания. В сентябре 1931 года Ангелику нашли с огнестрельной раной в груди в их мюнхенской квартире. Гитлер впал в прострацию, опасались даже, что он пустит себе пулю в лоб. Однако три дня спустя ему пришла телеграмма: президент Гинденбург приглашал на беседу. Судьбоносная встреча вернула Адольфа к жизни. Причина же смерти Ангелики до сих пор неизвестна и является тайной за семью печатями. Назвав этим именем своего первенца, Ширах польстил Гитлеру.

Являясь детьми американки и прусского аристократа, Бальдур и его сестра Розалинда в 1952 году стали единственными наследниками большого семейного состояния, вложенного в США в ценные бумаги. Так заключенный № 1 Бальдур фон Ширах стал самым богатым человеком тюрьмы Шпандау. Сестра Шираха Розалинда вообще уехала жить в США.

В Америке на все состояние Шираха до выхода его из тюрьмы был наложен арест как на собственность врага. Узнав о сказочном наследстве, Генриетта впервые после развода прислала ему письмо с просьбой дать письменное разрешение на

передачу части средств детям, но получила решительный отказ. Некоторое время спустя по просьбе матери обратилась к отцу дочь Ангелика. Но тоже получила отказ. В разговоре с Генрихом Гофманом Ширах мотивировал свой отказ тем, что “жена хочет использовать средства на личные цели”. Узнав об этом разговоре, Генриетта с раздражением заметила, что он прекрасно знает, что его сестра и ее брат тратят значительные личные средства, помогая ей в воспитании и обучении детей.

С тех пор Генриетта больше не стала досаждать бывшему мужу своими притязаниями на его деньги, зарабатывая на жизнь журналистикой на радио и телевидении. Хотя и не упускала случая поправить свое финансовое положение за счет его имущества. Так, например, она выгодно продала картину Ван Гога, принадлежащую Шираху.

Ширах, размышляя о своем будущем, рассчитывал, что, отсидев 20-летний срок и выйдя на свободу в 1966 году вполне здоровым 60-летним мужчиной, еще сможет насладиться жизнью.

В Нюрнберге Ширах заявил: “Моя вина заключается в том, что я воспитал молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей...” В ходе суда Ширах неоднократно заявлял, что Гитлер был “фанатиком и полубразованным человеком”, “бесчеловечным тираном”, и предложил союзным властям разрешить ему лично выступить перед лидерами германской молодежи с разоблачением преступной натуры Гитлера. Но это, как говорится, присказка, сказка впереди...

Двадцать лет в заключении Ширах демонстрировал искренность “чистосердечного” признания. Но в 1966 году, выйдя за ворота Шпандау, он в скором времени написал мемуары: “Я верил в Гитлера”, в которых пытается “очеловечить” фюрера, приспособить его образ ко вкусам среднего обывателя и тем самым выразить свое подлинное отношение к нему и к происшедшему. С этой целью на сцену выпускаются “объективные” свидетели – родители Бальдура фон Ширах. В середине двадцатых годов Гитлер появился в доме его родителей, и у них осталось самое прекрасное впечатление о нем. “... Какие у него манеры, как он чудесно

воспитан... Наконец-то явился подлинный германский патриот”.

Тот самый Ширах, который на процессе называл Гитлера бесчеловечным тираном, спешит каждой строчкой своих записок оправдать Гитлера.

“Я знаю, что сегодняшнее представление о Гитлере стало иным: вульгарный, внешне отталкивающий тип... взбесившийся обыватель... Но это представление ошибочно... Мне тоже случалось сталкиваться с орущим Гитлером в ситуациях, которые я и сейчас не могу вспомнить без содрогания. Но это было уже в ту пору, когда Фортуна ему изменила. Победоносный Гитлер... умел завораживать немцев и иностранцев как примитивных, так и образованных, и подчинять их своей воле, был тихим Гитлером – превосходным рассказчиком и неизменным почитателем красивых женщин...”

Задавшись целью реабилитировать обожаемого фюрера, Ширах пытался наделить его и другими положительными качествами, уверял, что Гитлер отличался непреодолимой обязательностью не только как собеседник, но и как душевный человек.

“Был ли Гитлер оратором? – вопрошает автор воспоминаний и сам отвечает. – Многие ученые и критики, знающие толк в ораторском искусстве, считают, что нет... Но среди ораторов, выступавших на политических митингах в Германии (1919 – 1933 гг.), никто не умел так поднимать и увлекать за собой массы при помощи слова, как Гитлер...”

Совершенно очевидно, что цель мемуаров Ширах – не только представить Гитлера в розовом свете, но и попутно оправдать свое участие в преступлениях, которые ввергли человечество в мировую войну и привели к гибели многие миллионы людей. Ширах после заключения выступил в новой роли – фальсификатора прошлого. Настал тот час, о котором он некогда писал жене: Бальдур фон Ширах резервировал себе место в истории.

Впрочем, я несколько забежала вперед. Когда я приехала в Шпандау, Шираху предстояло провести в заключении еще долгие и долгие годы. И единственная связь с внешним

миром была его переписка. Она подчинялась строгим цензурным правилам. От заключенных требовали, чтобы они писали письма только на одной стороне листа, а также оставляли поля для удобства снятия фотокопий. Строки писем, подлежащие изъятию, вырезались ножницами. Вначале письма просматривал только один цензор, позже эту работу стали проводить два человека. В мое время – англичанин Хартман и я. На каждой странице в правом верхнем углу мы ставили свои инициалы.

В письмах Ширах своему зятю тоже упоминалась цензура. Он просил обратить внимание, чтобы дети в своих письмах оставляли чистой обратную сторону листа (дети присылали рисунки, а пояснения к ним давали на обратной стороне листа). Он также просил, чтобы в письмах не было фотографий зданий (школы, дома), так как это тоже не разрешается. Благодарил зятя за подаренную новую трубку. У него их скопилось уже много. Отговаривал сына Клауса от учебы на курсах журналистики. Считал, что в этом мало проку, хотя, с другой стороны, учеба в университете закладывает хорошую основу для любой профессии. Если у Клауса серьезные намерения стать журналистом, то в дальнейшем у него будет больше шансов стать доктором права. Но если же он хочет посвятить себя только чистой журналистике, то это, к сожалению, нигде всерьез не воспринимается.

Ширах относился отрицательно к тому, чтобы письма, посылаемые в тюрьму, были отпечатаны на машинке, утверждая, что почерк – это портрет автора. Но таково требование цензуры и его выполнение ускоряет получение писем. Что касается детей, они, конечно, пусть пишут от руки.

“Утром мне пришла в голову мысль: твоя смерть хороша для тебя, но ужасна для твоих родных и близких. В этом есть какой-то резон. Хотя и много пессимизма”, – писал он Гофману. Ширах любил подчеркивать, что он, мол, идеалист и мечтатель. В письмах он излагал свои философские взгляды, давал бесчисленные “духовные” советы детям. Он считал, что если бы судьба не уготовила ему быть политиком, он стал бы музыкантом или поэтом. Часто в своих письмах

к детям он писал стихами, но в строчку, соблюдая при этом рифму.

В письме сыну Клаусу Ширах писал:

“Как здорово, что тебе понравилась “Пятая симфония” Бетховена. Большие куски этой симфонии Бетховен хранил в памяти и часто вспоминал их. Концерт для скрипки и оркестра со всеми его темами и вариациями он также сохранил в своей памяти. Что касается камерной музыки, то это особый мир, очень большой и интересный. В него можно войти, если с почтением, постепенно будешь делать шаг за шагом. Тот не знает Бетховена, кто не обожает его сонат. Камерная музыка Гайдна и Брамса – это самое великолепное проявление человеческого характера. В античные времена греки привнесли в изящное искусство эпические труды: поэзию, драму, философию, архитектуру и скульптуру. Подобное в наше время было достигнуто только однажды – с рождением западной музыки. Язык музыки способствовал не только взаимопониманию людей, но и миров. Или, как говорил Бетховен: “Музыка – это более высокое откровение, чем мудрость и философия”.

Вот так философствовал и учил своих детей в письмах нацист, военный преступник, заключенный № 1 тюрьмы Шпандау Бальдур фон Ширах.

“Технический прогресс способствовал нашему расслоению на подобие бедных и богатых – это хорошая тема для эссе, – советовал он сыну и продолжал: – Какая польза будет человеку от того, что он покорит вселенную, но утратит дух? Угроза утраты духа – это проблема для современного человека. И не только в этом недостаток технического прогресса. Человек стал слугой, вместо того чтобы быть управляющим”.

Образчиком переписки Ширах с сыновьями Рихардом и Робертом могут служить следующие два письма.

“Мой любимый Робс,

Я пишу тебе сегодня с просьбой: сразу же после получения этих строк напиши ответ. Пусть и Рихард сделает то же самое. Оба письма ты должен послать дяде Гейне, чтобы он потом прислал их мне. В ваши письма должно быть вло-

жено его письмо или письмо Клауса, иначе я их могу не получить.

Я всегда очень радуюсь, когда с письмом от дяди Гейне или Клауса получаю что-нибудь от вас. Скоро я тебе сообщу, когда ты сможешь посетить меня вместе с дядей Гейне. Возможно, в конце сентября. Недавно я через Ангелику получил твою фотокарточку на конфирмации. Мне очень понравилось, большое спасибо. Месяц тому назад я писал тебе о большой морской змее. Случайно я прочел вчера, что давно, еще в 1848 году, с английского корвета “Дедалус” между мысом Доброй Надежды и островом Святой Елены видели огромное, примерно 30 метров, животное, которое плыло мимо борта со скоростью 15 – 20 морских миль в час. Капитан и семь человек команды отчетливо видели животное.

Во время Первой мировой войны командир подводной лодки Форстнер видел 20-метровое морское чудовище, которое подводным взрывом тонувшего корабля было выброшено в воздух на 20 – 30 метров.

Животное имело крокодилообразную форму, передние и задние лапы с сильными плавниками, длинной выдающейся вперед головой. 1000 поцелуев от твоего верного отца”.

“Дорогой Рихард, боль в глазу уже прошла.

Теперь я замечаю водяных жуков. К сожалению, нет при этом желтого жука, которого я здесь два года тому назад нашел в луже. Но маленькие родственники также интересны. Об этом жуке я знаю, что его личинки три года живут в земле, а потом только в воде, но дышат через легкие, как человек, и выходят на поверхность, чтобы набрать воздуха... Твоя трубка очень удобна и никогда не засоряется. Ты на редкость практичный парень, который в 11 лет уже понимает толк в трубках. Я приветствую и целую тебя, мой любимый. Твой верный папа”.

В письме к зятю Ширах с грустью замечал, что если “отмечаешь” свой день рождения в заключении, то трудно ждать хорошего настроения.

Он много читал в камере Мольера, а также рассказы Мопассана. Увлекался Шекспиром. И упоминал об этом в своих письмах только для того, чтобы поняли, как для Шираха

много значит духовная пища. Он восхищался сильными характерами, которые смело утверждают себя в трудных условиях и возвышаются над обстоятельствами.

Ширах писал своему зятю, что о борьбе за выживание, конечно, он знает только малую толику, но не стал бы сторонним наблюдателем событий, через которые прошел и которые еще будут впереди.



Фото 37. Ширах: «Германия – избранник Бога».



Фото 38. Ширах среди членов молодежной организации «Гитлерюгенд».



Фото 39. Перед тюрьмой. Директора: подполковник Мартынов (СССР), майор Спирс (США), подполковник Бенфилд (Англия), старший надзиратель Ферри (Франция).

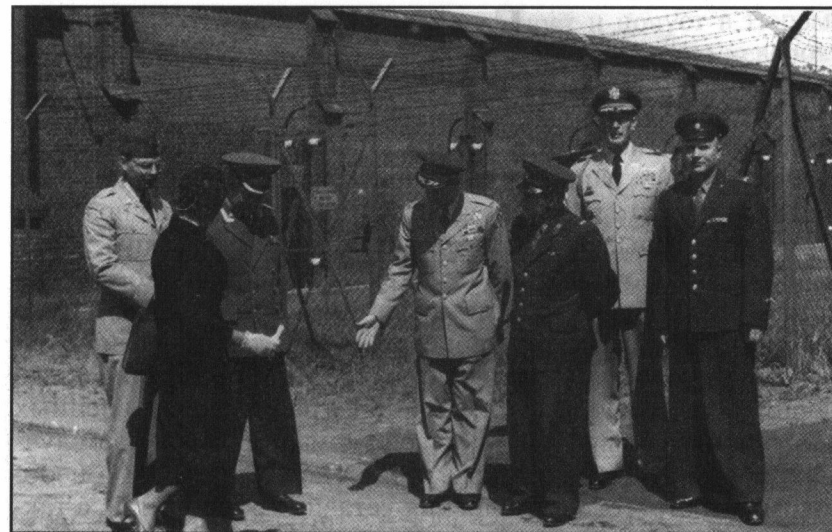


Фото 40. Справа налево: врач подполковник Шихуцкий (СССР), врач полковник Джинглз (США), подполковник Маркушин, директор подполковник Мартынов (СССР), директор майор Федушка (США).



Рис. 41.
«О'кей, сделаем им приятное. Вы ставите в камеры цветы, а я повешу портрет Сталина».

Глава 10

Конец октября 1959 года. С 1 ноября мы заступаем на дежурство по охране тюрьмы. Председательствующим на заседаниях директоров будет советский директор. Мне нравятся эти напряженные дни подготовки к нашему месяцу. Мы с директором проводим в роте охраны комсомольское собрание. Беседуем с молодыми солдатами. Рассказываем им о войне, о Нюрнбергском процессе, о том, какую важную задачу предстоит им выполнять: охранять Межсоюзническую тюрьму Шпандау, в которой сидят трое главных военных преступников бывшей нацистской Германии. Подбираем лучших, рослых и симпатичных ребят. Напоминаем им о необходимости строгого выполнения уставных требований, а также призываем быть особенно бдительными. Наши выступления слушают очень внимательно, сознавая важность предстоящей задачи и свою ответственность во время ее выполнения.

Смена караула обычно проходит нормально. Как переводчику работы мне значительно прибавилось. Кроме еженедельных официальных заседаний директоров, регулярных заседаний врачей, проведения цензуры и свиданий заключенных с родственниками, приходится ежедневно бывать в тюрьме, сопровождая директора при решении им многочисленных организационных и хозяйственных вопросов.

Наш месяц в этом году сразу же начался необычно. Гесс после некоторого затишья снова начал выкидывать свои старые фокусы. Еще в предыдущий – французский – месяц он стал отказываться от пищи. Причем делал это тайком: уловив момент, когда его не видел надзиратель, выбрасывал содержимое тарелки в унитаз. В результате за полмесяца он похудел на 10 килограммов и стал весить всего 45,5 килограмма. И это при его-то росте! Все это заметил старший английский надзиратель Чисом, который временно исполнял обязанности директора (Бенфилд уехал в Англию на похороны 83-летнего отца). Какой все же неприятный человек,

этот Чисом! Впечатление, что он днюет и ночует в тюрьме. Всегда на месте, живет один, без семьи. Жаден до невероятности! В отпуск в Англию никогда не ездит.

На очередном заседании в наш месяц Чисом предложил внести в протокол заседания директоров свое заявление о состоянии здоровья Гесса и о необходимости его врачебного осмотра. На следующий день во время очередного обхода камерного блока нашим врачом Гесс показал подполковнику окровавленную левую руку, обмотанную полотенцем. Оказывается, утром часов в 10 – 11, когда дежурный надзиратель был на прогулке в тюремном саду с заключенными Ширахом и Шпеером, Гесс вытащил стекло из очков и попытался им вскрыть вены. Это была уже третья попытка “самоубийства” за время пребывания под арестом.

Первая попытка “самоубийства” была предпринята Гессом сразу по прибытии в Англию. Еще в авиационной форме и летных ботинках Гесс перемахнул через перила лестничного марша. Охранник, услышав шум, мгновенно выхватил пистолет и направил его на Гесса. И только своевременный окрик офицера “Не стрелять!” спас ему жизнь. Гесс сломал ногу и умолял дать ему морфий. От второй попытки “самоубийства” на левой стороне груди Гесса остался небольшой шрам. Это случилось в госпитале в Мандифе в Уэльсе. Гесс схватил столовый нож и легко ударил себя в область сердца. Рана оказалась незначительной.

Объясняя причины попыток “самоубийства”, Гесс говорил, что будущее Германии ему казалось безнадежным, у него наступала депрессия, он буквально сходил с ума. Гесс считал, что их роду свойственны такие генетические отклонения. Он вспоминал, как один из его братьев окончил жизнь самоубийством, а сестра отца была помещена в “психушку” и умерла там молодой. Он был уверен, что причина ее болезни явилась следствием чрезмерного употребления алкоголя его дедом.

Гесс рассказывал, что, когда он еще находился в Англии в плену, агенты секретной службы пытались его убить или довести до самоубийства, создавая ситуации, которые могли бы быть похожими на самоубийство. Он был уверен, что

якобы они подмешивали ему в пищу небольшие дозы яда, способные в дальнейшем вызывать неизлечимое заболевание. Он считал, что охрана в Англии догадывалась о его подозрениях, поэтому всегда был настороже. Например, даже если пища подавалась из общего котла, то он никогда не брал кусок мяса, лежащий ближе к нему, так как предполагал, что это делалось специально, чтобы он взял именно этот кусок.

О такой же подозрительности в характере Гесса рассказывает Шпеер. "...Примерно раз в две недели к обеду у Гитлера являлся Гесс. За ним следовал адъютант с весьма необычной емкостью: в отдельных судочках он нес специально приготовленные кушанья, с тем чтобы их разогрели на кухне. От Гитлера долго скрывали, что Гесс просит подавать ему его собственную вегетарианскую пищу. Когда в конце концов Гитлер об этом узнал, он в присутствии посторонних сердито обратился к Гессу: "У меня здесь прекрасная повариха. Если врач прописал вам что-то необычное, она вполне может это приготовить. Но носить сюда собственную еду не следует". Гесс, уже в те времена склонный к своенравию, пытался объяснить Гитлеру, что его блюда должны содержать специальные биологически активные добавки. В ответ услышал пожелание, что тогда ему лучше обедать дома. После этого Гесс почти не появлялся у Гитлера к обеду".

В тюрьме же только после предупреждения о наказании Гесс снова стал есть, причем с большим аппетитом. Тюремные врачи прописали ему усиленное питание.

Гесс часто жаловался на чрезмерную утомляемость, которую он связывал с сердечным заболеванием. "У меня часто наступает усталость, почему бы это?" – спрашивал он. Навязчивая идея серьезного заболевания преследовала его с далеких дней юности. Возможность заболеть раком – другой постоянный страх. "Я считаю, что только настоящий доктор может определить рак, – писал он. – В этом отношении я испытываю большее уважение к врачам, связанным с народной медициной, чем к современным практикующим врачам. Я не говорю, что любой гомеопат мастер в своем деле, но гениальность гомеопата состоит в его нетрадиционном мышлении. Один гамбургский гомеопат говорил мне, что

рецепт лекарства осенил его ночью. В наше время трудно объяснить успех лечения так называемых знахарей. Так, например, доктора были чрезмерно удивлены положительными результатами, когда фермеры прикладывали свежий коровяк на раны. Хотя эта терапия и давала неожиданно положительный эффект только в случаях лечения гангрены. Со всем незадолго до войны было неожиданно обнаружено, что коровяк обладает необычайными антисептическими свойствами. Гомеопаты никогда не превзойдут алапатов в медицине, у них другой подход, однако я симпатизирую гомеопатам".

Вначале, когда заключенным Шпандау разрешалось получать книги от родственников, Гесс решил, что современная медицина ему не поможет, и собрал в тюрьме целую библиотеку книг по народной медицине. Кстати, при перелете в Англию карманы Гесса были битком набиты разными таблетками и лекарствами в большинстве своем гомеопатическими. Он взял с собой не только тонизирующие витамины, глюкозу и снотворные таблетки, но и так называемый эликсир, полученный шведскими учеными по рецептам тибетской медицины. Он считал, что этот эликсир будет служить прекрасным средством для остановки кровотечения.

Комментируя это, Британский медицинский исследовательский совет писал: "Совершенно ясно, что набор медицинских средств Гесса свидетельствует о том, что он пытался обезопасить себя на случай непредвиденных обстоятельств и предусмотрел все необходимые лекарства. Так, например, опиум алкалоидный (обезболивающее средство в случае получения травм), аспирин (для снятия головных болей), атропин (для снятия резких болей), а также первитин (для снятия переутомления, вызванного полетом)".

Находясь в Англии, Гесс непрерывно обследовался как местными специалистами-психиатрами, так и зарубежными. Врачам в тюрьме Шпандау был предоставлен обширный материал по истории болезни Гесса со следующим заключением: склонен к длительному пребыванию в депрессии, во время которой не встает с постели, лежит, заткнув пальцами уши, беспричинно смеется или часами смотрит, уставившись в одну точку. Он всегда отказывался говорить о своем про-

шлом. На любую попытку вернуть его в разговор к прошедшему следовал один и тот же ответ: “Не могу вспомнить”. Своего отношения к окружающей действительности он не высказывал, за исключением просьб, заявлений или жалоб, требующих конкретного решения. Заключение психического обследования: вяло текущая шизофрения со следами депрессии, проявляющаяся в мании преследования и необоснованной подозрительности. Часто хватается за живот, катается по полу, стонет от мнимой боли. На вопрос о месте боли перестает жаловаться, но опять начинает все сначала. Единогласное заключение врачей и психиатров четырех держав: “Гесс не является душевнобольным. Способен отличать правильное от неправильного и оценивать последствия своих действий”.

Врачи пытались выяснить, не изменилось ли душевное состояние Гесса после процесса в Нюрнберге. Для решения этого вопроса представители четырех держав обратились к видному американскому психиатру доктору Морису Уэлшу. Побеседовав с заключенным, доктор Уэлш изложил в письменном виде свое заключение. “Прежде всего, — писал он, — я глубоко убежден, что Рудольф Гесс в настоящий момент вовсе не страдает психозом. Нет никаких симптомов, свидетельствующих о галлюцинациях или же склонности к галлюцинациям. Его настроение во время беседы следует квалифицировать как совершенно нормальное. Нет никаких признаков параноидальных изменений в его душевном состоянии. Резюмируя, можно сказать, что Гесс производит впечатление индивидуума с незаурядным умом, отличающимся некоторыми шизофреническими чертами; с другой стороны, есть доказательства, что по меньшей мере дважды у него были приступы истерической амнезии, и он впадал в депрессию, что сопровождалось попытками к самоубийству...”

Американские надзиратели уже давно особо присматривались к поведению Гесса. Принимая во внимание возможное решение его судьбы, они составили коллективное донесение. Вот отрывки из него: “Заключенный Рудольф Гесс не смирился с пребыванием в тюрьме и доставляет руководству тюрьмы те же самые хлопоты, что и раньше. Он прибегает к

любимым средствам, чтобы уклониться от совместных прогулок с другими заключенными, упорно отлынивает от какой бы то ни было работы, даже рискуя быть за это наказанным. С начала заключения отказывается от свиданий с родственниками. Правда, еженедельно пишет письма, но нередко ограничивается несколькими словами: “Ничего нового, на следующей неделе напишу больше”. Просматривает все разрешенные четыре газеты, но больше всего читает “Франкфуртер Альгемайне Цейтунг”. На вопросы отвечает очень редко, так что о его взглядах почти ничего неизвестно. Его отношения с коллегами крайне плохие, особенно с Ширахом”.

Бывший американский директор тюрьмы подполковник Бэрд в своей книге пишет: “Советские надзиратели считают, что Гесс — обманщик. Французы к нему относятся скорее нейтрально. Американские надзиратели — по-разному. Одни думают, что он — эксцентрическая личность, по мнению других, его маниакальное состояние за столько лет так прогрессировало, что ему уже ничем не поможешь. Постепенно наступает старческий маразм...”

В камере английский надзиратель Чисом обнаружил ранее написанное завещание. В нем Гесс просил его не кремировать, а похоронить в Гейделанге, где его жена содержит пансионат. В конце завещания Гесс с теплотой упоминал всех родных и знакомых.

26 ноября 1959 года на внеочередном заседании директоров приняли решение изъять из камеры Гесса все предметы, которые он может использовать в целях самоубийства. Решили также установить круглосуточное наблюдение за его камерой и держать открытой ее дверь. Санитара тюрьмы Боона — голландца по происхождению — обязали присутствовать при принятии пищи Гессом. В субботу цензоры предложили директорам уничтожить тетрадь с его завещанием.

Трудности директоров Шпандау состояли в том, чтобы, не допуская послабления режима, поддерживать нормальное состояние здоровья заключенных в пределах требований, предписанных четырехсторонними соглашениями. Но жизнь заставляла менять эти предписания, и делалось это, как правило, по настоянию тюремных врачей.

По Уставу тюрьмы врачи должны постоянно обращать внимание на общее санитарное состояние тюрьмы, на условия, которые могли бы отрицательно повлиять на здоровье заключенных, на их физическое и умственное состояние. По совету врачей Дирекция, чтобы сохранить заключенного, могла отступить от требований Устава при исполнении приговора.

Каждые две недели заключенных взвешивали, вес записывали. Лекарства они принимали под наблюдением врача или санитаря. Опасные или содержащие яд препараты хранились под замком, и ответственность за их сохранность возлагалась на дежурного офицера-врача. Можно было получить консультацию врачей-специалистов, если тюремные врачи видели в этом необходимость. В случае опасного заболевания заключенного Дирекция могла сообщить его священнику и поставить в известность родственников.

Нововведения в тюрьме фактически начались уже в 1948 году, когда был отменен запрет на общение заключенных между собой во время работы. Позже увеличили им ежедневный рацион питания до 2702 калорий, разрешили лежать на койках в любое время, когда они находятся в камерах (раньше это разрешалось только в определенное администрацией время). Разрешили организовывать работу в помещении в случае неблагоприятной погоды, а также были приняты и другие незначительные послабления тюремного режима.

На очередном заседании врачей мы предложили американцам более глубоко обследовать Гесса, для чего сделать ему в условиях тюрьмы рентген желудочно-кишечного тракта. Предложение было поддержано. Наш врач обещал, что другие необходимые анализы будут сделаны в течение месяца и информация о результатах будет доложена директором на очередном заседании. Мне, конечно, пришлось изрядно потрудиться при переводе медицинской терминологии на английский и французский языки. Благо, выручило знание латыни, которую, как правило, понимают все врачи, независимо от национальности. После заседания в баре наш врач подполковник Шехуцкий пошутил: "Имей в виду, если не будешь слушаться, будешь переводить при медицинском осмотре Гесса". Знал, что этого я по-настоящему боюсь.

Глава 11

Ноябрь 1959 года. Конец летних отпусков и каникул, а следовательно, много свиданий заключенных с детьми и родственниками.

Так в суете и постоянных заботах кажется незаметно пролетел наш месяц. Как правило, родственники заключенных откладывали свидания на последний день заканчивающегося месяца с таким расчетом, чтобы получить разрешение на свидание и в первый день нового месяца. Получались два свидания подряд. Свою просьбу они объясняли тем, что дорого обходится поездка в Берлин.

Уставом тюрьмы в разделе "Общение с внешним миром" было определено количество и продолжительность свиданий заключенных. Вначале предусматривалась возможность заключенных принимать одного посетителя в течение двух календарных месяцев, если Дирекция тюрьмы не лишит их этой льготы по обоснованной причине. Дирекция указывала день и час каждого посещения и определяла круг лиц, которым разрешалось посещать заключенного. Позже четырехсторонним соглашением были разрешены ежемесячные свидания. Разрешались свидания с родственниками или адвокатами, если заключенный обращался с просьбой о таком свидании вместо очередного с родственниками и если Дирекция тюрьмы не возражала против этого свидания по соображениям безопасности. Дополнительные частные посещения по срочным семейным делам могли быть разрешены Дирекцией без соблюдения установленного промежутка времени.

Посетители заранее предупреждались о правилах поведения во время свидания: разговор должен был проходить только на немецком языке. Если беседа велась на ином языке, должен приглашаться переводчик. Запрещалось объяснение путем знаков, мимики и других средств. Заключенный не имел права без разрешения Дирекции что-либо принимать от посетителей или передавать им.

Правила поведения посетителя во время свидания были написаны большими буквами на немецком языке и вывеше-

ны в приемной комнате. Правила предупреждали, что любое лицо, нарушившее их, будет преследоваться и может быть задержано Дирекцией. При любом нарушении правил свидание должно быть прервано. Перед началом свидания каждый посетитель записывал свою фамилию в журнал посетителей, а дата каждого свидания заносилась в личное дело заключенного.

Раньше свидание продолжалось 15 минут, но в 1952 году были приняты несколько поправок к Уставу тюрьмы, и в частности о свиданиях. Теперь оно длилось 30 минут. Со стороны пришедшего на свидание посетителя обычно сидел кто-нибудь из переводчиков, со стороны заключенного – надзиратель. Заключенный и пришедший посетитель сидят за столом напротив друг друга. Раньше между ними была решетка. В 1952 году ее убрали.

У Ширах было объединенное свидание за 30 ноября и 1 декабря с дочерью Ангеликой, а у Шпеера – с женой. Ангелика учится на художника и привезла на свидание к отцу пять своих картин, написанных в абстрактном стиле. Расставила картины вдоль стены так, чтобы он мог хорошо их рассмотреть. Самую большую она назвала “Весна”. Сначала она поставила ее вверх ногами. Долго смотрела, потом перевернула. Я сидела в углу за маленьким столиком, боком к картинам. Когда я на них смотрела, у меня начинала кружиться голова. Как я ни старалась, но не могла увидеть в них какой-то смысл или понять замысел автора. Ширах внимательно смотрел, как всегда улыбался и тактично молчал. Спрашивал название каждой картины, так как самому догадаться, что там нарисовано, было невозможно. Ширах пожалел, что дочь не принесла портреты. На следующий день Ангелика пришла на свидание с небольшим желтым цветочком, дала отцу понюхать и хотела оставить ему. Ширах очень растрогался и попросил разрешения взять цветок в камеру. Я разрешила.

Заключенные тщательно готовились к предстоящим свиданиям. Встречи с женами и детьми проходили нервозно, особенно в конце свидания. Заключенные, как, впрочем, и посетители, делали заметки на листке, чтобы не забыть впопыхах, о чем они хотели говорить во время свидания. Напри-

мер, с детьми обсуждались прочитанные книги, их школьные дела. У Ширах до ареста не было должного контакта с детьми, поэтому сейчас он хотел восполнить этот пробел, но отпущенного времени на свидания было, конечно, недостаточно.

Как правило, дети на свиданиях были невнимательны, плохо его слушали, крутились. С детским любопытством рассматривали меня в военной форме. Чувствовалось, что он для них чужой.

Если Ширах и Шпеер использовали каждую минуту свидания для активного общения с детьми, то этого нельзя сказать о Рудольфе Гессе. Со времени своего перелета в Англию в мае 1941 года, а затем и после суда в Нюрнберге, Гесс ни разу не встречался на свиданиях ни с женой, ни с сыном. На вопрос, почему он не разрешает им посещать тюрьму, Гесс, показав на свою тюремную форму, ответил: “Только не в таком виде”. В письме к жене Гесс позже писал: “Я категорически против всяких посещений при созданных здесь условиях. Я считаю недостойным встретиться с тобой или с кем бы то ни было в подобных обстоятельствах”.

Ильзе Гесс так объясняла поступки мужа: “В качестве защиты от окружающего мира Рудольф построил вокруг себя что-то вроде условной стены. Я это знаю, да и ему известно, что это очень тонкая стена. Он боится встречаться со мной в Шпандау. При встрече я могла бы вдруг заплакать. Волнение было бы слишком тяжелым для нас. Ведь мы не виделись очень-очень давно, и Рудольф боится, что мой приезд разрушит эту защитную стену, которую он сам с таким трудом воздвиг. После разрушения этой стены было бы очень трудно все восстановить снова. Только Богу известно, что могло бы случиться, можно сойти с ума. Вот почему он не хочет видеть ни меня, ни нашего сына. Рудольф не допускает даже мысли, чтобы сын увидел своего отца преступником”.

Скорее всего, дело было не только в жене или сыне. Все, что вызывало воспоминания о прошлом, посягало на непрочную “оборону”, которую воздвиг вокруг себя Гесс. Он легко расстраивался. Например, когда слышал звуки музыки, доносящиеся из церкви, расположенной в дальнем конце ка-

мерного блока. На Пасху Гесс писал жене: “Сегодня после обеда мы слушали пасхальный концерт. Симфония Гайдна, квартет Шуберта, квартет Моцарта и еще симфония – я не знаю ее названия, но она мне настолько знакома, что прошла через броню, которой я окружил душу и сердце, так же, как проходят космические лучи через толстые свинцовые стены. Если б было можно, я бы убежал прочь. Но меня спас шум транспортных самолетов, которые постоянно пролетают над тюрьмой. Их шум вывел меня из этого состояния, разозлил, что может быть и странно для бывшего летчика”.

Еще на Нюрнбергском процессе Гесс начал симулировать потерю памяти. Его адвокат потребовал освидетельствования “больного” швейцарским психиатром, как “наиболее нейтральным по убеждению”. Во время процесса Гесс демонстративно читал роман и время от времени хохотал на весь зал. Однажды симулировал потерю памяти в тюремном саду во время очередной прогулки заключенных. Хорошо зная американского директора и неоднократно встречая его, он обратился к Шираху с вопросом: “Кто этот молодой человек?” Ширах терпеливо объяснил ему, что это американский директор, он здесь работает давно и что он его хорошо знает. Гесс тут же обратился с этим же вопросом к Шпееру.

Второй случай произошел в тюремной библиотеке. Ширах протянул Гессу книгу и посоветовал ее прочесть, добавив, что она очень интересная. Гесс поинтересовался, кто автор. “Автор очень известный – Швенингер, – личный врач Бисмарка”. – “А кто такой Бисмарк?” – недоуменно спросил Гесс. И так продолжалось вплоть до освобождения Ширах и Шпеера.

Кончился наш месяц. 1 декабря смена караула. Нас сменяют американцы. Мы довольны, что ноябрь прошел без нарушений и ЧП. На целый месяц мы передаем “в руки” американцев тюрьму и преступников. На американцев мы надемся, как на себя. Они такие же бдительные, как и мы, не то что французы или англичане.

В камерном блоке всегда несли дежурство четыре надзирателя от четырех стран. Поэтому француз, полный и пожилой мужчина, убедившись, что русский и американец бдительно несут службу, ложился спать. Как-то во время инспекции Ширах пожаловался генералу, что французский надзиратель... так храпит, что не дает ему спокойно заснуть.

Наш командир роты – старший лейтенант, молодой симпатичный брונет. “Вылитый Григорий Мелехов”, – сказала о нем одна француженка, очевидно, читавшая “Тихий Дон” Шолохова. Во время передачи охраны тюрьмы не обошлось и без доброжелательной армейской шутки. Когда американский офицер отрапортовал начальнику караула и от имени правительства США принял охрану Межсоюзнической тюрьмы Шпандау, наш “Мелехов” так крепко пожал ему руку, что американец от неожиданности даже присел. По рядам многочисленных зрителей, заполнивших плац перед тюрьмой, пробежал смешок. Фото- и телерепортеры не упустили свой шанс...

10 декабря на очередном заседании директоров американский директор подполковник Дрейк доложил своим коллегам, что Гесс опять отказывается от пищи, требуя на время еды выдавать ему пальто, что не разрешается по Уставу. К тому же температура в камере плюс 20 градусов. Директора в поведении Гесса усмотрели злонамеренный каприз и единодушно решили наказать Гесса, лишив его на одну неделю газет и переписки с родными. Примерно в это же время на имя Гесса пришло письмо от его адвоката Зейделя. Адвокат доводил до сведения клиента, что он подал в Европейскую комиссию по правам человека просьбу о досрочном его освобождении. В письме Зейдель напомнил, что три года назад, после нападения Англии и Франции на Египет, он обращался к государствам лондонского соглашения по этому вопросу, но безуспешно. Об обращении Зейделя в Европейскую комиссию в немецкой газете “Тагесшпигель” появилась небольшая заметка мюнхенского корреспондента.

18 декабря в субботу перед цензурой примчался, запыхавшись, английский директор. Очень обрадовался, что застал остальных директоров. Он сообщил, что доложил свое-

му руководству о поведении Гесса. Его руководство считает, что директора поспешили с наказанием заключенного. Англичане предлагают отменить наказание. Выслушав английского директора, все высказались против. Американский директор как председательствующий много говорил о престиже директоров. Его поддержали остальные, так что подполковник Бенфилд остался в меньшинстве. Гесс, в свою очередь, написал на двух страницах объяснение, где оправдывался и тоже просил отменить наказание. Он, мол, не отказывался от пищи вообще, а только просил выдать ему верхнюю одежду, так как в камере холодно при открытой форточке.

На своем заседании директора рассмотрели эту просьбу и, поскольку срок наказания истек, она автоматически отпала. На заседании председательствующий американский директор предложил письмо адвоката Гесса Зейделя передать цензорам на их усмотрение. Они решат, вручать его Гессу или нет. Все согласились, кроме советского директора. Наш директор напомнил своим коллегам, что письмо Зейделя пришло на неделе, когда Гесс был наказан и лишен права получать любую корреспонденцию. Для всех это оказалось неожиданным. Тогда английский директор предложил передать решение вопроса на усмотрение вышестоящего руководства. Американский же директор продолжал настаивать на необходимости вручения письма, обосновывая свое требование тем, что это не личное письмо от родственников, а официальный документ от адвоката, с которым заключенный может переписываться согласно Уставу тюрьмы.

Спорили до умопомрачения. Я встала, открыла окно, весь табачный дым устремился на улицу. Солнце село, стало темнеть.

Я стояла у открытого окна. Ко мне подошел американский директор. Я ему тихо говорю: “Уступите, ведь ваш спор не стоит выведенного яйца, просто нашла коса на камень. Наш директор ни за что не уступит – ведь у нас позиция”. И он... уступил, а английский директор снова поднял вопрос об обеспечении электрозабора вокруг тюрьмы в дневное время, но, не получив поддержки, вообще снял этот вопрос с пове-

стки дня. Еще в 1950 году представитель фирмы “Сименс” предупреждал, что выключение тока на время технически нецелесообразно и отрицательно скажется на состоянии проводки, особенно во время плохой погоды. Тогда же французский директор, отвечающий за финансы, предложил вообще сменить всю проводку. Это позволило бы выключать напряжение в дневное время без проблем, да и Сенат Западного Берлина сэкономит на этом, так как эксплуатация электрозабора обходится в пять тысяч марок. И вот в очередной раз решили все оставить без изменений.

На следующий день утром в спортзале Радиодома Западного Берлина состоялся парад войск трех западных держав по случаю отъезда американского коменданта, а вечером – большой прием. Все было красочно, торжественно. Кое-что я засняла на цветную пленку, правда, не знаю, что из этого получится.

Встречаем Новый, 1960 год. Еще один год в Берлине – четвертый. Как хочется домой, в Союз, в Москву. Я так давно не видела маму...

Не вела дневник почти месяц. В конце декабря прошлого года тюрьму посетил с инспекцией вновь прибывший американский генерал Осборн, который заменил генерала Хемлета. Генерал с многочисленной свитой прибыл к 12 часам. В зале заседаний состоялось знакомство с директорами, переводчиками. Генерал осмотрел все служебные помещения тюрьмы, зашел в канцелярию к секретарям. Их в Шпандау двое. Леонов и Стефанович. Леонов рассказывал мне, что родился в Финляндии. Он прекрасно владеет четырьмя языками: русским, английским, французским и немецким. Живет с семьей при тюрьме. Стефанович плохо говорит на всех языках, кроме родного, но очень исполнительен. Живет один, каждый год отдыхает на немецких курортах, откуда обычно присылает всем красивые открытки.

В камерном блоке сначала зашли в камеру Гесса. Он начал жаловаться на свою тяжелую долю, много говорил о своих болезнях, в частности, о постоянных сильных болях в области сердца и желудка, жаловался на общую слабость и больные ноги, а также на плохое состояние нервной систе-

мы. При этом Гесс отметил хорошее медицинское обслуживание и особенно американским врачом капитаном Смитом. В конце подготовленной жалобы, тезисы которой мы уже видели в его черновой тетради во время цензуры, Гесс стал просить генерала освободить его из тюрьмы перед Рождеством и дать возможность “провести остаток жизни в семье с родными, с которыми он не виделся долгих 19 лет. Если же это невозможно, – продолжал Гесс, – то тогда поместите в госпиталь, где бы можно было полностью поправить пошатнувшееся здоровье”. А может, ему разрешат съездить на Рождество домой, а потом он вернется обратно? Генерал удивленно на него посмотрел и пообещал сделать все, что от него зависит. Затем генерал, которого сопровождали директор, тюремные врачи, адъютант генерала, офицеры из окружения, а также юридический советник Прайс прошли к камере Шпеера. В ответ на вопрос генерала о здоровье и весе, Шпеер ответил, что вес у него нормальный, поправляться он не хочет, жалоб и вопросов у него нет.

Неожиданная сцена произошла в камере Шираха. Тот с раздражением стал жаловаться генералу на американского директора, который, по его словам, “единственный из всех директоров игнорирует указания врачей и ведет войну с безоружным заключенным”. (Кстати, постоянная вражда между Ширахом и американским директором давно уже не тайна. Но ее причины просто непонятны.) “Американский директор, видимо, забывает, – заявил Ширах, – что рано или поздно ему придется отвечать за свои неправомерные действия”. Он, Ширах, якобы не раз просил, чтобы на обед американцы давали черный хлеб, который необходим ему для поддержания здоровья, но американский директор майор Федущка игнорирует его просьбу. Даже в советский месяц, продолжал Ширах, он регулярно получает черный хлеб. Директора были заметно возмущены наглостью Шираха. На очередном заседании директора решили наказать его. Английский директор предложил лишить Шираха на неделю газет и сигарет. Старший французский надзиратель Ферри, исполняющий обязанности директора, был еще категоричней – на две недели. Заключенные были предупреждены о

том, чтобы со своими жалобами они обращались, как того требует Устав тюрьмы, прежде всего к председательствующему. Другое предупреждение относилось к тому, чтобы в камерах заключенные находились в тюремной форме, а не в роскошных пуловерах и свитерах, полученных в подарок от родственников к Рождеству, в которых они предстали перед инспекцией. Даже надзиратель, открыв камеру Шираха, ошел от неожиданности, увидев заключенного в красивом дорогом свитере. (Цензура пропустила эти свитера, но при условии, если заключенные будут их одевать под тюремную форму.)

Последнее время, особенно после того, как Ширах отказался подписать документ о передаче наследства в пользу своей сестры, он стал получать дорогие подарки от сыновей. Пополнилась его коллекция курительных трубок. Заключенный щеголял в дорогом нижнем белье. Мне запомнилось и мыло Шираха – с изысканным тонким ароматом, в красочной упаковке, на которой было написано: “Наша фирма – поставщик двора Ее Величества королевы Англии Елизаветы II”.

Две цензуры – перед Рождественскими праздниками и Новым годом – прошли напряженно. На имя заключенных пришло около 30 писем с поздравлениями из США, Англии, Западной Германии. Содержание всех писем почти однотипное – их помнят, ждут, желают свободы. По Уставу подобные послания вручать запрещено, разрешаются письма только от родственников. Но я тогда подумала о другом: выходит, и в Америке и в Англии находятся люди, сочувствующие нацистам.

29 декабря 1959 года состоялось последнее заседание врачей. Председательствующий американский врач начал свое сообщение со здоровья Гесса. Он отметил, что последнее время Гесс не страдал отсутствием аппетита и поправился почти на 15 килограммов. Теперь он весит около 60 килограммов.

На свидание в конце прошлого месяца и в начале января к Шираху приезжал его старший сын Клаус. Клаус недавно женился, о чем поспешил лично сообщить отцу. 2 января

кроме свидания была еще цензура. Снова уничтожили массу открыток и поздравлений с Новым годом (я тогда положила начало своей коллекции почтовых марок). Гессу пришла открытка с новогодними поздравлениями и пожеланиями скорейшего освобождения от “товарищей” по немецкой имперской партии. При этом, разумеется, никаких адресов, никаких фамилий. Эти послания отражали ситуацию, которая сложилась за стенами Шпандау. По всей Западной Германии и Западному Берлину прокатилась волна неофашистских выступлений. На стенах зданий появлялись фашистские и антисемитские лозунги, были провокации. Не осталась без внимания и тюрьма. Старший английский надзиратель, опередив цензоров, выхватил одну поздравительную открытку и передал своему директору, который на очередном заседании предложил предоставить ее в распоряжение спецслужб. Наш директор возразил, сказал, что она не представляет особого интереса и ее надо отдать цензорам. На этом и порешили.

В этот же день, 7 января, состоялось свидание Шпеера со своим сыном Альбертом. Альберт принес три фотографии своей невесты Моники и передал их мне. Я их взяла, пообещав в субботу во время цензуры отдать заключенному. Но в субботу я опоздала на цензуру на целых три часа – мы попали в автоаварию (англичане провели цензуру без нас, в связи с чем мы позже заявили им протест. Протест был принят.). Авария была незначительной, никто серьезно не пострадал. По пути в Шпандау при выезде на Бисмаркштрассе в нашу старушку “Победу” на скорости врезался новенький “Опель”. К счастью, угодил в багажник. “Победа” машина прочная, но удар был неожиданным. Я упала с сиденья, однако отделалась легким испугом и ссадиной на ноге. Как “западная” женщина, я всегда езжу не рядом с водителем, а на заднем сиденье. Тем не менее мы задержались на месте происшествия почти на два часа: сначала ждали западно-берлинскую полицию, затем – английскую, а потом уже своих. Как, наверное, и везде в мире, нас окружила толпа зевак. И здесь произошел эпизод, на котором хочу остановиться. К нам подошел немолодой солидный

мужчина и предложил, если надо, позвонить из его магазинчика. Я позвонила в нашу комендатуру, а потом разговорила с хозяином. Он был в плену в России во время войны, к нему там хорошо относились. “Я был у вас плен, я был бовар”, – заговорил он на ломаном русском. Я поняла, что на фронте он был поваром.

Между прочим, нам, представителям СССР, часто приходилось наблюдать такое благожелательное отношение со стороны немцев, особенно людей военного поколения. Они охотно вступали в разговор с советскими людьми, с офицерами, оказывая нам знаки внимания и уважения. Не скрывали, что воевали в России, но, как правило, почти все оказывались “поварами”. Я помню только одного немца – бывшего летчика, работавшего на аэродроме Шенефельд, который, не скрывая, рассказывал, как он в первые дни войны бомбил Киев, Минск, Могилев. Как был сбит и пленен. Большинство немцев, вспоминая плен, по-хорошему отзывались о русских, которые, несмотря на трудности и лишения, делились с ними, чем могли, не унижали их. Языковые познания собеседников были весьма специфичными. Демонстрируя в разговоре свой словарный запас, они закатывали глаза и перечисляли сохранившиеся в их памяти слова: “давай-давай, бабка, яйца, сало”. Однажды у Олимпийского стадиона в Западном Берлине к нам обратился на русском языке средних лет немец: “Нет ли у вас лишнего билетика, елки-палки? Мне очень хотелось посмотреть игру, но я не смог достать билет, елки-палки!”

6 февраля у моей мамы день рождения. Ей исполняется ровно 50 лет. Накануне я перевела в Москву на имя директора Елисеевского гастронома деньги с просьбой доставить 6 февраля к праздничному столу по адресу моих родителей цветы, фрукты, шампанское. В этот день обязательно придет мамина сестра из Одессы – они близнецы. И вот, как потом рассказывала мама, вечером, когда собрались гости, звонок в дверь. На пороге две милые девушки, в руках у них огромный торт в виде детской коляски, а в ней две маленькие куколочки из постного сахара (мама их сохранила и нам

показывала, когда мы приехали в отпуск). Цветы, фрукты, шампанское! И все это от дочери и зятя из Берлина!

До самого лета я не открывала свои записки. Было не до них. 1 июля мы с мужем вернулись из отпуска и сразу же включились в активную работу. Москва, дом, море, Сочи, золотистый пляж, яркое солнце и безмятежная жизнь – все это позади. Сегодня – смена караула. Наш месяц. Мы сменили французов. Работы очень много, я устаю, да и лень играет не последнюю роль.

Пошли сплошные приемы: у японцев, индийцев, чехов, поляков... У всех в Западном Берлине свои миссии. Сопровождение политсоветников – мне пришлось переводить на французский. С французской стороны переводил их переводчик, господин Сиригос. Интересно, кто он по национальности? Говорит, что грек. Великолепно знает русский и французский.

4 июля были на приеме у американского коменданта Западного Берлина генерала Осборна по случаю 184-й годовщины независимости США. Я обратила внимание, как много молодых американских офицеров хорошо говорят по-русски.

14-го ездили к французам в Наполеоновские казармы на парад и прием по случаю национального праздника – Дня взятия Бастилии. Встретили нас очень радушно, всем отвели места на почетной трибуне. Парад оставил приятное впечатление. Перед началом парада комендант французского сектора генерал Ляком вручил отличившимся награды. Среди награжденных офицеров была одна женщина. Прием был устроен в саду. Мы, как всегда, в центре внимания репортеров и журналистов. На следующий день появились снимки в местных газетах.

События того времени, естественно, я освещаю “с колокольни” переводчицы. И мне не хотелось бы, чтобы у читателей сложилось впечатление, будто жизнь была легкой, беззаботной – встречи, приемы, посещения... Встреч действительно было очень много, но это обычные протокольные мероприятия сотрудников международных организаций. Мо-

жет быть, для кого-то они и были праздничными и развлекательными, но только не для переводчиков.

Что значит работать с тремя языками? Это значит работать за троих. Работа ответственная, тяжелая, требующая постоянного внимания. Принимая участие в официальных переговорах, устаешь просто физически. Переводишь разговор двух собеседников. Один говорит, ты его переводишь, второй пока молчит, но беспрерывно курит и дым от своей сигары пускает тебе в лицо. Закончил один, вступает в разговор второй, а ты опять переводишь. Особенно труден синхронный перевод, когда переводишь “в ухо” собеседнику. Иногда после целого дня переговоров снятся “профессиональные сны” – в ужасе просыпаешься от того, что не можешь подыскать нужное слово...

А тосты за столом! Произносятся они сплошь и рядом людьми, мягко говоря, не совсем трезвыми. Пространные, бесконечные, ужас! Порой без всякого смысла. А ты переводи. Не успеваешь даже элементарно перекусить, не то что поесть досыта.



Фото 42.
На параде
французских
войск в Берлине.



События той эпохи — «революция» — переворот, который был самым сложным делом — заботой — встречей — действительно было событие мероприятия со...

Фото 43. Парад французских войск.



Фото 44. Коменданты Берлина: полковник Соловьев, генерал Хартель (США).



Фото 45. Прием у французов: полковник Фитцджеральд — начальник военной миссии США (двоюродный брат президента США Д. Кеннеди), полковник Стромов.



Фото 46. На приеме в Наполеоновских казармах после парада в честь национального праздника Франции Дня Бастилии. Полковник Соловьев, генерал Ляком (Франция), капитан Гордеев.



Фото 47. Прием в военной миссии Франции 12 апреля 1961 года. Тост за здоровье Юрия Гагарина. Полковник Фитиджеральд, директор тюрьмы подполковник Лазарев, начальник миссии полковник де Сен-Венан.



Фото 48. Коменданты Берлина: генерал Захаров, генерал Жез (Франция).

Глава 12

15 июля – очередная инспекция тюрьмы. Проводил ее заместитель коменданта Восточного Берлина политический советник полковник Одинцов. Стройный, подтянутый, держится уверенно и с достоинством – настоящий офицер. Как всегда после осмотра тюрьмы и проверки караула в сопровождении всех директоров прошли в камерный блок. С вечера заключенные надраили пол в блоке. Он сияет, как лед, и настолько же скользкий. Стараясь не отстать от широко шагающих мужчин, чувствую себя на шпильках, как новичок на коньках. В камерах тоже чистота – “министры” всегда так стараются в наш месяц. Вначале, по обыкновению, зашли в камеру Гесса. Вид у него ужасный: все ему надоело, и жизнь тоже. Да и наш врач подтверждает, что у Гесса сильная апатия и депрессия. У Шпеера нет “никаких особенных вопросов”. “А не особенных?” – спрашивает на великолепном немецком наш инспектирующий. “Нет-нет, спасибо, все в порядке, вообще нет вопросов”. Характерно, что в наш месяц никогда нет вопросов и жалоб.

Крепкого телосложения, с широким лбом, крупными руками и железными нервами, карьерист, выслужившийся до высоких чинов, Альберт Шпеер всегда умел ловко пользоваться искусством лести. Будучи типичным представителем молодых людей своего поколения со средними способностями, Шпеер увидел свою удачу в 1932 году и ухватился за нее. Нацистам понадобилось украсить свой новый штаб в Берлине. Шпеер получил заказ, и его работа понравилась нацистам. Он был удостоен звания “Общественный архитектор № 1”. Митинги, выставки, украшения улиц – все это Шпеер держал в своих руках, умело используя любовь Гитлера к гипертрофированной помпезности.

Приспосабливая свой архитектурный стиль к вкусам Гитлера, Шпеер в возрасте 28 лет стал его личным советником по архитектуре. “Мне дали помещение под мастерскую на Унтер-ден-Линден, которое сообщалось напрямую с Рейхс-

канцелярией, – рассказывал Шпеер в Шпандау своим подельникам. – Выкроив свободное время, Гитлер приходил ко мне и сам подправлял карандашом некоторые мои эскизы новых зданий”.

Содружество Гитлер – Шпеер породило множество гигантских прямоугольных зданий с массивными колоннами и орлами наверху. Они вместе перестраивали города, и Шпеер смог укрепить свои ранее завоеванные позиции. Будучи в высшей степени самолюбивым, Гитлер ревниво выдавал мысли Шпеера за свои собственные, а Шпееру хватало ума “не замечать” этого.

Когда в 1942 году при таинственных обстоятельствах в авиакатастрофе погиб генерал Фриц Тодт, соперник Шпеера, Гитлер поручил Шпееру закончить работы по возведению громадных фортификационных сооружений на предполагаемом участке открытия второго фронта союзническими войсками. Назначил его рейхсминистром вооружения и боеприпасов, начальником военно-строительной организации, президентом Рейхскомитета по архитектуре. В 1943 году ему была оказана особая “честь” – Альберт Шпеер был признан в высших нацистских кругах равным с Геббельсом, Гиммлером и Деницем. Потому-то “мирный” архитектор, под руководством которого создавались секретные ракеты Фау-1 и Фау-2, а также подводные лодки, занял место среди военных преступников и заслуженно получил срок и свою камеру в тюрьме Шпандау.

Шпеер публично признал свою вину в Нюрнберге. А здесь, в Шпандау, продолжал работать, как он однажды выразился, для будущей Германии. На его столе всегда лежали тетрадь для рисования, множество рисунков и чертежей. По специальному разрешению директоров тюрьмы Шпеер сам выкрасил стены своей камеры в зеленый цвет. “Мне захотелось покрасить камеру в такой цвет, – писал он в своей просьбе, – потому что это лучше для глаз, утомленных столькими годами ночных проверок”. По рекомендации врачей его просьба была удовлетворена.

Освещение камер в течение долгих лет являлось большим вопросом как для Шпеера, так и для Ширах. Камера

освещалась единственной лампочкой, заключенной в защитную решетку. Она давала настолько слабый свет, что едва можно было читать. Шпеер и Ширах постоянно жаловались, что им приходится напрягать зрение.

Во время послеобеденного отдыха, а также вечерами до выключения света Шпеер занимался черчением, рисовал эскизы промышленных зданий, жилых домов, стадионов и улиц, а также автострад. В связи с неимением циркуля (последний считался опасным предметом) Шпеер чертил окружности от руки.

Работавшая в свое время у Шпеера секретарша вспоминала его как невероятно неаккуратного человека. Он и в тюрьме не изменил своим привычкам. Однако, как и большинство неаккуратных людей, он обладал способностью находить, казалось, безо всякого труда любой документ или рисунок, в каком бы беспорядке ни был его стол. А вот в отношении почерка тюрьма оказала на него благотворное влияние – его почерк стал аккуратнее и разборчивее. “Это “заслуга” цензоров”, – говорил он.

У Шпеера было четыре сына и две дочери. Он так же, как и Ширах, находясь в Шпандау, унаследовал имущество и деньги. По завещанию матери Шпеер стал владельцем значительной собственности и ценных бумаг. Раньше в Берлине у него был огромный особняк с большим садом и плавательным бассейном, но его полностью уничтожила английская авиация. Свои средства Шпеер вкладывал в основном в ценные бумаги. После суда его активы были арестованы, но жене разрешили брать с арестованного счета в банке 450 марок ежемесячно как матери многодетной семьи, хотя максимально разрешаемая сумма для снятия с подобных счетов составляла не более 300 марок.

Предпринимались попытки расследовать предположения о том, что часть капитала, нажитого Шпеером при нацистах, была перемещена на счета матери. Однако результаты расследования мне неизвестны. После смерти матери, а также отца Шпеера, тому отошли значительные средства и особняк с надворными постройками под Гейдельбергом, в кото-

ром жила семья Шпеера вплоть до переезда в 1953 году на новую квартиру в самом Гейдельберге.

На стене одной из комнат новой квартиры висел карандашный рисунок в простой деревянной рамке. На переднем плане – изображение пожилой женщины в черной шали, сидящей у основания двух разрушенных массивных греческих колонн, руин утраченной архитектуры. На заднем плане возвышалась горная цепь. В правом нижнем углу – инициалы Альберта Шпеера. Рисунок был закончен Шпеером в апреле 1948 года и с разрешения администрации тюрьмы передан семье. Женщина в трауре олицетворяла его мать, лишившуюся сына. Она среди руин – его мечты и надежды, все, что он строил, уже разрушено. Горы, которые он когда-то любил, символизировали мечту Шпеера о свободе.

Жена Шпеера, Маргарет, говорила, что ее муж сейчас живет только детьми, но они оба пока не разрешают им посещать тюрьму, опасаясь, что у детей сложится неправильное впечатление об отце, которого они знали очень мало.

Во время ареста Шпеера в 1945 году самому младшему было полтора года. В годы войны Шпеер часто и подолгу не бывал дома, поэтому дети редко его видели. Маргарет в своих письмах жаловалась на то, что служебная карьера мужа наложила отпечаток и на их брак, отдалила их друг от друга. Она считала, что в Нюрнберге ее мужа судили за использование рабского труда иностранных рабочих и военнопленных, однако добавляла, что не только он один их эксплуатировал. В то же время он, один из немногих нацистов, признал свою вину и был осужден за преступные действия против человечности.

Но за двадцать лет пребывания в Шпандау Альберт Шпеер успел окончательно забыть и свое “чистосердечное” раскаяние на Нюрнбергском процессе, и те проклятия, которыми он осыпал со скамьи подсудимых Гитлера. После освобождения Шпеер вслед за Ширахом взялся за перо, чтобы убедить читателей в том, что Адольф Гитлер – не создатель преступного государства, а “крупная историческая личность”, обладавшая гипнотическим даром подчинять себе массы на их же благо. В своих мемуарах Шпеер то и дело сбивается

на творческую одаренность Гитлера: “Из него мог бы получиться неплохой архитектор, у него был талант”.

Еще в Нюрнберге Шпеер сказал суду: “Будь у Гитлера друзья, я стал бы его другом. Я обязан ему восторгами и славой моей юности, равно как и ужасом и виной позднейших лет”. Возможность же появления кровавого диктаторского режима, отличающегося от всех предыдущих в Германии, Шпеер в своих мемуарах объясняет тем, что “это была первая диктатура индустриального государства в эпоху современной техники, она целиком и полностью господствовала над собственным народом... С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление, они были подчинены воле одного человека”.

Произнося последнее слово на Нюрнбергском процессе, Шпеер сказал: “Эта война окончилась самолетами-снарядами, самолетами, летающими со скоростью звука, новыми видами подводных лодок и торпедами, которые сами находят свою цель, атомными бомбами и перспективами ужасной химической войны... Как бывший министр высокоразвитой промышленности вооружения, я считаю своим последним долгом заявить: новая мировая война закончится уничтожением человеческой культуры и цивилизации...”

Шпеер нашел в себе мужество и не стал обращаться к державам-победительницам с просьбой о пересмотре приговора. Он считал, что все равно любое наказание ему было ничтожно малым по сравнению с теми бедами и горестями, которые они причинили миру.

Шпандау была наиболее тщательно охраняемой тюрьмой в мире, оборудованная самыми современными средствами контроля. Но, несмотря на это, выходит, что существовали какие-то нелегальные каналы утечки информации, которые не могла перекрыть никакая охрана. Каждый лист бумаги и специальная тетрадь, выдаваемые заключенным для черновых записей, подлежали строгому учету. При заполнении тетради изымались и уничтожались. Но, как пишет Шпеер в своих мемуарах, когда он вышел из тюрьмы, его воспоминания насчитывали свыше двух тысяч страниц...

После инспекции камерного блока полковник Одинцов присутствовал на обеде. Гостей было мало, и обед прошел очень официально. С английской стороны был начальник военной полиции полковник Ричардс с женой и дочерьми, а также дочь бригадира Гамильтона. Сам он не приехал, сославшись на занятость по службе. Передал свои извинения и... бутылку виски. На обеде полковник Одинцов высказал пожелания более тесного сотрудничества между английскими и русскими офицерами. В ответ англичанин вспомнил свою службу в Иране и хорошие отношения с русскими офицерами.



Фото 49. Рисунок Шпеера, сделанный в тюрьме.

Глава 13

Письма и свидания – единственно законные возможности заключенных поддерживать связь с внешним миром за пределами тюремной стены. Но и в этом случае они должны были ограничиваться только личными делами. Высказывания на политические и международные темы запрещены. Не разрешалось обсуждение внутренних дел тюрьмы. Ни жены, ни родственники не должны сообщать заключенным национальные и международные новости. Через мои руки проходило большинство писем заключенных. Прочитывать их и делать фотокопии входило в мои обязанности. Вот несколько писем Альберта Шпеера.

“Моя дорогая мама,

Несмотря на твои заверения, что у тебя все хорошо, между строк я прочел несколько другое. Пожалуйста, пиши и говори мне правду. Прежде всего, я достаточно сильный и полагаю, что останусь таким. Я не хочу избегать неприятных новостей и особенно, что касается тебя. Не огорчайся и не создавай большие трудности для своей жизни из-за моего заключения. Ни отчаяние, ни самоистязание не смогут помочь никому из нас. Но я надеюсь, что ты сможешь все преодолеть и этим мне поможешь.

Моя самая большая мечта, чтобы мы понимали друг друга. Я убежден, что чрезмерное беспокойство и волнение только усугубят твоё состояние и отрицательно повлияют на тебя. Будь благоразумнее, пожалуйста. Несмотря на происшедшее, я не сломлен. Я полон надежды, что со своей профессией смогу сразу же заработать деньги для Гретль и детей. Я очень надеюсь, мама, что тебе стало лучше. Нас обоих не должна покидать надежда на скорую встречу. Надо всегда помнить об этом, даже когда уже кажется нет смысла в дальнейшей жизни. Главное – никогда не терять волю к жизни. Это особенно важно для меня. Какая трагедия будет для меня, если я здесь вдруг узнаю, что тебя больше нет, и это произошло перед моим возвращением.

Твой Альберт”.

На Пасху Шпеер в письме, адресованном детям, подробно описал территорию Шпандау, особенно тюремный сад, в котором он любил работать, растил цветы, наблюдал птиц.

“Мои дорогие ребята,

Как уживается кошка с таксой?

У нас здесь тоже есть животные, но животные эти – птицы. Они могут улетать и прилетать без специального разрешения. Я слушаю их пение перед подъемом, я слушаю их после отбоя. Вот только сейчас они начали свой вечерний концерт.

Парочка лесных голубей, тесно прижавшись друг к другу, увлеченно ворковала на ветке перед окном моей камеры. Они целовались, не обращая ни на кого внимания. Неожиданно на них спикировал сокол. Голуби мгновенно исчезли. Сокол потерял их из виду и казался этим обескуражен. И только я его хорошо понимаю. Ведь соколы появляются только там, где очень пустынно и одиноко.

Из своего окна я также наблюдаю за парой сорок, которые в прошлом году свили гнездо. Гнездо большое, справа, на верхушке дерева. Свили так прочно, что никакой ветер не может его разрушить. Я думаю, что именно поэтому оно и понравилось соколу, который влез в него, а сороки вынуждены были пристроиться рядом возле своего гнезда. Конечно, они обиделись на сокола. Убедившись, что сокол пытается занять их гнездо, сороки подняли такой гвалт, что к ним присоединились все сороки Шпандау. Я насчитал на дереве 18 сорок. И у сокола не хватило смелости оставаться в чужом гнезде.

У нас в саду живет также сова и она вот-вот начнет ухать. Сейчас она выползает из своей дыры на крыше. Может быть, она удивляется, увидев заключенных, а возможно и посмеивается над ними.

Четыре недели назад, перезимовав здесь, улетела стая ворон. Они, наверное, сейчас где-нибудь на севере. Вороны хорошо держатся в стае. Дважды подлетали канюки. Вороны устроили погоню. Поднявшись высоко в небо, их было около трехсот, атаковали канюков, которые вынуждены были улететь.

Когда улетели канюки, в саду стало намного тише и начали появляться небольшие птицы: скворцы, зяблики, мали-

новки. Я пишу все это, ребята, для того, что, бывая в лесу, может быть, вы тоже начнете изучать жизнь птиц.

Жизнь все время меняется, так же как и вы все.

Пожалуйста, пришлите мне каждый свои последние размеры. Я сохранил прошлогодние и хочу сравнить, насколько вы выросли.

Ваш папа”.

Постоянно поддерживая хорошую физическую форму (в прошлом он показывал неплохие результаты в регби), в очередном письме Шпеер писал своим детям о том, что приступил к занятию “зимним” спортом. Он выполнял специальные упражнения для рук и ног, которые называл гимнастикой. В тюремной библиотеке он разыскал английскую книгу с упражнениями для глаз. Последнее время при чтении книг Шпеер стал пользоваться очками. Ему потребовались более сильные. И вот в течение четырех недель он делал упражнения для глаз по этой книге. Результат превзошел ожидания. Теперь он читал и писал вообще без очков. Обо всем этом он так подробно писал для того, чтобы Маргарет (*его дочь, которая носит очки. – М.Н.*) поняла, что терпением и настойчивостью можно добиться многого.

А однажды Шпеер решил рассказать в письме матери, как проходит его день.

“Дорогая мама,

После хорошего и обильного ужина я сел за стол и стал смотреть на темные облака, обдумывая, о чем мне писать. Во-первых, я хочу сообщить, что чувствую себя хорошо. А поскольку со здоровьем у меня все в полном порядке, моя теперешняя жизнь вращается вокруг нескольких самых простых вещей:

Сон. Навещает меня часто, особенно по воскресеньям. Вот почему сегодня я проспал четыре часа. Но не беспокойтесь, я снова буду спать сегодня ночью. Сон это самое активное в нашей жизни и единственное, о чем я жалею, что не могу, подобно медведю, завалиться на всю зиму в спячку. Многие говорят, что у меня что-то есть от этого зверя.

Сад. Мой сад приносит мне массу удовольствия, особенно сейчас, когда он находится в полном цвету. Самый краси-

вый в саду это гладиолус, но кроме него у меня есть и другие прекрасные цветы. Жаль, что я не могу упаковать и переслать мой сад домой в Гейдельберг. Весной я вам сообщу некоторые названия цветов, чтобы вы их вырастили в своем саду, и у вас тоже будет что-то “особенное”. Я также окапываю деревья в своей части сада, особенно под орешником.

Еда. К сожалению, у меня начинает появляться брюшко. Действительно, должен признаться, оно уже немного заметно и снова передо мной встал старый вопрос о весе. Впрочем, мама, в связи с этим я вынужден признаться, что в детстве я часто вносил изменения в наши старые весы и особенно в те дни, когда приносил плохие вести из школы. Подкручивая винт, я делал так, что мой вес оказывался больше действительного. Это приводило тебя в хорошее настроение, что особенно было необходимо всякий раз, как ты слышала о моем учителе. В настоящее время председательствуют англичане, поэтому у меня на столе пикуди, кетчуп и английская горчица.

Чтение. Последние недели я читаю меньше обычного, так как пресытился некоторыми произведениями. Тем не менее мне очень понравился роман Хемингуэя “По ком звонит колокол”. Я его читаю по-английски. После еды я неизменно берусь за роман, а затем перехожу к изучению более серьезной литературы. Однако самое приятное для меня время – это последние полчаса, когда я иду спать. В это время я всегда думаю о всех вас.

Твой Альберт”.

“Моя дорогая мама,

Прошли еще шесть месяцев. Трудно поверить, как быстро летит время. Я могу только сказать “Слава Богу!” Я живу только одной надеждой – увидеть снова всех вас. Будьте здоровы и помните обо мне. Мама, будь благоразумна и не волнуйся, наслаждайся жизнью. Я вернусь к тебе. Помня о твоих глазах, пишу это письмо более крупным почерком.

Я загораю в саду, а когда мне это надоедает, вожусь в земле, где соорудил красивую клумбу. Я начал с маргариток, ромашек, мака, земляники и других диких растений, способных расти на этой песчаной почве. Я так этому рад, как был

рад клумбе, которую впервые соорудил двадцать лет назад. Жаль, что это мы не можем сделать вместе в нашем собственном саду. Я всегда огорчаюсь, что, будучи заключенным, не могу своевременно послать тебе поздравления с днем рождения. Это всегда напоминает мне, что ты опять вынуждена прожить очередной год без меня.

Твой Альберт”.

Письмо жене.

“Моя дорогая Гретль,

В то время, как целый день ты воюешь с детьми и полностью занята их делами, я сижу здесь: читаю, рисую и немного копаюсь в саду. Конечно, в этом смысле моя совесть не чиста. Если я когда-нибудь вернусь домой, я сделаю все, чтобы снова занять в семье достойное место.

За это время я не поднялся ни на одну ступеньку, даже по обычной лестнице, но при определенных усилиях я снова смогу стать хорошим альпинистом. Мне не хотелось бы, чтобы Фриц был отдан в пансионат. Я не сторонник пансионатов. Я только что прочитал две книги по детской психологии. Одна из них на английском, и я не все хорошо понял. Узнай, пожалуйста, есть ли в Гейдельберге детский психолог. Если есть, то отдай Фрица в его руки.

Твой Альберт”.

Следующее письмо написано Шпеером жене после известия о смерти матери.

“Моя дорогая Гретль,

Пожалуйста, не думай, что тяжелая утрата создаст непреодолимые трудности в моей уединенной жизни и что я не смогу это пережить. Конечно, в тюрьме я более обостренно воспринимаю значение семьи и невосполнимость утраты. Но природа устроила так, что со временем боль не возрастает, а постепенно притупляется. Время лечит. Ты это знаешь после пережитого за последние годы.

Несмотря на все невзгоды, я остаюсь таким же, как и был раньше.

Твой Альберт”.

Глава 14

Из отпуска вернулся английский переводчик Водяев. Отдыхал в Австрии и Италии. Ему уже за 60, но он одинокий. Правда, собирается жениться на австриячке, тоже немолодой. Всегда улыбается, прекрасно говорит на многих языках. Родился в одной из среднеазиатских республик. Часто вспоминает свое детство, проведенное в СССР.

В мае уехал американский переводчик Кублицкий, неприятный и всегда чем-то озабоченный тип. Работал очень мало. Уехал неожиданно и странно. Так что у американцев остался теперь только один переводчик – Файерстоун. Из всех их переводчиков он один не из эмигрантов, коренной американец: веселый, даже несколько бесшабашный. Говорит на многих языках, бойко, но с ужасным акцентом.

Интересный человек французский переводчик Жан де Войод. Ему уже много лет, но он тщательно следит за собой – подтянут, всегда в прекрасном костюме, любит тройки. Бегло, без акцента говорит по-русски. Любит русских и всегда старается быть рядом. В молодости в гражданскую войну он служил летчиком во французской армии в Одессе. С улыбкой вспоминает то время. “Шпротики” – так мы называли прелестных одесских девушек. Любит рассказывать о своей жене, которая умерла пятидесяти лет при странных обстоятельствах. Она была полковником французской армии, хорошо знала русский, была награждена орденом Почетного легиона. Де Войод носил с собой фото ее могилы – на памятнике, кроме нее, было выбито его имя с датой рождения и... прочерком смерти. Де Войод неожиданно уехал в Штаты, влюбившись в жену директора Шпандау майора Федущки. Поселился в их семье, писал нам, что счастлив.

Я снова увиделась с нашим журналистом и писателем Юрием Корольковым. Он напомнил о Мусе Джалиле. Увы, мы уже точно установили, что татарский поэт, будучи в плену во время войны, содержался и был казнен в берлинской тюрьме Моабит. Корольков был в свое время на Нюрнберг-

ском процессе. Посмотрел мои дневниковые записки, советовал писать подробнее. Я познакомила его со своим начальником, и Юрий просил разрешения посетить тюрьму. К сожалению, это невозможно: по Уставу журналистов туда не допускают, даже персоналу нельзя входить с фотоаппаратом. Узнала, что Юрий пишет книгу о Рихарде Зорге, и вспомнила отца. Война нас застала в Японии, где работал мой отец.

Уйма материала, жизнь в Западном Берлине бурлит. Однако пропускаю все, что касается встреч, приемов в западных миссиях и консульствах. Пишу только о тюрьме. 27 июля 1960 года – очередное заседание врачей. Все устали, подходит к концу наш месяц. Заседание проводил батальонный врач, так как подполковник Макашев – постоянный врач тюрьмы – в командировке в Москве. Все прошло нормально. Как всегда, в наш месяц все заключенные потеряли в весе, но это, конечно же, “из-за жаркой погоды и чрезмерной работы в тюремном саду”. Таков был наш ответ французскому врачу. У Шираха все нормально, Шпеер лечил зубы. Гесс в течение всего месяца, как всегда, жаловался на сильные боли в правом межреберье. В начале месяца у него был отек ноги, который прошел сам по себе, без какого-либо медицинского вмешательства. Французский врач вспомнил, что в их месяц Гесс постоянно капризничал, плохо ел. В наш – тоже, но “ни к чему об этом вспоминать на сегодняшнем заседании”, – добавил советский врач.

Врачи, наблюдавшие заключенных, единодушно утверждают, что пациенты, изолированные от внешних раздражителей, будут жить по сто лет, не меньше. В наш месяц строго выдерживаются тюремный режим и рацион питания. Продукты проще, как и положено в тюрьме, никаких деликатесов и гурманских поблажек. Поэтому для заключенных наш месяц становится по сравнению с тремя предыдущими разгрузочным. Кстати, сама жизнь подтвердила правильность наблюдения врачей. Если Ширах и Шпеер, отбыв свой срок наказания и освободившись из тюрьмы, вскоре ушли из жизни в расцвете сил, то Гесс в заключении дожил до 93 лет и умер не своей смертью.

Совсем скоро перед сменой караула мы передадим ключи американскому врачу и облегченно вздохнем: пусть Гесса лечат другие. Кстати, чувство облегчения в конце своего месяца испытываем не только мы, но и наши коллеги. Трудно забыть, что перед тобой нацистские преступники, в той или иной степени виновные в гибели миллионов людей.

У американцев новый врач, подполковник Джинглас, но он на этот раз почему-то не приехал в тюрьму. Летом в жару никому не хочется работать. Французский переводчик опоздал на заседание, примчался к обеду. На заседании мне пришлось переводить не только для своего, но и для французского врача, за что получила от галантного француза “миллион благодарностей”. У директора или врача каждой стороны – свой переводчик. Но среди нас существуют негласная солидарность и взаимовыручка: если кто-то в отпуске или отсутствует по другим причинам, его без ропота заменяет коллега. Не было ни одного случая, чтобы переводчика пригласили со стороны.

Поскольку было очень много гостей к обеду, мы решили устроить коктейль. Это проще, быстрее. Английский врач сильно захмелел, но уходить из бара не хотел ни за какие коврижки и просил то и дело подлить ему водки. Видимо, русская водка очень понравилась, он увлекся и немного не рассчитал. А в трезвом состоянии это очень скромный, даже застенчивый человек... После заседания служащий канцелярии Леонов передал мне кипу цветных фотографий с последнего приема у французов. Сохраню для потомков.

28 июля. Состоялось последнее в нашем месяце заседание директоров. На повестке дня два вопроса. Во-первых, просьба Шпеера о перенесении августовского свидания на сентябрь в связи с тем, что жена с детьми отдыхают. Просьбу удовлетворили: шестого сентября в 11 часов свидание с женой, седьмого – с сыном Эрнстом (дети подросли и пошли в школу, и Шпееры решили, что теперь им можно посещать отца). Затем была рассмотрена просьба тюремного пастора о проигрывании пластинок из его коллекции во время церковной службы в субботу. После этого в порядке информации старший французский надзиратель Ферри, исполняющий

обязанности находящегося в отпуске директора, сообщил, что истопник тюрьмы Кадич скошил всю траву вокруг тюремной стены и за электрозабором. Раньше это делал местный немец, который забирал себе скошенную траву, но сейчас он переехал в другой район. Вначале хотели связаться с Сенатом, чтобы они организовали вывоз травы, но неожиданная “помощь” пришла от английского директора, который обещал забрать сено для лошадей английского полка, расквартированного рядом с тюрьмой. Что касается повседневной одежды заключенных, которая уже требовала починки, то решили, что ее соберет надзиратель и передаст в канцелярию секретарям. Секретари отвезут ее в женскую тюрьму, где за умеренную плату она будет приведена в порядок. Новую решили не покупать.

На заседании был также рассмотрен еще один очень “важный” вопрос. Гесс написал заявление, в котором просил директоров приобрести для тюрьмы пылесос. Он в саду развешивает одеяло и выбивает из него пыль. Но, как пишет он, вылетая, пыль тут же возвращается обратно. Получается бесполезный труд. В связи с этим я вспомнила, как однажды в субботу мы с Хартманом неожиданно вошли в камерный блок, чтобы вручить письма заключенным. Гесс в это время подметал пол. Думая, что его никто не видит, он снова разбросал по углам собранный мусор. А вот ремонт тюремной кухни и церковной камеры — это более важные вопросы. Кухню будут ремонтировать рабочие, выделенные Сенатом (эксперт уже определил объем и стоимость работ), церковь — силами обслуживающего персонала.

В конце заседания американский директор Федушка по традиции от имени своих коллег поблагодарил советского директора за хорошо проведенный месяц. И как бы между прочим заметил, что вчера надзиратель у тюремных ворот пропустил американского подполковника-врача в тюрьму без пропуска. Федушка просил обратить внимание коллег на этот случай, хотя он и не снимает вину с себя: секретарь слишком поздно предупредила его, что назначен другой врач, и он не успел своевременно выписать ему пропуск. Советский директор обещал разобраться с этим, тем более что надзира-

тель у ворот был наш. “Это неважно, чей. Просто это непорядок”, — ворчливо, но добродушно добавил Федушка. У него последние дни прекрасное настроение по случаю присвоения очередного воинского звания майор, так как ждал это звание он очень долго. Почему-то американские офицеры, работающие в тюрьме, сплошь и рядом уже в возрасте, а звания у них небольшие. Может, потому, что эта служба не связана с боевой подготовкой? Между прочим, его предшественник Спирс, получив звание подполковника, на радостях бросил фуражку на пол и вошел в бар на руках. Когда он спешил в тюрьму, чтобы сообщить об этом всем нам, по дороге его облаяла собака. “Извиним ее, она ведь не знала, что я стал подполковником”, — подмигивая, радостно добавил он.

Мне была понятна неподдельная радость Спирса. Ведь получить в американской армии такое высокое звание на этой должности не просто. По штатному расписанию должность советского директора была “подполковник”, поэтому американцы считали, что их представитель должен быть также на этом уровне. Это уже политика. Может, например, возникнуть непредвиденное заседание, председательствовать на нем будет старший по званию.

Подполковник Спирс вскоре женился на переводчице австралийской миссии и уехал в Штаты. Первое время регулярно присылал нам открытки.

По случаю присвоения звания майор Федушка устраивает коктейль в офицерском клубе. Поедем. Откровенно говоря, я люблю такие офицерские интернациональные встречи, пользуясь случаем, стараюсь их не пропускать. Они разнообразят нашу жизнь в Берлине.

Первого августа нас сменили американцы. А четвертого — мой день рождения! Мне еще рано скрывать свой возраст. Радуюсь, как ребенок. Тем более что в детстве мой день рождения отмечали редко. Родилась я в Киеве, в семье военного летчика. С родителями пришлось покататься по военным городкам — Энгельс, Оренбург. Потом Москва — отец поступил в Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского. После окончания учебы — Япония. Отца направили туда по линии Министерства внешней торговли под фамилией

Николаев. Там я училась в американской школе для детей иностранных дипломатов. Почему-то говорила всем, что зовут меня Лилия. Имя это понравилось и как японцы произносили – Ририя – тоже нравилось. В Японии нас застала война. Помню, как мы с мамой и младшей сестрой уходили на лайнере: на море страшный шторм, порт бомбила американская авиация. Добрались до Владивостока, потом до Томска и там застряли на год. Жили на то, что мама выручала от продажи вещей. От отца не было никаких известий. И вдруг однажды я внезапно увидела его! Гораздо позже я узнала, что тогда в Японии начались провалы нашей резидентуры, и отец вынужден был вернуться в Союз.

Заканчивала учебу в Москве. Среднюю школу окончила с золотой медалью. В школе военруком был бывший летчик, фронтовик. Он сагитировал меня заниматься в парашютной школе. Собиралась поступать в летное училище, но мне отказали: война кончилась, милая девочка, поступай в медицинский. А я в это время еще увлеклась и академической греблей. Главным судьей на одном из соревнований был генерал Биязи – начальник Военного института иностранных языков. И он предложил мне поступить в институт.

Об институте тогда говорили: “Институт блата и связи имени Биязи. Пришел генерал Ратов – стал институт связи и блатов”. В основном учились ребята-фронтовики, девочек было мало. Поступала я на морской факультет, а заканчивать пришлось общевоинской. Потом работа, в том числе в разведотделе Белорусского военного округа и в системе внешней разведки. В Германию меня откомандировали уже в звании капитана в августе 1957 года.

И вот еще один день моего рождения в Берлине! С утра в отделе мне преподнесли красивый адрес и огромный букет цветов. В тюрьме – мои любимые французские духи “Шанель № 5” и массу мелочей. Среди них “Паркер” с золотым пером и красивая записная книжка. Конечно, красная. Накануне начальник французской миссии Шофен прислал мне чудесные цветные фотографии с последнего приема в отеле “Эглон”. Сегодня рабочий день, и в 10.30 я поехала... в тюрьму.

В Шпандау состоялось очередное заседание директоров под председательством новоиспеченного майора Федушки. На повестке дня один вопрос. Тюремный пастор французский капеллан Хаппель уходит в отпуск до 6 сентября. Он просит разрешить 6 и 13 августа вместо религиозной службы проиграть для заключенных шесть пластинок из его коллекции духовной музыки. В конце августа французская протестантская служба города Баден временно назначит другого пастора, который будет проводить службу в тюрьме до его возвращения из отпуска. Очень долго спорили, обсуждая этот вопрос. Окончательное решение отложили до следующего заседания, когда французский директор сообщит фамилию нового пастора. А пока по субботам решили устраивать для заключенных двухчасовой концерт духовной музыки в грамзаписи.

12 августа пройдет инспекция тюрьмы американским генералом. В субботу, как всегда, проводили цензуру. Хартман уехал в отпуск, за него остался американский переводчик Файерстоун. Из длинного письма жены Гесса вырезали упоминание о семье какого-то профессора (следует неразборчиво написанная фамилия). Это прошло нормально. А когда я предложила вырезать цитату из Шиллера (по Уставу в письмах никакие цитаты не разрешаются), Файерстоун удивился. Я ему рассказала, как однажды мы с Хартманом вырезали из письма жены Гесса стихотворение Гете. “А кто это? – спросил Файерстоун. – Я его тоже не знаю”. Затем отдали на уничтожение три посторонних письма (в канцелярии стоит специальная машина – размельчитель бумаги). Одно письмо было, например, из США от 16-летней девочки, которая просила Гесса прислать ей автограф. Просматривая письма заключенных, мы слушали пластинки. Чудесная музыка! В комнате тишина. Высокая техника исполнения, безукоризненная запись, чистое воспроизведение. Я очень люблю такие дни! Прослушали две великолепные записи симфоний Бетховена. Больше всего я люблю его Пятый концерт. Затем на четырех дисках оперу Моцарта “Дон Джовани”. Во время разговора в баре я заметила: “Не слишком ли это для заключенных – вместо прослушивания духовной музыки наслаждаться опе-

рой?” Наш директор тут же перед обедом поделился этим с американским директором. Последний, сразу поняв, что это исходит от меня, вдруг заявил: “А мы тоже нарушаем Устав. Маргарита хоть и офицер, но женщина и работает в тюрьме. С заключенными же по Уставу должны работать только лица мужского пола. Я сам, конечно, не против нее, но все же это нарушение”. Пришлось ему в который раз напомнить, что в Уставе речь идет только об обслуживающем персонале и надзирателях, но нет ни слова о переводчиках и цензорах. Майор Федúшка пропустил это, что называется, мимо ушей и, возвращаясь к грампластинкам, заявил, что поставит этот вопрос на повестку дня очередного заседания. В четверг 11 августа заседание начали с дискуссии о том, какая разница между симфониями, концертами и оперой. Спорили до самого обеда. Решили возобновить разговор во второй половине дня, но исполняющий обязанности французского директора сказал, что он будет занят и не сможет принять участие в дальнейшем обсуждении. Поддержку мы получили от английского директора, человека весьма религиозного.

Но после того, когда вроде бы приняли решение, что заключенные должны слушать не оперы, а духовную музыку, американский директор вдруг заявил: “Мы в четверг можем решить так, а я как председательствующий поступлю по-своему”. Американец договорился до того, что вопрос о грампластинках советская сторона подняла в угоду... “женскому капризу Маргариты”. Чуть позже Федúшка говорил, что его неправильно поняли, виноват его переводчик, который плохо знает русский. Но факт остается фактом: после того, как Федúшка стал майором, он ведет себя очень высокомерно. На заседаниях не соблюдает порядок очередности выступлений, всех перебивает, понимая по-русски, не ждет перевода, а немедленно реагирует. Почему-то игнорирует замечания французского коллеги. Не лучше складываются и отношения с нами.

Так перед началом одного из заседаний старший надзиратель доложил советскому директору, что заключенный № 7 (Гесс) не выполнил приказание произвести уборку в туалетной комнате. Наш подполковник проинформировал об

этом трех других директоров и попросил их поддержки в том, чтобы наказать Гесса. На заседании выяснилось, что раньше Гесс отказывался выполнить подобное приказание старшего надзирателя французской стороны. Предложение нашего директора было поддержано английским и французским директорами. Однако председательствующий американский директор трижды уклонялся от его рассмотрения, и в конечном итоге вопрос был спущен на тормозах.

Обстановка во взаимоотношениях на работе в то время уже была не самой лучшей, зачастую побеждал принцип негативной реакции. Нередко то, что предлагали американцы, мы отвергали, и наоборот (разница была только в том, что майор Федúшка проявлял удивительную мелочность, яростно спорил по пустякам). Так отражалась “большая политика” в международных организациях на местах. А тут еще между нашими странами произошел крупный инцидент. Над советской территорией был сбит американский самолет-шпион, а летчик Пауэрс по приговору нашего военного трибунала отбывал наказание в тюрьме. В связи с этим советский посол в ГДР Первухин негласно запретил нам здороваться с американцами. На приеме в нашем посольстве в честь Хрущева, остановившегося в Берлине проездом, наш директор, улучив момент, подошел к нему и пожаловался на, мягко говоря, неразумный запрет. Хрущев сказал: “А причем здесь вы? Делайте свое дело, работайте, здоровайтесь. У вас свой участок”.

На обеде после заседания, на котором решался вопрос о наказании Гесса, я сидела между командиром 2-й боевой группы американским полковником Айерсом и тюремным врачом полковником Джингласом. Полковник рассказывал забавную историю. Его знакомый хирург Никсон по приглашению известного советского хирурга побывал в Союзе, где они провели совместную операцию по пересадке внутренних органов у собаки. Все прошло успешно, и в честь своего американского коллеги наш хирург предложил назвать подопытную собаку Никсоном. “А Хрущев возражать не будет?” – спросил тот, намекая на отношение советского лидера к известному американскому политическому деятелю, прези-

денту США. Все это лишний раз подтверждает, что отношения между нашими странами накладывают отпечаток даже на взаимоотношения людей, далеких от политики.

13 августа. Цензура. Мой коллега Файерстоун, заменявший находившегося в отпуске Хартмана, опоздал. Чтобы успеть на обед (мой коллега любит хорошо поесть), Файерстоун подписывал, что называется, не глядя, лишь мимоходом спрашивая, кто такой Рикки (*один из сыновей Шираха. — М. Н.*), кто такая Розалинда (*сестра. — М. Н.*). Очень сокрушался и от всей души сочувствовал Гофману, который общался в письме к Шираху, что потерял 20 тысяч марок. (Гофман заказал одному современному немецкому писателю три книги и заранее выплатил гонорар, а тот совершенно неожиданно взял да умер.)

В субботу на цензуре вместо религиозной службы должны были (согласно Уставу) полтора часа проигрывать пластинки из собрания пастора. Но директора не разрешили четыре диска с оперой Моцарта “Дон Джовани”, а поручили председательствующему американскому директору выбрать вместо них пластинки классической музыки из тюремного собрания. Федущка выбрал... “Свадьбу Фигаро”, музыкальную комедию, как ее называют немцы. Да еще приказал старшему надзирателю играть два часа вместо полутора. Вопрос о преднамеренном нарушении правил решили поднять на заседании. Вот такими делами занимались солидные люди, которым поручили исполнять наказание для самых опасных преступников века.

15 августа во время обеда английский директор подробно рассказывал о документальном фильме шведского производства “Майн кампф”, который он посмотрел. “Удивительно, как прекрасно выглядел Гесс! Правда, на Нюрнбергском процессе он уже был похож на теперешнего”.

16 августа мы с мужем и знакомыми были на футбольном матче, который проходил на Олимпийском стадионе в Западном Берлине. Спортивное сооружение на 120 тысяч мест было построено немцами в 1936 году для проведения Олимпийских игр. Громадный стадион с серыми трибунами выглядит мрачно. Играли мадридский “Реал” и сборная За-

падного Берлина. Выиграли испанцы. На трибунах дикий вой, трещотки, трубы... Гол на последней минуте забил известный бывший нападающий Венгрии Пушкаш, который покинул страну во время венгерских событий. Кстати, вратарем тогда был Хулио Иглесиас, сейчас известный эстрадный певец.

Пока добирались после матча до машины, оставались в центре внимания зрителей — наши мужья были в военной форме. Перед выездом на главную магистраль немецкий полицейский, увидев нашу машину, перекрыл движение и закричал по-русски: “Штой, штой!” Мы остановились, он подошел к водителю, который был в военной форме: “Это ЗИС?” — “Нет, ЗИМ”. — “А, это несколько другое”. Мы угостили его папиросами “Казбек”. “А, русский папироза”, — поблагодарил он и пошел на пост. Открыв движение, заулыбался во весь рот и закричал по-русски: “Давай, давай, товарищ!”

На следующий день я не поехала в тюрьму, поскольку работала переводчиком во время визита вежливости в нашу комендатуру начальника американской полиции подполковника Собалика (мать — чешка, отец — русский, но сам Собалик совсем не говорит по-русски). Беседа, как пишут в прессе, носила протокольный характер и прошла в дружеской обстановке. Во время встречи он рассказывал, что знает многих русских по работе в Вене, очень любит русскую водку, и предложил обмен — виски на водку. В конце пообещал приехать снова недели через три, на свой день рождения. Внимательно осмотрел зал, где в 1945 году была подписана капитуляция Германии и где мы организовали что-то вроде музея.

17 августа. Очередное заседание директоров. Из отпуска, загорелый и посвежевший, вернулся французский директор Фарион. Опять долго и, честно говоря, нудно спорили о пластинках, подменяя суть Устава демагогией. Американский директор всю вину валил на нашего старшего надзирателя. А потом поднял руки: “Стреляйте в меня, я виноват!”, признав, что нарушал все-таки Устав. Не придя к единому знаменателю, решили занести в протокол мнения всех дирек-

торов. Вопрос о документах адвоката для Шираха решили перенести на следующее заседание. Английский директор попросил неделю, чтобы иметь возможность посоветоваться со своим политическим советником.

25 августа состоялось последнее заседание директоров в американский месяц. Протокол подписали быстро. Вопрос о заявлении адвоката Шираха по предложению английского директора решили опять перенести, так как еще не получили ответ от своих юридических советников. Это значит до 8 сентября, то есть на две недели, так как следующий четверг — 1 сентября — смена караулов. Нам это на руку, так как у нас тоже нет определенной позиции. В посольстве нам ничего не советовали, ничего определенного также не сказал и юрист из Группы Советских войск в Германии. Решили запросить Москву. В “разном” ни у кого ничего не было, все спешили, устали. Зато у председательствующего целых шесть вопросов. И все о ремонте тюремных помещений. Испортилось отопление в камерном блоке и фактически нельзя регулировать степень обогрева. Облупились стены в коридоре, ведущем в ванную комнату заключенных. В ванной к тому же требует ремонта пол. На это американскому директору указал его генерал во время инспекции. Решили покрыть изношенный пол линолеумом. Затем утвердили смету на ремонт тюремной кухни — 1200 марок. Теперь главным поваром в тюрьме будет работать бывший шеф-повар столичного болгарского ресторана “София”. Мы его внедрили по “рекомендации” болгарских друзей. С 1957 года не проверялось противопожарное оборудование. Поручили это английскому директору. Поскольку каждый год приходится тратить около 4 тысяч марок на подрезание травы в тюремном саду, решили марок за 500 (французский директор Фарион принес проспекты) купить машинку для подрезания травы. Ответственность за ее эксплуатацию выпала на истопника-югослава Кадича. За ним закрепилась репутация лодыря: сытая, всегда заспанная физиономия, внушительных размеров живот, любит выпить, но уж никак не работать. При виде директоров немедленно принимает вид очень занятого человека. Все это знают, поэтому, когда английский директор Бенфилд пошу-

тил, чтобы обязательно купили косилку с мягким сиденьем, тогда Кадич будет чаще на ней ездить, шутка была принята с пониманием.

В сентябре уходит в отпуск санитар Боон. У этого голландца много разных обязанностей. Он открыто не любит заключенных, презрительно называет их “министрами”. Если кто-нибудь из заключенных проявляет какое-то недовольство, например, считает, что ему дали холодный кофе, Боон спокойно забирает его, ставит на электроплитку, а степень нагрева определяет, опуская палец в чашку. Когда Гесс жалуется на боли в животе, Боон делает ему укол дистиллированной воды. И тот, успокоившись, засыпает. Психотерапия. На время отпуска обязанности санитара будет временно исполнять английский врач. Английский директор от имени всех своих коллег поблагодарил председательствующего “за прекрасно проведенный” месяц и гостеприимство в офицерской столовой. Все остальные присоединились, согласно кивая головами.

27 августа на цензуре порезали почти все письмо жены Гесса. Она без конца передавала ему приветы от старых знакомых. Прекрасно знает, что нельзя упоминать в письмах фамилии посторонних, и тем не менее... Вручили Гессу одни бумажные полоски вместо нормального письма.

29-го — ежемесячное заседание врачей. Оно длилось 5 минут! Все живы, здоровы, жалоб ни у кого нет, кроме, как всегда, Гесса. Он предъявлял свои “обычные” жалобы. Все заключенные в американский месяц прибавили в весе, тоже как всегда: Ширах — на 1300, Шпеер — на 500, Гесс — на 2500 граммов. И не удивительно: американцы кормят заключенных теми же продуктами, что и гостей в офицерской столовой. Мы шутили: если у заключенных на обед индейка, значит, и у нас тоже. Американцам выгоднее выписывать продукты из Штатов, чем покупать в Европе. Правда, молоко они закупают в Дании. Оно действительно отличное. Словом, узнать, что на обед в офицерской столовой, можно без труда, стоит лишь зайти в камерный блок (у заключенных обед на полтора часа раньше нашего).



Фото 54. Офицеры роты охраны: Ровняго, Глозов, Иванов, Поваляев.



Фото 55. В институте. Справа Юлия Мартынова – радист, партизанка, участница Великой Отечественной войны.

Глава 15

Мне рассказывали, что особенно много хлопот врачам и надзирателям тюрьмы доставлял в свое время заключенный № 6 Вальтер Функ. Все с облегчением вздохнули, когда в 1956 году самого скандального заключенного – “пианиста-финансиста” – выпустили.

“Человеческая жизнь состоит из заблуждений и вины. Я также во многом заблуждался, и во многом меня обманули, и должен открыто признать... что во многих вещах я был слишком беспечным, легковверным и в этом я вижу свою вину”, – бормотал Функ в последнем слове, пытаясь разжалобить Судей Международного Военного Трибунала перед вынесением ему приговора.

Только в этом, и больше ни в чем! Про сейфы рейхсбанка, набитые золотыми коронками миллионов замученных невинных жертв, Функ считал за лучшее умолчать, промямлив лишь одну невнятную фразу: “Гиммлер обманул меня, обошел меня”. Он как будто не знал и не подозревал, что среди переданных рейхсбанку ценностей находилось колоссальное количество жемчуга, ценных камней, украшений, различных золотых вещей, оправы для очков и золотые зубы. “До этого процесса я ничего не знал о том, что происходили убийства миллионов евреев в концентрационных лагерях. Мне не было известно о существовании таких лагерей уничтожения”.

Как и на протяжении всего процесса, подсудимые в последнем слове приняли позу... обвинителей. Разоблачали они кого угодно – Гитлера, Гиммлера, Геббельса, но только не себя. Тот же Функ причитал: “Здесь раскрылись кошмарные преступления... Эти преступления заставляют меня краснеть... Я всегда уважал чужую собственность, всегда думал о том, чтобы оказать людям помощь в их нужде...”

Бывший министр экономики и председатель рейхсбанка Вальтер Функ, в прошлом журналист по финансовым вопросам, вступил в нацистскую партию в 1931 году и вскоре после этого стал одним из личных советников Гитлера по

экономическим вопросам. В январе 1933 года он был назначен руководителем прессы в имперском правительстве, а с марта этого же года стал заместителем министра пропаганды, занимал руководящие должности в различных нацистских организациях, которые контролировали прессу, кино, музыку и работу издательств. Пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике он занял в начале 1938 года, а президента рейхсбанка – в январе 1939 года. В августе 1939-го он был назначен еще и членом совета министров по обороне империи и в сентябре 1943 года – членом центрального управления по планированию.

Функ начал свою деятельность в области экономики после того, как ясно определились нацистские планы ведения агрессивной войны. Один из его представителей присутствовал на совещании, на котором Геринг потребовал резко увеличить производство вооружения и его экспорт, обеспечив тем самым дополнительное поступление иностранной валюты. Ведомство Функа в связи с этим требованием разработало детальный план финансирования войны. И уже в августе 1939 года Функ в письме Гитлеру, выражая признательность за предоставленную возможность участвовать в таких “грандиозных событиях”, докладывал, что, установив жесткий контроль над заработной платой и ценами, он укрепил позиции рейхсбанка, а обменяв всю наличную иностранную валюту на золото, обеспечил выполнение принятого плана.

Функ принимал активное участие в экономической подготовке нападения на Советский Союз, лично участвовал в организации печатания в Германии фальшивых советских денежных знаков. Под его руководством разрабатывались планы экономической эксплуатации “обширных территорий Советского Союза”.

Будучи заместителем министра пропаганды и вице-президентом имперской палаты культуры, Функ принимал участие в нацистской программе экономической дискриминации евреев. В 1938 году после ноябрьских погромов он присутствовал на совещании, которое проводил Геринг. Обсуждая еврейскую проблему, Функ предложил проект декрета, запрещающего евреям участие в экономической жизни страны.

В 1942 году Функ заключил соглашение с Гиммлером, согласно которому рейхсбанк должен получить от СС определенное количество золота, драгоценностей и валюты. От подчиненных, разрабатывающих это соглашение, он потребовал не задавать лишних вопросов. В результате СС передало рейхсбанку личное имущество, отобранное у жертв концентрационных лагерей. Рейхсбанк оставил у себя монеты и банкноты, а драгоценности, часы и другие личные вещи отправил в берлинские муниципальные ломбарды. Золотые оправы от очков, золотые зубы и коронки хранились в сейфах подконтрольного Функу рейхсбанка. Функ, будучи министром экономики и президентом рейхсбанка, участвовал в экономической эксплуатации оккупированных территорий. Он возглавил континентальную нефтяную компанию, в ведении которой находилась эксплуатация нефтяных ресурсов оккупированных восточных территорий. Он захватил золотые запасы Чехословацкого национального банка и ликвидировал Югославский национальный банк. Функ был косвенно причастен к использованию труда заключенных концентрационных лагерей. Под его руководством рейхсбанк открыл для СС текущий счет в 12 миллионов рейхсмарок для строительства фабрик, на которых должны были работать заключенные концлагерей. Он активно участвовал в мобилизации германской экономики на реализацию планов агрессивной войны. Будучи членом управления по планированию, Функ готовил и проводил в жизнь программы порабощения других народов, содействовал эксплуатации и умерщвлению миллионов людей.

Тюрьма, обеденное время. Вдоль коридора камерного блока с шумом катилась тележка, нагруженная тарелками с едой. Вот она остановилась перед дверью очередной камеры. Надзиратель крикнул по-немецки: "Номер шесть!" и открыл ключом дверь. Из камеры вышел небольшого роста человек и трясущейся старческой походкой прошаркал к тележке. Взял тарелки и вернулся в камеру. Суп, котлета и яблоко – таков был обед Вальтера Функа, бывшего владельца баснословного состояния, любителя изысканных блюд и прекрасных вин.

Функ, который в свое время развлекал Гитлера игрой на пианино, теперь играл на фисгармонии в тюремной церкви Шпандау. Это был, наверное, единственный момент, когда он не жаловался на состояние здоровья. Еще находясь у власти, Функ умело использовал свои болезни. Если, например, к нему приходил его близкий друг Лей, руководитель трудового фронта, Функ, зная, что тот пришел просить деньги, начинал занудно жаловаться на свое здоровье до тех пор, пока пришедший, наконец, не сдавался: "Вальтер, у меня сжимается сердце от беспокойства за такого больного человека, как ты". И уходил, не получив того, за чем приходил. В тюрьме Функ продолжал придерживаться проверенной тактики. Он долго рассказывал врачу истории своих болезней, стараясь его разжалобить: "Мои болезни начались, когда я подцепил сифилис в тринадцать лет. Это было в пивном погребе в Восточной Пруссии. Там школьники, и я был в их числе, за деньги занимались любовью с официантками в подсобках". Женщины, застолья были любимыми темами для воспоминаний старого, лысого, толстого ловеласа и развратника. Функу очень нравилось рассказывать надзирателям о своих победах над женщинами. Он вспоминал берлинские притоны и увеселительные заведения сомнительной репутации. Свой рассказ сопровождал непристойными песенками. "А какие великолепные я устраивал пирушки!" – вспоминал он, при этом его толстые сальные губы неизменно растягивались в самодовольной улыбке. "У нас были самые лучшие вина, первокласснейшее шампанское, все только самое лучшее. И это были действительно незабываемые ночные вечеринки! Я, как всегда, много ел и пил. И, конечно, было много девочек. Они тоже были самые лучшие. Обнаженные танцовщицы". "С женщинами у меня никогда не было проблем", – хвастался он надзирателям. "Ах, француженки!" – и Функ, прищмыкая, закатывал глаза. "А египтянки. Какая прелесть!"

Функу и в самом деле пришлось дорого заплатить за разгульную жизнь. Его нервы были истрепаны до предела: он не мог переносить шум, яркий свет. Вынужден был постоянно прибегать к уколам морфия и кокаина. Страдая хронической бессонницей, он принимал большие дозы снотворного.

Его донимали головные боли и он орал на всю тюрьму, проклиная надзирателей на немецком, французском, русском и английском языках. Особенно он ненавидел русских надзирателей. Они приводили его в бешенство своей строгостью и пунктуальностью в выполнении требований тюремного Устава. Когда наши надзиратели, как и положено, каждые 15 минут через “глазок” просвечивали камеру, Функ кричал от бешенства, колотил в дверь камеры, выкрикивая ругательства. Во время утреннего обхода он жаловался, что ночью опять освещали камеру: “Двадцать три, двадцать четыре раза. Кошмар! Помогите, прошу!”

Вопрос о свете регулярно поднимался западниками на заседаниях директоров. Наши, ссылаясь на Устав, возражали против какого-либо изменения. Единственно, о чем удалось договориться, так это об увеличении дозы снотворного Функу. Но это не помогло: однажды ночью нервы Функа не выдержали.

Как всегда, он кричал, жалуясь на шум и свет, не дающие ему уснуть. Все надзиратели были предупреждены врачами: не связывайтесь с заключенным, даже если вам покажется, что он сошел с ума. Однако дежуривший французский надзиратель все же открыл дверь и вошел в камеру. Функ неожиданно набросился на француза и повалил его на пол, сжал шею надзирателя, пытаясь его задушить. Задышавшись, француз все-таки сумел разжать обхватившие горло руки, но Функ с силой сумасшедшего поднял его и вышвырнул из камеры. Подоспевшие на шум другие надзиратели связали Функа. Вzbесившемуся заключенному сделали укол, и он успокоился.

Директорам тюрьмы Функ написал объяснение:

“В свое время по специальному указанию Дирекции на дверь моей камеры прикрепили листок, предупреждающий вновь заступившую смену, что я болен и меня нельзя беспокоить. Однако в понедельник я был преднамеренно разбужен уже после того, как принял снотворное. Я больной человек. Все это вызвало нервный срыв и сердечный приступ. Тем более, когда я понял, что за дверью смеются над моими страданиями.

Я не могу точно сказать, был ли господин русский директор перед моей камерой и он ли спровоцировал этот инцидент, вызвавший сердечный приступ. Раньше со мной ничего подобного не случалось. Американский специалист, поставивший два с половиной года назад мне диагноз, предупреждал, что во время очень сильного возбуждения мой разум может затмиться и что я могу потерять над собой контроль.

После случившегося у меня все еще не в порядке нервы. Прошу директоров защитить меня. Во время таких инцидентов моя жизнь подвергается опасности. *(Эту фразу Функ подчеркнул. – М.Н.)* Прошу, чтобы после принятия лекарств меня не беспокоили, соблюдали тишину и не включали свет в камере по ночам.

Вальтер Функ”.

В 1948 году Функу в тюрьме удалили грыжу. Директора разрешили ему однодневный отдых. Но предложение не просвечивать в ночное время камеру было единогласно отклонено. Этим еще раз был подтвержден принцип, что “ни для кого из семерых заключенных ни при каких обстоятельствах не будет нарушаться тюремный режим”.

Через год Функ снова тяжело заболел. Из-за болезни мочевого пузыря и предстательной железы ему нужно было каждые десять дней делать уколы морфия. Лечение довело Функа до полного изнеможения. Как-то ночью надзиратели услышали из его камеры крик о помощи и стук в дверь. Заглянув в камеру, надзиратель увидел на полу Функа, лежавшего в луже крови. Срочно вызвали дежурного врача. Врач сделал укол, Функа перенесли в санитарную комнату. На консилиуме четырех врачей тюрьмы пришли к заключению, что ему требуется срочная операция предстательной железы.

Главный врач американского госпиталя в Западном Берлине предложил положить больного в армейский госпиталь. По Уставу заключенные не должны покидать территорию тюрьмы, и предложение отклонили. Решили оперировать Функа в тюрьме. Делать операцию поручили главному хирургу и урологу французского госпиталя майору Геншару.

О предстоящей операции известили жену Функа. Она сразу же обратилась к американскому Верховному Комиссару в Западном Берлине с просьбой разрешить сделать операцию ее мужу за пределами тюрьмы. Но решение уже было принято, и ей отказали.

В тюрьме была операционная, переоборудованная из камеры, где когда-то казнили приговоренных к смерти. Туда привезли из американского госпиталя необходимые медицинские оборудование и инструменты. Когда Функу сказали о предстоящей операции, он потерял душевный покой. Со слезами в голосе он говорил дежурному врачу, что хочет умереть. Каждый день он был на грани нервного срыва. Ему снова давали большие дозы снотворного. В ночь перед операцией Функ сел за стол и написал завещание на листе почтовой бумаги со штампом тюрьмы. Где он взял его, никому неизвестно, так как каждый лист для письма строго учитывался.

В верхнем углу Функ написал:
“ЗАВЕЩАНИЕ

Я оставляю все, что имею, Луизе Функ, урожденной Шмидт, проживающей в настоящее время в гостинице Цоер в Геченберге. Завещаю мне принадлежащий дом в Бергхофе, стоящий на возвышенности в округе Кирхбилль, а также дом в местечке Бад Тольц и прилегающее имение, включая позже официально оформленные хутора. Всю обстановку в доме, два страховых полиса и вознаграждение за работу в Совете директоров Швейцарского Банка в Базеле, которое мне не было выплачено с самого начала войны. Мои личные вещи и ценности, изъятые при аресте и хранящиеся в Шпандау, а именно: золотое обручальное кольцо, наручные часы, золотая заколка для галстука в рубинах с моими инициалами, две золотые запонки с восемью драгоценными камнями и моими инициалами, а также две золотые пуговицы.

Составлено и подписано перед моей операцией
Шпандау – 11.10.49

Вальтер Функ”.

Утром приехал хирург майор Геншар с медсестрой. С помощью двух санитаров, Боона и Проста, голландцев по

национальности, медсестра завершила приготовления к операции.

Собрались все офицеры и врачи. Предстояла первая операция в стенах Шпандау. Если она окончится смертью Функа, будут, конечно, большие неприятности. В любой момент можно было бы ожидать обвинений в преднамеренном убийстве. В обязанность же как тюремного, так и медицинского персонала входила задача сохранить здоровье всех семерых заключенных с тем, чтобы они отбыли полный срок наказания, вынесенного им в Нюрнберге.

Операция прошла благополучно. Когда Функ открыл глаза, то увидел сидящую у его кровати медсестру. Он обвел глазами незнакомую комнату с белыми стенами. Он был очень слаб, его жизнь еще какое-то время висела буквально на волоске. Медсестра постоянно была при нем, отлучаясь только на короткий отдых, когда ее подменяли санитары.

Жене Функа было передано короткое сообщение: “Вашему мужу сделали операцию. Вы можете навестить его в первой половине декабря.

Дирекция
Межсоюзническая тюрьма Шпандау”.

Благодаря заботам “ангела-спасителя” (так Функ называл медсестру) он хотя и медленно, но стал поправляться.

На седьмой день после операции он рассказал медсестре сон: “Мне приснилось, что мы с женой навестили умерших родителей. Жена была в саду. Она спускалась по некрутым ступенькам к реке. В этом месте всегда была лодка. Я же был на другом берегу. Я позвал ее, чтобы она приплыла и забрала меня, но лодка вдруг перевернулась. Жена упала в воду, и я потерял ее из виду. Я испугался, бросился в воду, чтобы ее вытащить. Всю промокшую держал ее на руках. Мы оба плакали, радуясь спасению”.

Функ спросил: “Может быть, это означает, что я спасу жену своим выздоровлением? Я делаю все, что в моих силах”. Медсестра ничего не ответила, но, когда об этом сне узнала жена Функа, она все объяснила по-своему: “Это означает, что он хотел сообщить мне свое первоначальное намерение”.

рение умереть или покончить с собой и чтобы я смогла в случае его смерти получить страховку, а также пенсию как вдова высокопоставленного государственного служащего”.

Однако Функ не умер и не покончил жизнь самоубийством. Операция прошла настолько успешно, насколько это было возможно при общем состоянии его здоровья. Однако в декабре 1953 года Функу объявили, что ему придется перенести повторную операцию на предстательной железе. Об этом сообщили и другому заключенному – гросс-адмиралу Редеру. Такое решение было принято на заседании медицинской комиссии четырех держав совместно с директорами тюрьмы. Оперировать снова было поручено майору Геншару, главному хирургу французского госпиталя.

И на этот раз Функ уже вместе с Редером решили подать официальную просьбу, чтобы операция и лечение проводились вне тюрьмы в госпитале, где можно обеспечить по возможности более благоприятные условия как для проведения операции, так и для выздоровления. И Функ к этому добавил: “Поскольку нюрнбергские судьи не приговорили меня к смерти, а только к пожизненному заключению, они, очевидно, не хотели, чтобы я умер. Дальнейшее же пребывание в тюрьме приведет меня к смерти”. Администрация тюрьмы направила их просьбу в вышестоящие инстанции, а операцию до получения ответа отложили.

Позже Функ говорил, что он якобы отказывался от операции до тех пор, пока власти не рассмотрят его просьбу о немедленном освобождении.

В одном из писем жене Функ писал:

“Мысли душат меня, и я должен выпустить их на волю. Страдание человека, у которого очерствела душа и полностью расстроены нервы, могу понять только я, просидевший столько лет в тюрьме. Я все еще надеюсь, что все, кто меня окружает, относятся ко мне с уважением и даже проявляют сострадание. Но существуют Устав и правила содержания заключенных, которые охрана должна выполнять. Кое-кто все еще пытается облегчить мою участь, но, несмотря на это, мое желание жить с каждым днем уменьшается.

Лечащие французские врачи делают все возможное, чтобы облегчить мои страдания, но ночной шум и особенно этот “адский фейерверк” – освещение камеры снаружи и изнутри – лишают меня сна. Ничего не помогает, если я даже затыкаю уши ватой и надеваю на глаза темную повязку. Я просыпаюсь от шума и света фонаря, а снова заснуть уже не могу. Как слепой, про которого говорят: “Он чувствует лунный свет на ладонях и слышит, как падают снежинки”. Когда гремит тяжелая железная дверь, а это бывает за ночь до тридцати раз, я чувствую в ушах такую страшную боль, как будто туда всадили острый нож.

Устав тюрьмы предписывает каждые пятнадцать или тридцать минут в течение ночи освещать камеру и проверять заключенных. Шаги охраны в коридоре мы слышим целую ночь, так как “глазок” в двери камеры должен быть постоянно открытым. Нам слышен разговор надзирателей. Малейший звук здесь многократно усиливается, так как кроме нас в этом огромном помещении, предназначенном для сотен заключенных, никого больше нет. Здоровые из моих коллег так не мучаются. Кроме меня только Дениц и Ширах жалуются на бессонницу и страдают так же, как и я, от шума и света. На дверях камеры Деница, которого мучает ревматизм, тоже висит предупреждение: “Не шуметь. Свет включать только в крайнем случае!” Но надзиратели не всегда выполняют предписания врачей.

Гесс, у которого часто бывают головные боли и психические приступы, однажды провел две недели в камере, в которой мебелью был единственный стул. Хотя некоторые директора и, в частности американский, прилагают немалые усилия, чтобы как-то облегчить участь заключенных.

Сейчас 10 часов вечера. Со стороны казарм донеслись звуки горна, оповещающего отбой. Настороженно и грустно звучит горн. Все лето молодой горнист упорно тренировался. Теперь он научился трубить, как молодой Зигфрид.

Свет в моей камере выключили, чтобы через пятнадцать минут снова включить. Свет прожекторов на тюремных стенах отражается в окне и через стекло – на стенах камеры.

Часовые произвели смену караула, и хоть сейчас ночь, через “глазок” можно еще видеть, что делается в камере.

В эту незабываемую ночь, когда я истекаю кровью и нахожусь в полубессознательном состоянии, мне показалось, что я уже покинул этот мир. В детстве я был лунатиком и привык к необычным ощущениям, но мое состояние в эту ночь было таким, как будто я побывал в потустороннем мире, в “стране безоблачного счастья”.

Двенадцать часов. Полночь. Время для появления духов. Но в моей камере для них еще недостаточно темно.

Контрольные часы в камерном блоке пробили полуночный час. Полночь – сигнал для смены надзирателей другой страны. Русских меняют американцы, англичане меняются с французами или наоборот.

Все это сопровождается громкими разговорами, грохотом ключей, закрытием тяжелой железной двери. Сменяясь или заступая, охрана просвечивает мою камеру. Старший надзиратель, проверяя, еще раз заглядывает в “глазок”.

У меня слух такой же острый, как у таксы. Я узнаю всех надзирателей, а их около тридцати. Я узнаю их не только по голосам, кашлю, насвистыванию, но также по шагам. Как они садятся или гремят ключами, как кладут или швыряют их на стол.

Я принадлежу к тем счастливым или, наоборот, несчастным, кто рожден для любви. Я не могу ненавидеть. Я не могу ненавидеть ни одно человеческое существо. Ненависть – это не что иное, как чувство своей неполноценности...

Дни свиданий здесь становятся самыми радостными праздниками. Перед свиданием все наши мысли и чувства заполнены приятными ожиданиями. Как много нужно сказать и спросить, но большая часть намеченного остается невысказанной из-за недостатка времени. Нервы заключенного напряжены до предела. Разговор ведется с невероятной скоростью, чтобы как можно больше успеть сказать и спросить, но часто память подводит, и в голове все путается. Иногда вдруг замолкнешь и тщетно пытаешься вспомнить хорошо знакомую фамилию. Решетка между заключенным и посетителем оказывает гнетущее воздействие на собеседни-

ков и омрачает праздничную радость встречи. Такая же решетка отделяет людей от ядовитых пресмыкающихся.

В октябре 1949 года сразу после операции ко мне в тюремный госпиталь пришел справиться о моем здоровье представитель французского Верховного Комиссара. Он разрешил мне написать внеочередное письмо жене и сообщить ей об операции. Я благодарен замечательному французскому хирургу за искусно проведенную операцию. Действительно, французский врач и внимательная, заботливая медсестра явились оазисом человеческой доброты и культуры в этой пустыне.

Мне сейчас намного лучше благодаря уколам и лечению нервной системы. В общем, мое здоровье улучшается.

Сейчас я получаю по две таблетки интересного лекарства эротического свойства. Одна таблетка – вытяжка из яичек быка, другая – из последа матери. Что они здесь только не делают, чтобы поддержать мою жизнь!

Я немного вздремнул и увидел неприятный сон. Я дергал себя за волосы, мои руки были полны волос, хотя в жизни я совсем лысый. А затем во сне я играл в карты с американцами: главным обвинителем Джексон и судьей Биддлом. Мне кажется, мы играли в покер. Я страшно проигрывал. Говорят, что невезение во сне приносит счастье в жизни. Я все время говорил “двадцать два”, когда нужно было сказать “двадцать одно”. Почему мне выпало такое наказание?

Сейчас хрипловатый крик совы смешался с ночным концертом духов Шпандау. Совы, подобно соколам, гнездятся в стенах и башнях тюрьмы. Вместе с воронами и грачами они часто посещают эти места. Однажды мы нарушили покой одного из этих обитателей, когда нам пришлось убирать коридор огромного здания тюрьмы перед инспекцией офицеров оккупационных держав.

Шесть часов утра, горнист пропел утреннюю зарю. Включили полный свет. В дверях камеры гремят ключи. Время вставать, идти умываться. Мне нужно минут десять, чтобы собраться с силами. В голове шум, глаза воспалены.

Итак, наступил день. О, скорей бы он кончился!”

Функу не разрешили послать это излияние жене. В нем было много того, о чем запрещалось писать в тюремных пись-

мах. В ноябре 1949 года, спустя полтора месяца после операции и пребывания в камере для выздоравливающих, Функ снова был переведен в свою камеру, и доктору Геншару было дано указание лично проследить за продолжением курса лечения.

Лечение пошло на пользу, и перед возвращением в камеру Функ был в хорошем настроении, много шутил, рассказывая разного рода истории, в основном пикантные, санитарам Боону и Просту, а также с любовью вспоминал свое постоянное увлечение на досуге – игру в вист. Он так любил эту карточную игру, что и сейчас продолжал рассказывать невероятные истории, связанные с этой игрой. Бывший советник Гитлера по финансам сиял от восторга, когда рассказывал, как однажды ему удалось обмануть Гесса, поверившего его анекдоту об известном композиторе Ричарде Штраусе.

“Ты знаешь, – рассказывал он Гессу, – однажды Штраус заставил долго ждать переполненный зал своего появления на сцене лишь только потому, что за кулисами он доигрывал со мной партию в вист. В вечерних фраках мы втиснулись в крошечную каморку за сценой, и Штраус ни за что не хотел уходить, пока не доиграет партию. Более того, в антракте мы снова засели за игру”.

Гесс, не обладавший чувством юмора, изумлялся, слушая болтовню Функа. “Вы знаете, – говорил Функ, трясаясь от смеха, – он действительно поверил. Я не сомневаюсь. Гесс – живое свидетельство того, что душевнобольные, пьяницы и дураки всегда охраняются Богом. Когда думаешь о Гессе и его странных поступках, лишний раз убеждаешься, что Германией правили невменяемые люди”.

Вальтер Функ, безусловно, себя к ним не причислял.

Глава 16

Луиза Функ, жена Функа, не оставалась безучастной к происходящему. Во время суда в Нюрнберге она даже пыталась покончить с собой. Это сообщение облетело тогда весь мир. В дальнейшем фрау Функ стала одной из самых деятельных жен заключенных, предпринимавших настойчивые попытки добиться освобождения своих мужей из Шпандау или хотя бы смягчить им меру наказания.

Жила жена бывшего могущественного министра рейхсбанка на полном государственном пансионе в гостинице маленького городка Геченберг, недалеко от известного в Баварии курорта Бад Тольц, который во время расцвета нацизма был излюбленным местом отдыха высокопоставленных гитлеровских чинов, их жен и любовниц.

Гостиница представляла собой большой сельский дом. Два верхних этажа были специально оборудованы для проживания гостей. При входе в дом в нос ударял резкий запах хлеба, и это неудивительно. Содержание скота в семейном подворье – традиционное занятие фермеров Баварии. И гостиница не стала исключением. Ее владелец – крупный мужчина с огромными сильными руками, раньше был управляющим именем Функов.

В этом уютном местечке Луизу Функ посетил английский журналист Д. Фишман, которому в свое время не удалось проникнуть в тюрьму Шпандау. В конце 50-х годов он ездил по Германии и побывал почти у всех жен заключенных.

Когда он заговорил с фрау Функ о муже, она прослезилась: “Вальтер на Нюрнбергском процессе был осужден по сфабрикованному обвинению, – сказала она. – Он был обвинен по ложному показанию обергруппенфюрера СС Поля*, который под пытками дал эти показания. Поль договорился о передаче золотых зубов, изъятых у замученных в концентрационных лагерях евреев, в хранилища рейхсбанка, которые были под началом моего мужа. Я убеждена, что мой муж

не знал о существовании этих зубов. Поля пытали и избивали до тех пор, пока он не дал нужные показания против моего мужа. Рассказывали, что нанесенный на его лицо крем сбрасывали ржавым лезвием, пока не начиналось кровотечение. Затем раны посыпали солью. Испытывая невероятную боль, Поль давал требуемые показания, которые тут же передавались американскому судье как доказательство вины моего мужа”.

А когда ее спросили, есть ли у нее доказательства столь жестокого обращения с генералом Полем, она отвечала, как заведенная: “Я знаю это. Я это знаю”. Но все же вынуждена была признать, что у нее нет каких-либо конкретных доказательств. “Мой муж был самым порядочным и неподкупным человеком в Германии, — продолжала она со слезами в голосе. — Мы прожили вместе 35 лет, и его никогда не интересовала политика. И как он может отвечать за то, о чем он не знал? Если, например, убийца, чтобы не быть изобличенным, принесет в чемодане труп жертвы и оставит его в банке, а полиция каким-то образом вдруг обнаружит этот труп, что, это будет основанием для ареста управляющего банком?” Трудно было сказать, что это: наивность или попытки хоть как-то оправдать в глазах окружающих своего мужа-чудовище?

Во время разговора с журналистом жена Функа указала на кровать. “Посмотрите на эту примитивную кровать, — воскликнула она, — она такая же, на какой спит мой муж в Шпандау! Я могла бы лежать на одной из лучших кроватей моего старого дома, но на этой я мучаюсь, не смыкая глаз, думая о Вальтере. И я буду спать на ней до тех пор, пока он в тюрьме”.

** Генерал СС Освальд Поль, бывший руководитель администрации концлагерей, член директората и вице-президент рейхсбанка, дал под присягой в Нюрнберге письменное показание относительно содержимого сейфов в хранилищах франкфуртского рейхсбанка. В хранилищах союзники обнаружили огромные мешки с кольцами, браслетами, запонками, разного рода ювелирными изделиями, золотыми монетами, тысячами золотых зубов и коронок. Поль, который был начальником экономического отдела ведомства Гимmlера, заявил, что вопрос об этих ценностях дважды обсуждался с Функом. — М.Н.*

Луиза Функ показала некоторые вещи, принадлежавшие ее мужу, и в частности массивные часы из платины, появив, что они ходят уже тридцать лет и отстали за это время только на две минуты. На них была надпись: “Великому имперскому мастеру Шрамму от благодарных членов Палаты имперских мастеровых”. Эта надпись не указывала на то, что часы были подарены лично Вальтеру Функу. В письмах же Функ и его жена очень переживали, что злоумышленники украли у них серебряную цепочку с сердечком, спрятанные под деревом в саду.

Затем фрау Функ достала золотой предмет величиной с металлический доллар. Нажала на скрытую пружинку в кромке изделия, оно раскрылось, и взору предстали очаровательные часики. “Я думаю, что в мире нет ничего подобного, и это мое самое дорогое сокровище, — сказала она. — Мой муж всегда носил эту вещь, когда одевал вечерний костюм”.

Драгоценности, кажется, были увлечением семьи Функов. На шее фрау Функ была нитка жемчуга. Серьги из жемчуга, золотое кольцо с двумя большими жемчужинами и на голове — жемчужная заколка. Она, как и жена Гесса, верила в телепатию и была убеждена, что находится в постоянном контакте с мужем. “Когда у Вальтера обострение болезни, я это чувствую раньше, чем он мне напишет. Я тоже чувствую боль в сердце, в печени или желудке. Недавно, когда его состояние снова ухудшилось, я проснулась и ясно ощутила прикосновение его руки к плечу”.

В письмах из Шпандау Функ сообщал жене о книгах, которые он прочитал или собирался прочитать. Его жена тоже старалась их прочитать. Они были уверены, что это их сближает, хотя книг по философии, психологии она не любила.

Недалеко от гостиницы, у подножия холма, виднелся большой белый особняк. Это был 22-комнатный меблированный по последнему слову дом семьи Функов. Особняк был построен на участке в 55 га, “подаренном” Функу в день его 50-летия руководством Германии. Гитлер лично распорядился, чтобы Функу были выделены необходимые деньги на обустройство этой усадьбы и оплату налогов.

Так была оценена деятельность человека, который, как он заявлял на суде, “ничего не знал, ничего не слышал” о происходящем в Германии. Но журнал “Дас Рейх” в связи с 50-летием Функа дал более четкую оценку его деятельности: он (Функ) “как посредник между партией и экономическими кругами расчистил дорогу для новой идеологии германских предпринимателей”. Функу всегда были близки политические цели и идеалы национал-социализма. Он был ярким поборником проведения их в жизнь.

В 1941 году особняк, построенный на огромном участке, оценивался в 400 тысяч марок. После войны его конфисковали. Луиза Функ любила сидеть у окна и рассматривать в бинокль роскошный дом, который она потеряла. Бинокль создавал иллюзию близости к старым владениям...

Пожизненное заключение Вальтеру Функу – это подарок судьбы. Он не ожидал для себя ничего иного, кроме смертной казни. Но вдруг до него донеслись спасительные слова: “Пожизненное заключение”. Функ был явно растерян. Похоже на то, что он рыдал и делал беспомощную попытку поклониться судьям...

Трибунал, вынося приговор, счел возможным принять во внимание как смягчающие некоторые обстоятельства его деятельности. Так, несмотря на то, что он занимал важные официальные посты, он никогда не играл доминирующей роли в проведении различных программ, в которых он принимал участие. Это и предопределило дальнейшую участь Функа: вместо виселицы, которая ждала его, он был отправлен в тюрьму.

Десять полных лет провел он в тюрьме, пока в 1956 году не был освобожден по состоянию здоровья. Тюрьма поубавила его спесь. Получая свои вещи и ценности, изъятые при аресте, Функ подобострастно демонстрировал надзирателям старые немецкие купюры, на которых стояла его подпись, как бы желая напомнить присутствующим, что когда-то он был важной персоной. Перед освобождением Функ надел на голову хранившуюся в каптерке солдатскую шапку-ушанку советского образца, в которой он был арестован. Эта шапка вызвала ярость встречавшей его супруги. Не успел он сде-

лать и шага на свободе, как к нему подскочила жена, сорвала с головы шапку, бросила на землю и с остервенением стала топтать ее ногами... Это было стихийное проявление бессилия и затаившейся злобы. Это была месть Луизы Функ за пережитое унижение. После выхода из тюрьмы Функ прожил десять лет и умер в 1966 году в возрасте 76 лет.



Фото 56.
Вальтер Функ,
бывший министр
финансов Германии.

Глава 17

Все письма Функа были о болезнях. В письмах он жалел себя, подробно описывал болезни и методы их лечения. Пожалуй, единственным исключением было письмо от 16 декабря 1951 года.

“Моя дорогая и преданная мышка, моя мужественная малышка.

Ты, наверное, хорошо помнишь тот день, когда я подарил тебе небольшое серебряное сердечко на серебряной цепочке, которые ты так долго носила. Это был чудесный талисман, охранявший тебя от многих неприятностей до тех пор, пока не был украден людьми, которым ты полностью доверяла (*жена Функа зарыла свои драгоценности в саду дома, но их кто-то украл. — М.Н.*).

За свою долгую жизнь я совершил много ошибок, часто испытывал разочарования, но никогда не ощущал так остро подлости людей.

В мире не найдется человека, который мог бы обвинять нас в неблагоприятных поступках по отношению к другим.

Я согласен с тобой, когда ты говоришь, что настоящая любовь придает силы и поддерживает друг друга.

Пожалуйста, передай мне новую трубку. Две последние, которые я получил, уже искурились. Трубка здесь изнашивается быстрее, так как нет нужного инструмента для ухода за ней. Кроме того, я вынужден ее сосать с большим усилием и набивать полнее табаком, так как ограничен в спичках (*надзиратели не разрешали их часто зажигать. — М.Н.*).

Сейчас я курю самую любимую трубку и делаю это всегда, когда пишу тебе письмо. С тех пор, как ты мне ее подарила на тридцатилетие нашей свадьбы, я курил ее семьсот раз. Это все равно, как если бы я выкурил семьсот гаванских сигар (*любимые сигары Функа в прежние времена. — М.Н.*). Она мне очень нравится, хотя у меня есть еще одна — английская.

Твой толстячок”.

Самочувствие Функа можно было определить по почерку. Когда он чувствовал себя плохо, его почерк становился неразборчив, строчки неровными. Если же все было нормально, он писал разборчиво, тщательно выводил буквы.

“4 мая 1952 года

Моя дорогая и преданная мышка, моя мужественная малышка.

29 апреля исполнилось ровно семь лет с того черного дня, когда меня разлучили с тобой. Это было воскресенье, и в этот день появились первые ласточки. Тоже самое было и в этом году. Я увидел первую ласточку в нашем саду. Кукушка тоже впервые подала голос. Последние недели я каждый день по несколько часов провожу в саду, наслаждаясь прекрасными весенними днями.

Когда я был тяжело болен и меня донимали сердечные приступы, высокая температура и кровяное давление, я звал тебя на помощь, что в жизни никогда раньше не делал. Сейчас это прошло, и я медленно поправляюсь: стал лучше спать, хотя и не без помощи таблеток.

Из-за болезни я временно потерял слух и вкус. Сейчас это потихоньку восстанавливается, хотя я и не могу по запаху определить некоторые вещи. Я принимаю витамин В₁. Диабет подлечил, хотя еще и есть небольшие остаточные явления. Мне уже три недели не делают уколы инсулина.

Недавно во сне я видел вшей. В старые времена это было бы к деньгам.

Твой толстячок”.

“28 декабря 1952 года

Моя драгоценная мышка, моя мужественная малышка.

Рождественские дни, которые ты своими прекрасными подарками и посещением сделала настоящим праздником, закончились.

Чтобы соответствовать “праздничной обстановке”, я сам как-то внешне взбодрился. Особенно когда ожидал свидания с тобой в своей тихой обители. Ты пришла, но только в моих мечтах.

Накануне святого праздника, что-то около пяти часов пополудни, я как обычно лежал на койке и мысленно представлял, как ты заканчиваешь наряжать рождественскую елку. Я испытывал радость воспоминаний, представляя мерцающие рождественские свечи. Это были самые приятные минуты.

Я был счастлив как никогда, и это Рождество, из встреченных мною в тюрьме, было самым радостным. Как будто ангел посетил мою камеру. А когда я открыл глаза, мне показалось, что сама луна, заглядывая через решетку окошечка камеры, передает мне твои добрые пожелания.

Переданные тобой на Рождество восковые свечи горели так ярко, что в их загадочном мерцании я увидел свет твоих любимых глаз. А позже, во время прогулки, я надел переданные тобой новый шарф, перчатки и самую лучшую рубашку.

Твой толстячок”.

Накануне одного из очередных свиданий с женой Функ писал:

“Мои мысли полностью заняты предстоящим свиданием с тобой. Последние дни, и я в этом уверен, ты тоже чаще и с любовью думаешь обо мне, особенно по ночам, когда ярко светит луна. Это вселяет в меня уверенность в твоей преданности.

Когда я мысленно все представляю, у меня возникает ощущение, что моя душа с твоей наполняется прекрасной мелодией любви. Эти мысли не покидают меня весь день.

После обеда мы снова будем слушать чудесную музыку в грамзаписи. Послушаем Шестую симфонию Бетховена. Его последнюю сонату в исполнении Вильгельма Кепфа. Я всегда жду этот день с нетерпением.

В пятницу у меня опять были проблемы с нервами и кровяным давлением. Любые уколы я переношу очень болезненно, несмотря на то, что уколы морфия и кокаина мне помогают. После этих процедур я целые сутки чувствую себя больным. Становлюсь раздражительным. Болезненно реагирую на любой шум и свет. Страдаю бессонницей, хотя и принимаю

двойную дозу снотворного. О, моя дорогая, если бы ты знала, как мне здесь тяжело!

В моем религиозном календаре я нашел такую утешительную фразу: “Бог знает, что Вы делаете, где Вы живете. Он никогда не покинет Вас и не забудет Вас”.

С верой в это я целую тебя.

Твой толстячок”.

Глава 18

6 ноября 1954 года в связи с тяжелым заболеванием и резким ухудшением здоровья в возрасте 81 года был досрочно выпущен из тюрьмы бывший министр иностранных дел Германии заключенный № 3 Константин фон Нейрат. На свободе он прожил всего два года.

Фон Нейрат – профессиональный дипломат и политический деятель, барон. С 1930 по 1932 год был послом в Великобритании. В 1932 году был назначен министром иностранных дел в кабинете фон Папена и сохранил за собой эту должность до 1938 года уже при канцлерстве Гитлера.

Как министр иностранных дел Нейрат посоветовал Гитлеру покинуть конференцию по разоружению, выйти из Лиги наций и возобновить вооружение Германии, издать в 1935 году закон о всеобщей воинской повинности и секретный закон о защите империи. Он был председателем тайного совета и членом имперского совета обороны. Константину фон Нейрату принадлежит исключительная роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении агрессивных планов.

На протяжении многих лет, каждый раз, когда нужно было замести следы, дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на сцену являлся Нейрат – дипломат в звании генерала СС. В 1937 году Нейрат вступил в нацистскую партию и за особые заслуги был награжден золотым партийным значком. Эта награда давала ему право, независимо от занимаемой должности, присутствовать на секретных совещаниях, на которых рассматривались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики Германии.

Когда в 1933 году Нейрату исполнилось 70 лет, немецкие газеты дружно восхваляли его многолетнюю деятельность в интересах нацистского режима. Своим участием в работе кабинета Гитлера он косвенно влиял на консервативные круги Германии, выполняя роль “пятой колонны”. Он своим примером тесного сотрудничества с нацистскими влас-

тями подталкивал консерваторов и колеблющихся перейти на сторону национал-социалистов, что для нацистов в то время было чрезвычайно важно.

На суде Нейрату не очень хотелось делать признания. Его ответы на прямые вопросы, как правило, были односложными: “Не помню”, “Не знаю”, “Не думаю”, “Сомневаюсь” и т.д. А главное, он старался переложить ответственность на тех, кого уже нет в живых.

Политические деятели, такие, как Нейрат, известные в стране и за рубежом еще до прихода к власти нацистов, считались “умеренными и не опасными дипломатами старой школы” и пользовались определенным доверием у общественности. Но на самом деле, начав сотрудничество с нацистами, они становились наиболее преданными и покорными слугами режима. К тому же своим участием во властных структурах вносили смятение в умы людей, именно потому, что распространяли миф о том, что они не симпатизируют режиму.

Нейрат руководил министерством иностранных дел во время оккупации Австрии и принимал активное участие в последней стадии переговоров, предшествовавших Мюнхенскому сговору по захвату Чехословакии. На оккупированной территории Чехословакии в марте 1939 года был учрежден протекторат Богемии и Моравии. Декрет Гитлера предусматривал включение этой новой территории в Германскую империю. А это означало прекращение существования Чехословацкой Республики. Нейрат был назначен имперским протектором Богемии и Моравии.

В качестве имперского протектора он учредил администрацию в Богемии и Моравии, аналогичную той, которая существовала в Германии. Свободная пресса, политические партии и профсоюзы были ликвидированы. Все группы, которые могли выступить с оппозиционными взглядами, были объявлены вне закона. Чехословацкая промышленность была включена в систему германской военной промышленности и использовалась Германией в военных целях. Соответственно проводилась нацистская антисемитская политика и принимались антисемитские законы.

Евреи были изгнаны с руководящих постов в правительстве и в деловом мире, а малейшие попытки проявления недовольства жестоко подавлялись. На вопрос обвинителя: “Было ли ему известно о том, что евреев избивали, убивали, отрывали от семей, бросали в концентрационные лагеря, что их собственность уничтожали и распродавали ниже стоимости?” дипломат-преступник ответил: “Я слышал, что их там избивают, но тогда евреев не убивали, хотя, может быть, какой-либо единичный случай и имел место”. Нейрат беспардонно лгал, изворачивался, пытаясь убедить судей, что до Нюрнберга он вообще ничего об этом не знал.

Августовским декретом 1939 года Нейрат установил систему заложничества. Декрет предусматривал, что “ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население”, то есть узаконил так называемый принцип коллективной ответственности.

Когда в сентябре 1939 года началась война, полицией безопасности Богемии и Моравии были арестованы тысячи известных чешских деятелей, большинство из которых были отправлены в концентрационные лагеря, где они были казнены или умерли от голода и пыток в гестаповских застенках.

В октябре и ноябре 1939 года чехословацкие студенты провели ряд демонстраций. Следствием этого был приказ Гитлера о закрытии всех университетов. 1200 студентов были брошены в тюрьмы, а девять студенческих руководителей демонстраций расстреляны полицией и службой безопасности. Именно Нейрат настойчиво проводил в жизнь идею ликвидации чехословацкой интеллигенции и других групп, которые в будущем могли бы оказать сопротивление германизации чешских территорий.

Основная политика протектората была направлена к единой цели: уничтожению независимости чехов как нации и присоединению их территории к империи. В развитие этой политики предусматривались меры по ассимиляции чешской нации. Она должна была проводиться путем распыления сосредоточенной в одном месте чешской национальности. Другая половина чехов должна быть лишена всяких прав, унич-

тожена или вывезена из страны различными способами. Их место должны были занять немцы.

Нейрат в августе 1939 года положил начало массовому террору против народов Чехословакии, это на нем лежит кровь многих тысяч женщин и мужчин, стариков и детей, убитых и замученных.

Семья Нейрата, жена и дочь Винифред фон Макензен, жили в Вюрттемберге в фамильной усадьбе в местечке Лейнфельдгоф. Дочь Нейрата родилась в Лондоне, когда ее отец, будучи молодым дипломатом, работал вице-консулом в посольстве Германии. Выйдя замуж, она стала невесткой фельд-маршала фон Макензена, который в свое время возглавлял воинские кайзеровские формирования “Мертвая голова”.

Муж дочери Нейрата тоже был дипломатом и умер в 1949 году. Всю свою энергию и активность Винифред направила на то, чтобы изменить условия содержания военных преступников в тюрьме Шпандау и добиться досрочного их освобождения. После смерти мужа ее единственной заботой стали отец, мать и усадьба в Вюрттенберге.

Имение Нейрата с домами и приусадебными постройками уютно раскинулось по берегу небольшой, стремительно текущей речки у подножия невысокого холма. В центре усадьбы возвышался огромный, богатый особняк с жалюзи на окнах. *(Вскоре после войны имение было конфисковано. – М.Н.)*

Стены комнат дома были увешаны фотографиями, миниатюрами и картинами, связанными с родовым древом Нейратов. Самая большая картина – портрет молодого Нейрата, когда он был дипломатом в Турции, висела в гостиной.

На террасе были развешаны охотничьи трофеи самого Нейрата, протектора Богемии и Моравии, – рожок и рога оленя с надписью: “Убит в ноябре 1940 года в Моравии” (в Моравии были расстреляны и замучены в концентрационных лагерях тысячи женщин и мужчин во время его правления).

Рядом с гостиной был большой зал для приемов с написанными в полный рост портретами Нейрата и его дочери. В углу на пьедестале был установлен бюст фрау Макензен из белого мрамора. Дочь Нейрата считала, что “было бы лучше

для отца, если бы он в Нюрнберге был казнен, чем такая жизнь, какой он живет в Шпандау. Я его дочь, я люблю его и поэтому могу это сказать, зная, что это было бы справедливо... Я не защищаю его. Он совершил ошибку, был осужден и признан виновным. Никто не спорит, но мой отец такой старый и больной, что даже если и был когда-то опасен, то сейчас не может принести никакого вреда. Если бы ему разрешили вернуться домой, то за ним можно было бы установить какой-то надзор. Я знаю, что у него единственная мечта — быть рядом со своей женой, на которой он женился 52 года назад, и умереть дома". При этом она вопреки очевидному утверждала: "Общеизвестно, что мой отец никогда не был членом какой-либо партии, он был просто немцем".

В процессе работы Международного Военного Трибунала была полностью доказана вина Нейрата в преступлениях против мира, а также его преступная деятельность в Чехословакии. Однако смягчающим вину обстоятельством суд счел возможным признать то, что Нейрат вмешался в действия полиции безопасности и службы безопасности (СД), потребовав освобождения большого количества чехословаков, арестованных в сентябре 1939 года, и студентов, арестованных осенью того же года. Эти действия вызвали недовольство Гитлера, и Нейрат вынужден был подать в отставку. Когда отставка не была принята, он в сентябре 1941 года ушел в отпуск и с этого времени отказался выполнять обязанности протектора.

Арестованный в мае 1945 года Константин фон Нейрат сразу же был включен в первый список военных преступников для предания суду. Тщательно изучив материалы дела, Международный Военный Трибунал признал его виновным по всем четырем пунктам обвинительного заключения и приговорил к 15 годам тюрьмы. Умер он в Энцвейнинге 14 августа 1956 года.



Фото 57.
Нейрат и Муссолини.



Фото 58.
Нейрат, посол Чиано
и Гитлер в итальянском
посольстве.

Глава 19

В феврале 1951 года Нейрат писал жене:

“Моя дорогая Мэнни,

Мой день рождения явился предлогом написать тебе еще одно письмо и поблагодарить за добрые пожелания.

Начало очередного года моей жизни оказалось не очень счастливым. У меня опять был сердечный приступ и я вынужден был весь день пролежать в постели. Но сейчас я чувствую себя значительно лучше и сегодня смог немного погулять. С годами вырабатывается дисциплина.

Твое письмо было подвергнуто тщательной цензуре, и мне не разрешили послать тебе письмо, полученное от Константина. Спасибо Константину за трубку и помощь деньгами, что помогло тебе приехать на свидание. Две пары носков, которые ты передала, мне очень понравились.

Надеюсь, что следующая поездка в Берлин не будет для тебя столь обременительной.

Пожалуйста, привези мне мыло и мочалку.

С наилучшими пожеланиями К.”.

После свидания в очередное письмо Нейрата из Шпандау была вложена небольшая записка цензуры. В ней жена Нейрата предупреждалась, что какие-либо замечания политического характера в письмах запрещены.

В другом письме Нейрат писал:

“Дорогая Мэнни,

Мне нет необходимости говорить, как радостен для меня был твой, хотя и краткий, приезд и как вдохновил он меня. Зима была плохой, и я думал, что не переживу ее.

Очень приятно, что наши друзья навестили тебя в годовщину нашей свадьбы. Жаль, что я не мог быть рядом с тобой, а обстоятельства не позволяют высказать тебе мои чувства. Я могу только поблагодарить тебя за твою любовь в течение прошедших пятидесяти лет.

С наилучшими пожеланиями К.”.

Большинство писем Нейрата к дочери содержали советы по управлению имением. Он давал советы по садоводству, мелиорации и севу. А в письме от 3 июня 1951 года сделал первые попытки начать борьбу за возврат конфискованного имущества.

В очередном письме жене Нейрат писал:

“Дорогая Мэнни,

Сегодня я вспоминал смерть отца. И как бы это ни было неприятно для тебя, думаю, что скоро я встречу с ним в нашем семейном склепе в Глаттбахе, хотя и отгоняю эти мысли.

Я много раз пытался составить новое завещание взамен украденного (*завещание было похищено во время ограбления их дома. — М.Н.*), но так до сих пор это не сделал. Я понимаю, что такой документ необходим, но я не знаю, как это сделать, чтобы он был законным. Кое-что сделал адвокат Фишингер, но присланный им документ требует основательной доработки.

Я продолжаю настаивать, что большая часть имения, записанная на мое имя, была приобретена на твои деньги.

Я смеялся, читая, как ты воевала с комарами. Но я не могу, к сожалению, проделать это здесь.

Меня продолжают беспокоить сердечные приступы. Боли иногда бывают ужасные. Стараюсь действовать по обстоятельствам, но жаловаться не в моем характере.

С наилучшими пожеланиями К.”.

1 июля 1951 года в письме из Шпандау Нейрат просто написал:

“Моя дорогая Мэнни,

Сегодня мне трудно писать большое письмо. То, что я хотел бы написать, я не могу. Поэтому лучше вообще не писать.

К.”.

На Рождество 1951 года он писал:

“Моя дорогая Мэнни,

Уже седьмой раз я посылаю тебе отсюда рождественские и новогодние пожелания. Никогда раньше за пятьдесят лет

совместной жизни мы не встречали отдельно эти праздники. Даже во время Первой мировой войны. Сейчас все мои помыслы с тобой и нашей семьей. Но мне не разрешают здесь наряжать елку, очень жаль.

Желание Вини посетить город, в котором она родилась, понятно, но, боюсь, это принесет ей разочарование (*речь идет о Лондоне, где они раньше жили. Позже она отказалась от этой поездки. — М.Н.*).

Со здоровьем у меня все нормально, хотя иногда и беспокоит старое больное сердце. А что можно ожидать в семьдесят лет.

В праздники особенно ощущаешь свое положение, несмотря на философское отношение к жизни. Верю и надеюсь, что у вас все хорошо.

К.”.

В письме по случаю своего дня рождения Нейрат писал:

“Дорогая Мэнни,

2 февраля целый день я думал только о тебе. Каждый год мы отмечали этот день. Я был счастлив, если бы мне представилась возможность снова увидеть Лейнфельдгоф (*его дом в Вюрттемберге. — М.Н.*). Я вспоминаю, как в Вербное воскресенье семь лет назад мы уехали оттуда. И каким точным оказалось мое тревожное предчувствие в день отъезда.

Исполнилось двадцать лет с тех пор, как Гинденбург предложил мне должность в Берлине и мы сказали “прощай” Лондону.

Вспоминая совместно прожитые годы, я только теперь осознал, что в действительности они значили для нас и что ты значила для меня. Я сожалею только об одном, что после всего хорошего, что у нас было, я принес тебе столько горя. Но я никак не мог предвидеть это, тем более предотвратить.

Кажется, прошла вечность, как было последнее свидание. Время бежит, но здесь оно медленно тянется.

К сожалению, мои глаза становятся слабее, и это ты можешь понять по моему почерку. Конечно, мои письма отсю-

да не очень содержательны. Чувствую себя лучше, это благодаря гомеопатическим лекарствам, которые дает мне французский доктор.

Мои болезни неизлечимы, и дни мои сочтены. Я не сожалею об этом, находясь в такой ситуации, хотя мне и хотелось бы снова вернуться домой. Я испытываю невероятную тоску и тревогу и переносить это очень тяжело. Но я переносу, я должен это делать.

Сердечные пожелания,

Твой К.”.

После рождественских праздников 1952 года Нейрат писал:

“Моя дорогая Мэнни,

Мы вступаем в 1953 год и с ним в восьмидесятый год моей жизни. Хотя я и прожил долгую жизнь, но мне все же хотелось бы умереть дома, а не в тюрьме.

По случаю Нового года я желаю тебе и Вини хорошего здоровья и всего самого наилучшего. Со своей стороны я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить свое здоровье и себя, хотя это и непросто.

Рождественские праздники, связанные с хлопотами, закончились. И какими трудными они были для вас, я тоже знаю. Но я вспоминаю те, которые встречал со своими родителями. Эти дни безвозвратно ушли, но я должен быть благодарен им за то, что они были.

Твой К.”.

В марте 1953 года в своем письме Нейрат прокомментировал приговор Нюрнбергского трибунала, а это было запрещено цензурой.

“Дорогая Мэнни,

Я своевременно получил твое письмо. Написанные от руки письма позволяют ближе почувствовать дом.

В Вербное воскресенье 1945 года, кажется, это 27 марта, мы поехали к детям, этот день навсегда остался в моей памяти. Прощание с нашим домом, с имуществом, которое мы нажили за сорок с лишним лет, было особенно тяжелым. Возможно, это от предчувствия длительной разлуки.

Но моя совесть чиста, и я никогда не думал, что буду признан виновным за преступления других, преступления, о которых я ничего не знал и которые никогда бы не одобрил.

Справедливость, может быть, и поздно, но восторжествует. И сейчас я не поступил бы по-другому, если бы оказался в той же ситуации.

Обнимаю тебя и желаю хорошего здоровья.

Твой К.”.

Глава 20

Опальный гросс-адмирал Эрих Редер, бывший главнокомандующий военно-морскими силами Германии, был приговорен в Нюрнберге к пожизненному заключению и получил в Шпандау тюремную робу под № 4.

Эрих Редер родился в 1876 году и в 18-летнем возрасте начал служить на германском военно-морском флоте. В 1915 году он стал командиром крейсера “Кельн”, а в 1928 году получил звание адмирала. В 1935 году он возглавил военно-морской флот Германии. В 1937 году Гитлер в день своего рождения присвоил Редеру звание генерал-адмирала и наградил золотым значком нацистской партии – высочайшая честь для нациста. В 1939 году Редер стал гросс-адмиралом – этот высший морской ранг был введен Гитлером и фюрер лично вручил ему маршальский жезл.

С самого начала Редер открыто приветствовал приход нацистов к власти. В сущности, он стал одним из основоположников режима, требуя на флоте воспитания в духе преданности гитлеризму. Сменившему его гросс-адмиралу Деницу оставалось довести это до фанатизма.

С Гитлером Редер познакомился 2 февраля 1933 года. После того как Гитлер занял пост рейхсканцлера, между ними установились более тесные взаимоотношения.

К 1933 году нацистская партия стала уже внушительной силой в стране и ставила задачу установления политического контроля над Германией. Возникла необходимость объединения внутренних сил и ресурсов. И как только появились первые признаки консолидации (естественно, вокруг национал-социалистических идей), встал вопрос о ликвидации международных ограничений, предусмотренных Версальским договором, которые связывали нацистов, что называется, по рукам и ногам во всех областях подготовки к войне. Первым шагом в этом направлении был выход Германии из Лиги наций. Нацисты развязали себе руки и начали активную подготовку к агрессивным войнам.

Редер принимал непосредственное участие в разработке всех политических решений. А как главнокомандующий военно-морским флотом он осуществлял на практике стратегическое планирование и военную подготовку морских сил, исходя из принятых политических решений. Речь идет не только о выходе Германии из Лиги наций, но также и о милитаризации Рейнской области, об аншлюсе Австрии и других агрессивных акциях.

Как главнокомандующий флотом адмирал Редер получил полную самостоятельность в вопросах строительства и развития флота. При этом соблюдались строгие меры секретности всего, что касалось перевооружения флота. Так в 1934 году Гитлер особо предупредил Редера держать в секрете программу строительства подводных лодок, а также фактический тоннаж и скорость вновь строящихся кораблей.

Работа по строительству лодок велась в Голландии и Испании. Нацисты были достаточно хитры в этом отношении. Версальский договор запрещал вооружение Германии, поэтому они активно использовали для этих целей территории Испании, Голландии, Финляндии. Так, например, сконструированные и построенные с участием немцев подводные лодки проходили ходовые испытания за границей, в частности в Турции и Финляндии.

В 1935 году было принято решение о строительстве линкоров “Шарнхорст” и “Гнейзенау” водоизмещением в 27 тысяч тонн каждый, в то время как положение Версальского договора предусматривало для Германии возможность иметь военные корабли не более 10 тыс. тонн. Позже, когда была достигнута договоренность о строительстве боевых кораблей в 35 тыс. тонн, военно-морские силы нарушили и это обязательство, уменьшив сведения относительно водоизмещения и осадки строившихся в то время линкоров “Бисмарк” и “Тирпиц” (указанное водоизмещение – 35 тыс. тонн, фактическое – 41 700 тонн).

До 1938 года Германии разрешалось иметь 55 подводных лодок, в действительности же было построено или находилось в стадии строительства 118. Эту программу вопреки международным договоренностям настойчиво проводил

в жизнь Эрих Редер. При этом в ход шли самые изощренные уловки. Устанавливая вооружение на новых кораблях, он как бы выполнял требования Версальского договора по калибру орудий (это, в отличие от тоннажности, легко проверить), но использовал отсутствие ограничений по длине ствола, тем самым увеличивая огневую мощь корабельной артиллерии. “Чудесным” образом флот пополнился такими крупнотоннажными кораблями, как “Бисмарк”, “Шарнхорст”, “Гнейзенау” и “Тирпиц”, вооруженными мощными длинноствольными орудиями.

В ходе войны германские военно-морские силы не соблюдали элементарные законы ведения войны на море. Редер предписывал топить без предупреждения все суда, включая принадлежащие нейтральным странам, а спасающиеся экипажи уничтожать в шлюпках и на плаву. На море происходил поистине пиратский разбой, в ходе которого германские подводники пускали на дно госпитальные и пассажирские суда. Гибли мирные люди, женщины и дети.

Жестокий и хладнокровный нацист Редер, обосновывая преступные приказы, считал, что нападения на суда нейтральных стран или невооруженные торговые суда оправданы так называемыми условиями ведения большой войны. Гуманность не принималась в расчет. С именем Редера связана директива об уничтожении Ленинграда. Именно он вместе с Гитлером и Кейтелем замыслил “стереть с лица земли” Ленинград и уничтожить более чем трехмиллионное его население.

Редер возглавлял германский военно-морской флот до января 1943 г. и был заменен гросс-адмиралом Деницем. Смена, прямо скажем, “подросла” не случайная. В течение многих лет Дениц, возглавлявший подводные силы, критиковал и подрывал авторитет главкома, используя малейшую для этого возможность.

Впервые тучи над профессиональной карьерой Редера начали сгущаться после потери в морском сражении тяжелого крейсера “Граф Шеер”. Дениц не упустил возможности использовать этот факт в своих интересах и против соперника. Выступая однажды перед подводниками, вернувшимися с бо-

евого дежурства в Атлантике, Дениц подверг резкой критике неэффективные действия главнокомандующего. Он пытался доказать, что если бы личный состав получивших повреждение надводных кораблей вместе с ремонтной базой передали подводникам, то это значительно усилило бы мощь подводного флота.

Узнав об этом, Редер на очередной встрече с Гитлером высказал по этому поводу свое недовольство. Он вспоминает: “6 января 1943 года я встретился с Гитлером и предупредил его, что если германские надводные корабли будут разукomплектованы, это приведет к пагубным последствиям не только для нас самих, но и для всей военно-морской стратегии. Это будет победа наших врагов, добытая без единого выстрела. Это будет рассматриваться как проявление слабости и отсутствие понимания чрезвычайной важности ведения войны военно-морскими силами. Устранение нашей угрозы в Атлантике позволит противнику сконцентрировать свои силы, решить проблему Средиземного моря и нанести решающий удар по японскому флоту. Все, что я говорил, пропусклось мимо ушей”.

Так как война продолжалась и в перспективе скорое ее окончание не просматривалось, Гитлер использовал предложение Деница как предлог для пересмотра стратегических планов войны на море, неудачное выполнение которых уже нельзя было скрыть от немецкого народа.

30 января 1943 года в день десятой годовщины нацистского правления было сделано публичное заявление: “Сегодня в своей штаб-квартире фюрер принял главнокомандующего военно-морским флотом гросс-адмирала Редера. Признавая его вклад и исторические заслуги как главнокомандующего военно-морскими силами во время Великой Германской войны за свободу, фюрер назначил гросс-адмирала Редера генеральным инспектором военно-морских сил Великого Германского Рейха...”

Это заявление для Редера явилось полной неожиданностью. Его назначение генеральным инспектором объяснили тем, что теперь он якобы стал главным советником Гитлера по морским делам. Но сам Редер воспринял происходящее

как понижение. “Этим решением фюрера крупнотоннажный флот боевых кораблей дальнего плавания фактически перестал существовать”, – с сожалением констатировал Редер. Свою отставку он объяснял состоянием здоровья. Но в высшем эшелоне хорошо понимали, что на самом деле командующий подводным флотом адмирал Дениц торпедировал карьеру Редера. После этого Редер и Дениц избегали друг друга, старались не присутствовать вместе на частых совещаниях по делам флота, которые проводил Гитлер. Только в Нюрнберге они, помимо их желания, оказались рядом на скамье подсудимых. Редер, в течение пятнадцати лет командовавший германским флотом и принимавший самое активное участие в его строительстве, был приговорен к пожизненному заключению. Тогда ему было 70 лет. Дениц в отличие от других подсудимых понес самое мягкое наказание. Его изолировали на десять лет.

Ненавидящих друг друга Редера и Деница доставили в тюрьму Шпандау, где они были обречены на совместное существование. Первоначально существовавший запрет для заключенных общаться друг с другом оказался для них просто спасительным. Вскоре после прибытия в Шпандау Редер обратился в Союзнический Контрольный Совет с просьбой заменить пожизненное заключение на смертную казнь – расстрел. “Я предпочитаю мужественную смерть, а не гнить в тюрьме остаток своей жизни, – писал Редер. – Поскольку мне семьдесят и мои жизненные ресурсы на исходе, пожизненное заключение долго для меня не продлится. Я рассматривал бы расстрел как более мягкое наказание, а для моих родственников это было бы счастливым исходом. Моя просьба ни в коей мере не означает, что я признаю свою вину. Положительное решение моей просьбы я бы мог считать актом милосердия”. Почему Редер прибег к такой формулировке “расстрел как более мягкое наказание”? Потому что он знал, что Совету разрешалось уменьшить наказание, но ни в коей мере не увеличивать его.

Редер недолго ждал ответа. Его просьба была отклонена. Эрих Ганс Альберт Редер, морской офицер, традиционный упрямец-пруссак, который многие десятилетия жил

пламенной мечтой кайзера Вильгельма о господстве Германского имперского флота на морях, теперь был простым хранителем книг тюремной библиотеки. Он содержал их в образцовом порядке как настоящий морской офицер. В библиотеку – специально выделенную камеру во внутреннем блоке – приходили поодиночке в определенное время после обеда остальные шесть заключенных, чтобы взять книгу. Вначале женам и родственникам разрешалось передавать заключенным книги. Но затем это отменили, так как каждую из них цензорам приходилось тщательно просматривать на предмет запрещенных сообщений или кода. На это уходило много времени и труда тюремной цензуры. Было принято решение оставить ряд ранее переданных книг, включая пятьдесят томов из личной библиотеки Редера. Среди них – несколько изданий Нового Завета, но в новой интерпретации. Заключенным разрешали заказывать книги в Берлинской публичной библиотеке, которая регулярно пополняла запас тюремной библиотеки. Заказы на книги иногда носили демонстрационный характер, особенно это касалось книг по искусству и живописи. Затем шли книги по истории и переводные – с французского и испанского. Журналы запрещались, разрешалась только одна протестантская газета (религиозная). Позже количество газет было увеличено.

Все заключенные помогали содержать помещение библиотеки в чистоте и порядке, но за книги отвечал только Редер. На флоте он прославился частыми проверками камбузов и порядка в каютах экипажей. Оберегая честь мундира, он старался предупредить малейшие нарушения дисциплины, особенно на отдаленных базах. Будучи библиотекарем, он словно чувствовал себя на корабле и любил повторять: “Порядок на корабле – признак его боеспособности”. Если книга оказывалась испачканной или с загнутой страницей, он долго и педантично выговаривал нарушителю.

В библиотеке всегда можно было получить желаемую книгу. Особым спросом пользовались труды по философии. Будучи доктором философии, Редер увлекался научной литературой. Его недруг Дениц предпочитал исторические био-

графии, любил детективы. Редеру, естественно, не нравился его вкус.

“Я люблю романы Джека Лондона, особенно его рассказы о собаках”, – говорил Дениц, у которого в свое время была овчарка. “Собаки и дети – самые лучшие создания в мире”, – это еще одно сентиментальное высказывание Деница, человека, по приказу которого отправлялись на дно суда, в том числе и с находящимися на них “лучшими созданиями”.

Бывший рейхсминистр финансов Вальтер Функ просматривал работы по экономике и финансам, но также любил книги по всемирной истории, философии и психологии. Любимой его книгой была книга по шахматам, присланная ему женой в 1945 году. Он неоднократно ее перечитывал.

Нейрат ограничил свое чтение Библией. У библиотекаря Редера была одна трудная задача: каждый раз он пытался удовлетворить постоянно меняющиеся вкусы Рудольфа Гесса, который переключался с астрономии на историю, с медицины на путешествия. Возвращая книгу “Возле полюса”, Гесс сказал: “Вы знаете, гросс-адмирал (*он всех называл их старыми званиями.* – *М.Н.*), эта книга содержит очень интересные сведения об эскимосах. Молодые пары перед браком несколько раз меняют партнеров, пока не поймут, что они подходят друг другу. В результате, как правило, это устойчивый брак. Такой характер отношений соответствует нашим баварским взглядам”.

Редер был самостоятельным, уверенным в себе командиром. Если он принимал решение, он тут же отдавал приказ и всю ответственность брал на себя. Так было и в первые годы правления Гитлера. В то время Гитлер был очень высокого мнения о нем. Это выражалось, в частности, в том, что Редер отчитывался только перед фюрером.

“Вся беда была в том, что вы, Эрих, всегда были недоступны, – однажды в тюремном саду сказал ему самый близкий друг Нейрат. – То, что вы чрезмерно самоуверенно держались с Гитлером, лишало вас возможности информировать его о том, что вы делали и что ваша стратегия была правильной. Другая ваша ошибка была в том, что вы не нашли общего языка с Герингом. Конечно, вы понимали, как важна

для вас была поддержка с воздуха, в которой вы так нуждались”. Редер вспыхнул от такой откровенной критики. У него никогда ни с кем, кроме своих подчиненных, не было хороших отношений, и все это хорошо знали. “Какая могла быть нормальная работа, тем более сотрудничество, без Геринга? – заметил зло Редер. – Геринг был совершенно неуправляем, тщеславен, самолюбив. Он был неисправимым лжецом. И только его вина, что мы не захватили Англию в 1940 году”.

Редер замолчал, но затем, повернувшись к Нейрату, продолжал: “Я говорил Гитлеру, что не могу гарантировать успех наземной операции, если не будет полного прикрытия с воздуха, для чего необходимо переподчинить хотя бы часть авиации мне. Но Геринг и слышать не хотел об этом. Он не допускал даже мысли, что кто-нибудь даже временно получит под свое командование хотя бы эскадрилью его ВВС, и, к великому сожалению, Гитлер в этом его поддерживал”.

Тонкие губы Редера искривились от злости: “Гитлер пропустил мимо ушей мое предложение. Время было упущено, и позже, в сентябре, пропала уже всякая надежда завоевать Англию. Гитлер наконец это понял, но было уже поздно. Влияние Геринга было слишком велико и шло во вред. Гитлер не смог вовремя его остановить”.

Свою камеру в тюрьме Редер содержал в идеальной чистоте. У него всегда было много разных тряпочек для протираний. Он быстро приспособился к распорядку дня. Никогда не жаловался на профессиональную болезнь моряков – артрит, от которого страдал. Больше всего его беспокоили вставные зубы. Несколько лет назад он сделал их в Америке. Они были снабжены всякими пружинками и мостиками. (“Настоящее инженерное сооружение”, – говорил он.) Со временем они расшатались, и пришлось их заменить. В 1949 году его оперировали по поводу грыжи.

Редер тщательно следил за своим весом. “Посетители всегда довольны моим внешним видом, – подчеркивал он. – Они не верят, что мне 77 лет. Это результат физической работы в саду. Я практически один обрабатываю почти два десятка грядок клубники”.

В марте 1950 года к нему впервые на свидание приехала жена. До этого она содержалась под арестом в советской зоне. Затем его навестили дочь от первого брака Анита и сын Ганс от второго брака. Ганс по-своему повторил трагическую судьбу своего отца. “Из-за слабого зрения он не смог служить на флоте, – с сожалением говорил Редер, – но он воевал в армии на восточном фронте”. Возвратившись с фронта, Ганс занялся фермерством, но не преуспел. Позже стал работать бухгалтером в фирме в Липпштете, где жил с матерью. В январе 1953 года Редер узнал, что его сын тяжело заболел и помещен в больницу в связи с редкой болезнью крови.

Адвокат Отто Кранцбуллер, который защищал Редера в Нюрнберге, поставил об этом в известность немецкое правительство. Были предприняты шаги, чтобы разрешить Редеру навестить сына. Но безуспешно. 17 января во второй половине дня в камеру вошел французский капеллан. Редер как раз заканчивал письмо к сыну. “Ваш сын...” – начал вошедший, но необходимости заканчивать фразу уже не было. Редер понял, что произошло самое худшее. Жизнь нанесла ему самый тяжелый удар со времени заключения. Немецкое правительство Западной Германии настойчиво просило разрешить Редеру присутствовать на похоронах, но последовал очередной отказ. Адвокат Кранцбуллер обратился к американским властям. “Невозможно будет прийти по этому вопросу к единодушному соглашению всех четырех держав, а мы не можем начинать войну из-за тюрьмы Шпандау”, – был окончательный ответ.

Гросс-адмирал Редер мог бы избежать своей участи и даже заключения, если бы пошел своим путем. Весной 1939 года он просил Гитлера освободить его от занимаемой должности и передать командование более молодому преемнику (Редеру было уже за шестьдесят). Фюрер отклонил его просьбу, как и другие три: дважды в 1941 году и один раз в 1943-м, когда врачи советовали ему уйти в отставку по болезни.

Эрика Редер, вторая жена гросс-адмирала, ненавидела Россию, Англию, Америку и Францию, и каждого, кто хоть в какой-то степени был связан с арестом ее мужа. Казалось,

она ненавидела самое поражение Германии. В каждом слове этой высокой бледной женщины, одетой в траур в связи со смертью 30-летнего сына, сквозила безграничная ненависть. Она проклинала, несмотря на безвозвратно ушедшее время, решение Гитлера заменить на посту главнокомандующего флотом ее мужа “новым мальчиком” – адмиралом Деницем. Видимо, Эрика Редер верила в то, что останься ее муж главноком, Германия не потерпела бы поражения на море.

Сегодня, наверное, очень немногие знают, что в 1946 году Эрика Редер вместе с мужем была арестована и вывезена в Москву. Советская сторона возвратила гросс-адмирала в Германию на Нюрнбергский суд, а местонахождение его жены еще четыре года оставалось для многих тайной. Эрику Редер держали под стражей в Минске, затем в ГДР. Не знаю, это совпадение или преднамеренность, но жена Редера содержалась в тех местах, где были расположены самые страшные гитлеровские концлагеря, как, например, Бухенвальд и Заксенхаузен или менее известный Бернау.

Когда бывший гросс-адмирал Редер предстал перед судом как военный преступник, его жене разрешили свидание с ним, но она отказалась. “Они кормили меня икрой в Москве, но держали голодом в Минске. В Заксенхаузене я должна была ежедневно чистить семьсот картофелин, меня все время допрашивали и наконец освободили без каких-либо объяснений”, – рассказывала она впоследствии. После выхода из тюрьмы (это была бывшая нацистская тюрьма в Заксенхаузене) ей было предписано оставаться в советской зоне, никому ничего не рассказывать. Местом жительства был определен Потсдам, под Берлином. Но при первой же возможности она, надев мужские ботинки и старенькую куртку, с небольшим рюкзаком за спиной села в электричку и... оказалась в американском секторе Западного Берлина.

“Я никогда не была членом нацистской партии, но уже была наказана за то, что ее членом был мой муж”, – говорила она.

Каждое замечание и высказывание Эрики Редер было окрашено злобой и неприятием происходящего. “Международный военный трибунал в Нюрнберге не имел законного пра-

ва на свое существование. У обвиняемого никогда не было возможности представить доказательства или свидетельства для своей защиты, которая смогла бы ему помочь”, – безапелляционно утверждала она. Жена Редера обвиняла в жестокости союзников, бомбивших немецкие города, но ни разу не упомянула о бомбежке городов других стран самолетами Люфтваффе и разрушениях, произведенных немецкими крылатыми ракетами в английских городах. Осуждая союзников, она превозносила “гуманность” немцев. Показывая старые фотографии английскому корреспонденту и читая надписи на них, она критически высказывалась об условиях содержания заключенных в тюрьме Шпандау и убеждала в необходимости предоставления возможности родственникам летать бесплатно на свидания в тюрьму. И затем уже в стиле геббельсовской пропаганды эта озлобленная женщина продолжала: “Мой муж предстал перед судом в Нюрнберге только за то, что Черчилль в своей книге “Приближающийся шторм” написал, что идея нападения на нейтральную Норвегию исходила от Редера”.

Бывший гросс-адмирал Эрих Редер по четырехстороннему решению Союзнических Держав в связи с тяжелым заболеванием в 1955 году был досрочно освобожден из тюрьмы. Умер он в 1960 году в возрасте 84 лет.



Фото 59.
Гросс-адмирал Редер.

Глава 21

Письма гросс-адмирала Эриха Редера часто начинались словами из Библии или Гете. Мудрые изречения вынуждали цензоров проявлять особую бдительность: нет ли в них какого-нибудь зашифрованного сообщения. В письме от 12 февраля 1950 года в ожидании первого свидания с женой Редер писал:

“Дорогая Этахен,

Сообщи мне день твоего приезда на свидание за апрель. Запиши все вопросы, которые нам надо обсудить, по степени их важности. Я сделаю то же самое. Они фиксируют все, что здесь говорится. Когда приедешь, скажи им, что у тебя нет намерения что-либо сообщать в газеты и, в частности, давать интервью. Пусть знают, что если что-нибудь будет искажено прессой, то это не твоя вина.

При аресте у меня изъяли: обручальное кольцо, браслет с моими инициалами, подаренную тобой золотую цепочку для монокля, пластину для зубов из золота и платины, авто-ручку, портмоне коричневой кожи с несколькими золотыми зубами, исправные наручные часы, не представляющие ценности, около сорока книг, а также икону Христа.

Эрих”.

После первого свидания с женой Редер писал:

“9 апреля 1950 года

Я благодарю Бога за то, что были услышаны мои молитвы, и я снова увидел тебя. Жаль только, что долгое обсуждение деловых вопросов оставило нам так мало времени на другие разговоры. Будем надеяться, что на следующем свидании у нас будет его больше. Конечно, после такой долгой разлуки при встрече испытываешь большое душевное волнение.

Каждые утро и вечер я повторяю вопросы, написанные на календаре в моей камере, которые нам надо обсудить.

В саду тюрьмы мы наблюдаем жизнь пернатых: ворон, сорок и двух соколов, которые ежедневно устраивают меж-

ду собой жестокие воздушные бои. Интересно, что соколы отстаивают свои владения в схватках с воронами, которые пытаются их выжить.

Спасибо за две шелковые рубашки, темно-красную и темно-синюю. Они здесь так необходимы. Большое спасибо также за прекрасное мыло. Ты же знаешь, что я не люблю сильно пахнущую парфюмерию.

Эрих”.

Действительно, у Редера было своеобразное отношение к парфюмерии. И не только к ней. Он не любил запах духов, напмаженные волосы, маникюр и короткие юбки, а также не переносил запах табака. Это знали его подчиненные молодые морские офицеры, а через них он влиял на туалеты и вкусы их жен.

Будучи аскетом, он настойчиво проводил эти требования на германском флоте. Категорически запретил употребление алкоголя перед заступлением на дежурство, установив строжайший контроль. Не оставался безнаказанным малейший запах алкоголя, вредным и нежелательным считалось также курение натошак.

Не было ни одного письма, в котором Редер под любым невинным предлогом не спрашивал бы о судьбе какого-нибудь высокопоставленного морского офицера или его семьи.

Редер очень любил своего сына Ганса, и в ноябре 1952 года писал ему:

“Мой любимый сын,

Я знаю, что зависит от администрации, увижу ли я тебя или твою маму на следующем свидании. Мое колено еще не совсем в порядке, но, несмотря на это, я с удвоенной энергией работаю в саду.

Очень рад, что ты живешь с мамой. Заботься о ней. Ответь мне сразу.

Твой папа”.

Через месяц он снова пишет Гансу:

“Мой любимый сын,

Спасибо тебе за рождественские и новогодние пожелания. Пусть тебе сопутствуют успех и удача, которыми всегда гордился твой отец.

Я вспоминаю окончание первого года своей учебы кадетом. Как была горда моя мать, показывая мне письмо, подтверждающее, что я был первым среди семидесяти пяти других кандидатов. Тремя с половиной годами позже я приятно удивил отца, получив наивысшую оценку при аттестации на офицерское звание.

Твой отец”.

Через несколько недель его сын, в будущее которого он так верил, умер. Редер, чьи подводные лодки во время войны безжалостно отправили на тот свет тысячи молодых людей, тяжело переживал смерть своего сына.

18 января 1953 года он писал:

“Дорогая Этахен,

Едва я закончил писать письмо Гансу, как капеллан сообщил мне, что наш дорогой сын, наша надежда в преклонном возрасте ушел от нас навсегда.

Сообщи мне причину его скоропостижной смерти. Ведь он так хорошо выглядел на последнем свидании, и я не поверил, когда ты написала о его болезни. Я каждый день молил Бога, чтобы он помог ему выздороветь. Но пути господни неисповедимы и, несмотря на наши страдания, мы не должны в нем сомневаться.

Ты знаешь, как я любил Ганса и как всегда о нем заботился. Велика моя скорбь, хотя ему сейчас там лучше, чем нам здесь. Я с тревогой думаю, что ты, моя дорогая, разлучена с сыном, который, несмотря на страдания, вселял в тебя надежды.

Обо мне не беспокойся, моя дорогая. Я рад, что своей любовью как-то могу тебе помочь.

Напиши мне, как умирал Ганс. Напиши все, что говорили доктора. Помни, что ты теперь сама должна заботиться о себе, а также думать о нашей встрече. Благослови тебя Бог. Береги себя.

Эрих”.

Глава 22

Своим преемником на посту главы государства Гитлер на случай своей смерти назначил в самом конце войны гросс-адмирала Карла Деница, которым в свое время заменил главнокомандующего ВМФ Эриха Редера. В тюрьме Шпандау Дениц отсидел полный срок приговора – 10 лет. Он был заключенным № 2.

Высокий, худощавый, с оттопыренными ушами и тонкими, всегда поджатыми губами адмирал, назначенный Гитлером в последние дни жизни своим преемником и главой третьего рейха, постоянно заводил разговор о том, чем он займется после выхода из тюрьмы. “Я не хочу превратиться в ворчливого старика, – говорил он. – Несмотря на возраст, я еще молод душой и, конечно, не утратил способности понимать современную молодежь”. Родился Дениц в 1891 г., умер в 1981-м, прожив 90 лет. “Я хочу заботиться о детях, сиротах и нуждающихся, – сентиментально вещал гросс-адмирал, – и хочу начать с создания детских садов и благотворительных приютов”. Слушая его, трудно было представить, что мало кто из окружения Гитлера действовал с такой жестокостью, как гросс-адмирал Дениц, безжалостно уничтожая все живое и наводняя мир сиротами. Из своего бетонированного бункера на французском побережье Дениц руководил самой беспощадной кровавой бойней на море в истории человечества. “Убивать и только убивать, – инструктировал он подчиненных ему подводников. – Помните, никто не должен выжить. Проявление гуманности – это признак слабости”.

Это был человек с сердцем убийцы. К сожалению, ни тюрьма, ни проклятие людей его не изменили. Даже для его сокамерников, таких, как Ширах, Шпеер и отчасти Функ, вынужденных признать чудовищные преступления нацистов, демагогия гросс-адмирала о “несчастных детях” красноречиво свидетельствовала, что и после Шпандау он остался таким же опасным фанатиком. Опасным потому, что до мозга костей оставался нацистом. Опасным потому, что тюрьма только притупила его амбиции, но не изменила убежденности в

том, что только он, “истинный фюрер”, способен вернуть народ Германии в прежний “загон” расового превосходства.

Нежелание Деница извлечь урок из поражения Германии привело его к мысли о необходимости создать так называемые отряды Деница, способные представить его как новоявленного фюрера-спасителя. С этой целью еще до освобождения из тюрьмы сторонниками Деница был создан специальный фонд поддержки, который возглавил бывший начальник оперативного штаба его ведомства контр-адмирал Эберхард Готт.

В ранний период службы у Деница не было заметных политических амбиций. Он просто был примерным немцем. Первое боевое крещение получил в октябре 1918 года. Будучи молодым командиром подводной лодки, Дениц приказал атаковать английский конвой, следовавший с Мальты. Однако сопровождение конвоя овладело ситуацией и вынудило всплыть лодку на поверхность. Деницу предстоял плен. Все что он сумел сделать, так это затопить лодку.

Находясь в плену, Дениц симулировал сумасшествие и был помещен в психиатрическую больницу Манчестера, что дало ему возможность после окончания боевых действий вернуться домой в числе первых освобожденных военнопленных.

Приход нацистов к власти оказался весьма своевременным для Карла Деница, особенно когда стало ясно, что “позорный для немцев” Версальский договор не будет препятствием для перевооружения Германии.

Будучи офицером с 1918 года, в 1935 году он стал командующим подводным флотом. В 1940 году получил звание вице-адмирала, а в 1942 году – гросс-адмирала. 30 января 1943 года он благодаря хитросплетенным интригам стал главнокомандующим военно-морским флотом (оставаясь в то же время и командующим подводным флотом). 1 мая 1945 года он сменил Гитлера на посту главы государства.

Все эти высокие назначения Дениц получил благодаря его фанатической приверженности Гитлеру и партии, его вере в нацистскую идеологию, которую он настойчиво внедрял в умы личного состава флота. Молодые офицеры-подводники,

“его мальчики”, как он их называл, находясь под покровительством Деница, позволяли себе быть своенравными и непокорными, а он способен был прощать их “шалости”, защищать их, если они не подводили его в море. Дениц внушал им, что они все “сыновья одной большой семьи” и что это не только привилегия, но и особая ответственность.

К нижним чинам экипажей его требования сводились к беспрекословному повиновению приказу, беспредельной преданности до последнего вздоха. Он никогда не был формалистом и подчиненным внушал святую веру в превосходство Германии, требуя от них полной отдачи при исполнении служебного долга. Благодаря такой требовательности, граничащей с фанатизмом, Дениц стал выдающейся личностью на флоте. Всю свою энергию он направил на создание подводного флота и новых методов его применения, чем снискал мощную поддержку в нацистских кругах.

После Первой мировой войны Германия сохранила кадры подводников, продолжала подготовку новых кадров и настойчиво добивалась отмены запрещения по Версальскому договору строительства подводных лодок. Еще во время действия запрета иметь собственные подводные силы германские технические организации разрабатывали проекты лодок для иностранных флотов. Когда же настало время и все ограничения, предусмотренные договором, были устранены, Германия использовала приобретенный опыт для массового строительства подводных лодок у себя дома и за рубежом, вначале тайно, а затем открыто.

Подводные лодки, ставшие основной угрозой для судоходства еще в Первую мировую войну, в этой войне полностью подтвердили свои возможности. Они смогли достаточно эффективно действовать как против одиночных судов, так и против конвоев в самой различной обстановке – днем и ночью, в прибрежных районах и на океанских просторах, добиваясь значительных успехов в борьбе против судоходства. Немецкие подводные лодки оставались нешуточной угрозой союзного судоходства до самого конца войны.

Помимо деятельности по созданию подводного флота и обход международных обязательств Дениц принимал учас-

тие в планировании, развязывании и ведении агрессивной войны против Польши, Норвегии и Дании. Гитлер почти непрерывно консультировался с ним, а за время войны они совещались по морским вопросам около 120 раз.

В сентябре 1939 года германский подводный флот начал вести неограниченную подводную войну в отношении всех торговых судов – как вражеских, так и нейтральных. Жестокость этой войны заметно возрастала “сообразно изменению хода военных событий”. Суда топились без предупреждения, не давая возможности командам покинуть на спасательных средствах обреченное судно с грузом.

Трудно найти европейскую или заокеанскую страну, где бы вдовы или родители не носили траур по морякам торгового флота, погибшим в результате безграничной жестокости этого человека.

Только в марте 1943 года германские субмарины потопили 120 кораблей союзников общим водоизмещением 623 тысячи тонн, за что Гитлер удостоил Деница Рыцарского креста с дубовыми листьями. Однако в целом действия подводного флота Германии становились все менее удачными, и потери превысили их производство. В мае 1943 года Дениц был вынужден вывести подводные лодки из Атлантики, что вызвало гнев Гитлера. К осени 1943 года на каждое торпедированное грузовое судно приходилась одна потопленная подводная лодка. Дениц записал в своем дневнике: “Противник с помощью дальней авиации покрывает все районы и использует способы обнаружения, к которым мы не готовы. Противнику известны все наши намерения, а мы ничего не знаем об их планах!”

С 1939 по 1945 год из 820 подводных лодок, участвовавших в “битве за Атлантику”, 781 погибла, а многие из оставшихся были повреждены.

Кроме того, Дениц был ярким сторонником использования принудительного рабского труда заключенных концентрационных лагерей для нужд войны. Именно он обратился к Гитлеру в 1944 году с просьбой о выделении 12 тысяч заключенных для работы в доках в качестве вспомогательной рабочей силы.

Жестокая кровопролитная война, развязанная нацистами, не обошла стороной и семью Деница, одного из активнейших проводников этой авантюристической политики: погибли два его сына – офицеры-подводники Питер и Клаус. Питер, который служил вахтенным офицером на подводной лодке, погиб в начале войны, а Клаус – позже. Только его дочь Урсула, выйдя замуж за командира подводной лодки Гюнтера Хесслера, осталась в живых. Во время войны Хесслер был награжден “Рыцарским крестом”, получив награду из рук тестя, а затем работал в личном штабе Деница.

Назначенный Гитлером своим преемником, Дениц, предвидя неизбежный крах третьего рейха и как следствие скорое окончание войны, предпринимал отчаянные усилия, чтобы обеспечить возможность как можно большему числу немцев сдаться в плен англичанам и американцам, а не русским.

Командованием военно-морского флота был предусмотрен также секретный план затопления подводного флота после окончания войны под кодовым названием “Радуга”, но Дениц не решился ввести его в действие. Однако некоторые офицеры-подводники, обеспокоенные тем, что их субмарины могут оказаться в руках противника, обратились к экипажам всех подводных лодок с этим паролем. В результате экипажами была затоплена 231 подводная лодка.

23 мая 1945 года новый глава государства был взят в плен союзниками и вместе с другими нацистскими лидерами предстал перед Международным Военным Трибуналом.

На суде он пытался доказать, что не имеет к нацистским преступлениям никакого отношения. Он яростно отстаивал свою правоту и доказывал справедливость применявшейся им тактики подводной войны. Дениц явно испытал удовлетворение, когда его адвокат предъявил суду заявление главнокомандующего Тихоокеанским флотом Нимица, в котором американский адмирал свидетельствовал, что придерживался тех же принципов использования подводных лодок, что и командование военно-морским флотом Германии.

Когда Дениц сидел в тюрьме, его жена Инге жила в большом особняке в Гамбурге и работала медицинской сестрой в

местной муниципальной больнице. Это была высокая, худощавая, опрятно одетая женщина с собранными в пучок волосами. Она тщательно следила за собой. Нельзя было ожидать другого от женщины из семьи, в которой четыре поколения были профессиональными военными, и, конечно, от жены честолюбивого, выросшего до гросс-адмирала человека, с которым она прожила 36 лет.

Просторные комнаты ее дома были обставлены в строгом стиле. Развешанные на стенах гостинной картины самодеятельных флотских художников отражали их энтузиазм во время массового строительства подводных лодок. Наверху в кабинете отдельно стоял бронзовый бюст погибшего старшего сына.

“Когда мой муж выйдет на свободу, мы оба должны понастоящему отдохнуть, – с надеждой говорила фрау Дениц. – Это будет впервые, когда я действительно буду с ним. Сколько себя помню, служебные дела у него всегда были на первом месте. Я, конечно, понимаю, что рано или поздно “все вернется на круги своя”, жена моряка знает, что он снова исчезнет”.

“На Нюрнбергском процессе мой муж узнал о многих ужасных вещах, о которых он раньше не знал, – заученно говорила Инге Дениц. – Он ничего не знал о концентрационных лагерях, так же как и я, хотя должна признаться, что я кое-что слышала о Дахау и других подобных местах и что там было не очень комфортно. Когда я в разговоре с мужем случайно упомянула о концлагерях, он мне ответил, что “женщина твоего положения не должна обращать внимания на слухи”. Когда же фрау Дениц спросили: “Говорил ли ваш муж когда-нибудь о концлагерях с Гиммлером?”, она ответила: “О, нет! Он всегда придерживался правила, что один департамент не должен вмешиваться в дела другого, тем более когда речь шла всего лишь о слухах. Мой муж выгнал бы любого из кабинета, если бы он пришел к нему с таким вопросом”.

“Удивление” гросс-адмирала Деница, узнавшего на суде возмутительную историю с концлагерями, мягко говоря, было сомнительным. На суде было документально доказано, что

Дениц знал об этом значительно больше, в чем хотела бы убедить окружающих его жена. На одном из совещаний он лично обратился с просьбой к фюреру разрешить использовать высококвалифицированных специалистов, находящихся в лагерях, для нужд флота.

Вспоминая майские дни 1945 года, когда волею судьбы в течение 24 дней фрау Дениц была первой дамой Германии после объявления ее мужа преемником Гитлера, она надеялась, что настанет день, когда ее муж будет снова востребован в качестве главы государства. “При определенных обстоятельствах влиятельные люди, – утверждала она, – могут принять решение просить моего мужа взять власть в свои руки, зная его ответственное отношение, основанное не на тщеславии. Мой муж принял бы это предложение”. “У моего мужа есть преимущественное право возглавить государство по двум причинам: во-первых, будучи главой государства, он спас два с половиной миллиона немцев от пленения русскими, затягивая вступление перемирия. Во-вторых, ведь он был назначен завещанием Гитлера его преемником”, – доказывала она.

Фрау Дениц не учитывала лишь тот “незначительный” факт, что Гитлер присвоил себе право назначать преемника, бесцеремонно отбросив старую конституцию. Сегодняшнее же немецкое правительство законно аннулировало так называемую конституцию фюрера с ее правом назначения преемника. “Мой муж не будет настаивать на своем праве, но всегда готов исполнить завещание, если так решит народ”, – благосклонно заметила жена Деница.

Проведя судебное разбирательство, Международный Военный Трибунал определил как смягчающие обстоятельства факты, что Карл Дениц не был политическим деятелем и не принимал активного участия в принятии политических решений. Трибунал не установил его причастности к заговору для ведения агрессивных войн. Дениц был кадровым офицером, занимавшимся исключительно тактическими вопросами.

Ему простили убийство моряков с подбитых его субмаринами военных и гражданских судов, но вменили в вину

ответственность за гитлеровский приказ, по которому захваченные экипажи союзнических торпедных катеров надлежало передавать в СС и расстреливать. Дениц был признан виновным за преступления против мира и военные преступления и получил 10 лет тюрьмы. Дениц был освобожден 1 октября 1956 года в связи с истечением срока наказания. Он всегда хранил при себе папку с письмами союзнических морских офицеров, которые выражали ему свои симпатии и понимание. Освободившись и выхлопотав себе адмиралтейскую пенсию, Дениц посвятил себя литературной деятельности. Он написал книги воспоминаний «10 лет и 20 дней», «Моя захватывающая жизнь», «Германская военно-морская стратегия во Второй мировой войне». Кроме того, он читал лекции в военно-морских заведениях Германии.

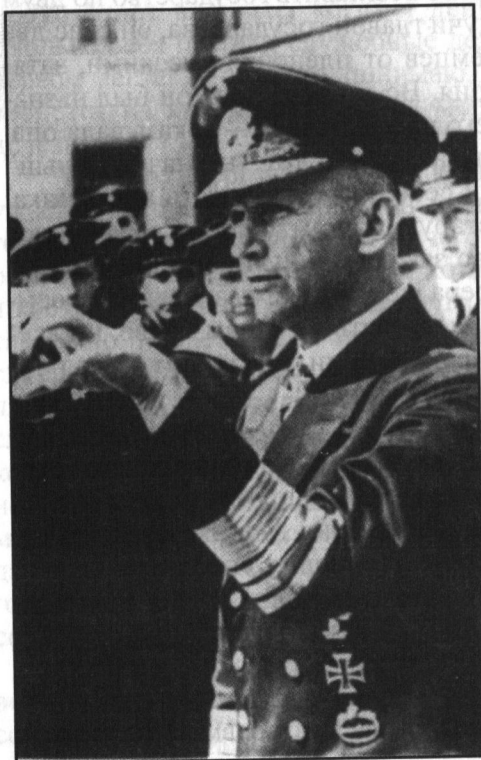


Фото 60.
Гросс-адмирал Дениц среди
подводников: «Убивать и
только убивать. Проявление
гуманности — это признак
слабости».

Глава 23

28 октября 1947 года фрау Инге Дениц получила очередное ежемесячное письмо от мужа:

«Моя любимая Инге.

Это неправда, что тюрьма грязная. Обо мне, моя маленькая Инге, не беспокойся. Я не изменился и все воспринимаю спокойно. Всею свое время.

Сегодня шесть часов я провел в саду, устал как собака, но усталость была приятной. Двор тюрьмы в Нюрнберге был небольшой. И зелени в нем мало, несмотря на это, там обитало одиннадцать особей певчих птиц. Интересно было наблюдать птенцов, их первые попытки самостоятельного полета.

Гуляет ли Гюнтер (зять Деница. — **М.Н.**) с маленьким Питером? Ничто так не запоминается ребенку, как ответы на его вопросы во время совместных прогулок с отцом.

Шесть фотокарточек, которые ты мне прислала, стоят у меня на столике. Посреди фотографии Клауса и Питера — наших любимых сыновей, незабвенных и храбрых мальчиков, которые всегда будут с нами, моя дорогая Инге.

По вечерам я читаю, в основном книги по истории, астрономии, биологии и какие-нибудь романы, но спать ложусь рано. За меня не беспокойся. Ты же знаешь, что я всегда спокоен, и не надо больше об этом писать. Кстати, очень вовремя я получил от тебя мягкие и теплые подштанники.

Мои чувства и мечты остаются прежними, как и в Нюрнберге. Моя жизнь не была комфортной и беспечной. Она всегда была подчинена постоянной необходимости исполнения долга и служебных обязанностей.

Поэтому сейчас мне особенно нравится спокойно читать философские мысли умудренных опытом людей.

Я с большим интересом прочитал биографию Вашингтона и вообще отдаю предпочтение такого рода книгам, а не романам, даже историческим, так как даже в исторических романах действительность в какой-то степени все же приук-

рашена. Правда представлена такой, какой хочет видеть ее автор. Меня же интересует объективная действительность.

Терпение.

Твой мальчик”.

Как и Гесс, Дениц многие письма писал с расчетом на предполагаемую публикацию своей биографии. И это он действительно сделал вскоре после освобождения из тюрьмы Шпандау. Значительный объем подготовительной работы был проделан для него друзьями, еще до выхода из тюрьмы.

Дениц пишет об этом в своем очередном письме жене: “Моя дорогая Инге.

Что касается автобиографии, я должен еще раз напомнить, что недостаток такой работы состоит в том, что автор, рассказывая о себе, не может быть достаточно объективным. Любой человек невольно представляет себя таким, каким ему хотелось бы себя видеть. В большинстве случаев такая работа сводится к самооправданию или преувеличению своей значимости. Я убежден, что высшим идеалом любого человека является желание самоутвердиться.

Материальные блага, как цель жизни, в виде накопления богатства или погоня за созданием условий уютного и беззаботного существования, не смогут соблазнить меня.

Твой мальчик”.

Дом Деница после его ареста был разграблен, и в следующем письме он снова пишет об этом:

“Моя любимая Инге.

Я все еще иногда прихожу в ярость, вспоминая, что в Граберкате был разграблен наш дом. Жаль! Ведь украденные вещи собирались нами с такой любовью. Но не будем проливать слезы в связи с причиненным нам материальным ущербом.

В нашем саду здесь значительно прибавилось мышей. Они бегают даже по нашим ногам, привыкнув к тому, что мы их не трогаем. Совенок, обитатель сада, с удовольствием поедает их по ночам. Здесь живет также пара соколов. Я подкармливаю мышей люпином, подкладывая зерна у нор, и наблюдаю, как они их таскают в норы.

Сейчас выращиваю американские помидоры. Они крупнее, чем наши, и желтее по окраске.

Естественно, что в отсутствие нормальных развлечений, вспоминается все хорошее, что было раньше. Многое усвоенное в детстве, в том числе и песни, с возрастом становятся более понятными. Когда я вернусь, мы заведем собаку. Чем буду заниматься после освобождения, я пока не знаю.

Моя жизненная активность немного поубавилась, но характер остался прежним, хотя я и стал замечать, что начал забывать имена. Скажи об этом Эберхарду (*бывший начальник оперативного отдела штаба подводных сил. — М.Н.*). Он будет этому рад, так как моя прекрасная память всегда его пугала.

Твой мальчик”.

В очередном письме Дениц вспоминал своих погибших сыновей.

“Моя дорогая Инге.

20 марта мы вместе будем думать о нашем дорогом и отважном Питере. Это было тяжелое время на Биттерштрассе (*дом Деница в Берлине. — М.Н.*).

Питер пропал в море. В это время наш флот неожиданно понес ощутимые потери. Обстановка резко осложнилась, и ничто не предвещало ее улучшения.

Положение можно было бы как-то поправить, если бы были своевременно приняты мои предложения, а не тогда, когда уже было слишком поздно. Это была трагедия, и, к сожалению, она связана с моим именем.

Моя дорогая, среди личных вещей, оставшихся после гибели Клауса, были наручные часы, которые, несмотря на длительное время пребывания в воде, продолжали ходить. Может быть, ты сможешь их носить вместо украденных?

Здесь каждый день похож на другой. Я чувствую себя нормально, если не считать, что болит большой палец руки и немного беспокоит ревматизм.

У меня есть кое-какие планы на будущее. Сейчас я хотел бы послушать пение соловья в саду. За всю жизнь я не помню, чтобы когда-нибудь слушал его пение. Хотел бы также весной увидеть, как распускаются фиалки и подснежники.

Иногда за стеной тюрьмы я слышу лай собаки. Я мечтаю завести волкодава. Как приятно иметь собаку!

Вчера я наблюдал полнолуние. Это те единственные тонкие нити, которые связывают меня с внешним миром.

Признателен тем, кто внимателен и хорошо относится к тебе. Но тому, кто враждебен к тебе, независимо от наших отношений с ним в прошлом, я готов показать свой зад.

Твой мальчик”.

Карл Дениц, который должен был покинуть тюрьму первым, отбыв десятилетний срок, писал жене:

“Моя любимая.

Пожалуйста, пришли мне звездную карту неба, которую я смогу выверять по месяцам. Ветер разгоняет облака, идеальная погода для плавания.

Я пытаюсь учить наизусть целые отрывки из книг, чтобы тренировать память. Дни здесь катятся один за другим, как волны в Атлантике, только там эти дни прекраснее, шире, свободнее и величественнее.

Скоро мы опять будем вместе, и прошедшие годы нам будут казаться короткими, как вахта на море. Май для нас роковой месяц: в мае мы поженились и в мае потеряли обоих сыновей.

Мне хотелось бы снова вернуться на море, только не гостем и сторонним наблюдателем на палубе пассажирского лайнера, а несколько ниже, поближе к воде, или быть за рулем яхты, идя по своему выбранному маршруту.

Я смог бы снова повторить все сначала, но боюсь, что мой ревматизм скажет “нет”. Если я решусь совершить подобное, я должен отдавать себе отчет, что ставлю на карту свою жизнь. Сожалею, но не могу жить, как нормальный человек.

Сейчас я уже устал и ложусь спать.

Твой мальчик”.



Фото 61. Сыновья Деница.

Глава 24

1 сентября 1962 года – смена. На охрану тюрьмы Шпандау снова заступили англичане.

В субботу, 3 сентября, на цензуре произошел любопытный случай. На имя Гесса из США пришло письмо на английском языке. Я его распечатала и прежде, чем поставить на нем штамп “Запрещено”, стала читать вслух. Письмо было из небольшого провинциального городка. Гессу сообщали, что поскольку они немецкий знают плохо, будут писать по-английски. В их городке организована нацистская партия, у которой те же цели и идеалы, что были у фюрера: негров и евреев вон из Америки и Германии. Интересно было наблюдать за реакцией американского директора на это письмо. Американский же переводчик Файерстоун только приговаривал: “Еще один сумасшедший нашелся. Их много у нас в стране”.

6 сентября в 11 часов прошли получасовые свидания у Шпеера с женой и сыном Эрнстом. Обсуждали домашние и школьные дела. Во время свидания жена Шпеера жаловалась, что ей очень трудно с детьми. Особенно с учебой. Младший сын плохо учится. Шпеер сказал, чтобы она уменьшила расходы на его питание на 10 марок. “Может, это подействует”, – добавил он сердито.

Не люблю я сидеть на свиданиях. Неловко слушать чужие разговоры.

8 сентября было очередное заседание директоров. Иногда мне все эти проблемы со стороны кажутся такими мелкими! На заседании развернулось бурное обсуждение просьбы адвоката Поттера. Он прислал письмо Шираху, в котором речь шла о полученном наследстве. Адвокат просил Шираха отказать от наследства в пользу детей. Английский директор Бенфилд предложил сразу же передать все документы на подпись Шираху, чтобы тот сам решил, как ему поступить.

Французский директор Фарион не возражал, предложив только детально обсудить процедуру их вручения заключенному. Американский директор Федушка, усмехаясь, заметил,

что лично он не возражает, хотя на сто процентов уверен, что Ширах ни за что не подпишет отказ от наследства. Мы же выступили вообще против вручения документов Шираху: во-первых, документы присланы неизвестным нам адвокатом, а не официально назначенным еще на Нюрнбергском процессе, и, во-вторых, в своем письме заключенному его сестра Розалинда ничего не пишет о наследстве. Если мы вручим эти документы, мы нарушим положения Устава тюрьмы. Интересно было наблюдать лица директоров после выступления нашего директора. Бенфилд согласился занести это в протокол, но все равно, добавил он, должен посоветоваться со своим юристом. Следующий вопрос: удовлетворили просьбу Шираха о свиданиях с братом бывшей его жены Генри Гофманом.

Свидания были назначены на 29 и 30 сентября – по 30 минут. Затем утвердили расходы по тюрьме за июнь, представленные французским директором, ответственным за финансы. В “разном” американский директор вдруг неожиданно для всех поднял вопрос об изменении процедуры проведения цензуры. Все были удивлены. Но мы с нашим директором сразу поняли, что это подкоп под меня. Видно, он не может мне простить то письмо неонацистов из США, которое я прочитала вслух директорам, да и многие другие вещи. Например, давнюю историю с грампластинками. Постановку этого вопроса он мотивировал тем, что необходимо сузить круг лиц, посещающих камерный блок. Цензуру он предложил возложить на старших надзирателей. Нас, конечно, это ни в коей мере не устраивало. Решение всех возникающих вопросов по цензуре тогда перейдет в руки американцев и конкретно старшего надзирателя Фаулера. Наши надзиратели не все хорошо знают немецкий и просто не смогут читать письма. Английский директор подполковник Бенфилд, почувствовав приближение длительной дискуссии, быстро предложил перенести этот вопрос на следующее заседание, включив его в повестку дня. А сейчас “подошло время обеда, и в баре уже, наверное, собрались гости”.

Поздно вечером мне позвонили из нашей комендатуры. Понадобился переводчик. И вот по какому поводу. Немцы

привезли сержанта ВВС США, который просил у нас политического убежища. Говорит, что в Америке плохо к нему относятся, обзывают “желтой обезьяной”, постоянно унижают. Он просил помочь ему устроиться в нашей стране работать на радио или с американскими учеными Митчелом и Мартином, которые переехали жить в СССР. Внимательно выслушав, его отправили в наше посольство.

10 сентября. Цензура. Вернулся из отпуска Хартман. Файерстоун рад сложить с себя полномочия цензора. Опять много вырезали из письма жены Гесса, где она упоминает многочисленных знакомых, в том числе пишет о бывшей секретарше Гесса Хильдегард Фат, которую Гесс считал “прекрасным секретарем и очаровательной женщиной”.

На обратном пути домой то и дело попадали в пробки: все центральные улицы Восточного Берлина были перекрыты. Берлинцы прощались с первым президентом Германской Демократической Республики Вильгельмом Пиком.

Долго не бралась за дневник. Сегодня 18 августа 1963 года. Москва встречает космонавтов Николаева и Поповича, а у нас обстановка продолжает оставаться напряженной. Улицы Западного Берлина запружены людьми, полно фотокорреспондентов, повсюду вспышки “молний”. Накануне наш автобус с караулом в Тиргартене (район рейхстага, где охраняется памятник советским солдатам, погибшим в Отечественной войну) забросали камнями. Западный Берлин бурлит, такого не было даже в прошлом году, когда перекрыли границу и разделили Берлин на две части, впоследствии соорудив мощную стену.

Берлинская стена. Как много о ней написано. Мнения самые разные, иногда взаимоисключающие. Я была непосредственным свидетелем этого события, ежедневно пересекая границу между Восточным и Западным Берлином. Скажу сразу, что в то время это была болезненная, но необходимая мера, шаг, направленный на защиту только что созданного молодого независимого государства – Германской Демократической Республики.

Необходимость принятия таких мер становится понятнее даже с позиций сегодняшнего дня. Возьмите ситуацию,

связанную с развалом Советского Союза. Территориальный раздел шел “по живому”, а установление так называемых прозрачных границ – это миф, придуманный в кабинетах для популистских речей. Вот только один пример, связанный с Эстонией. Это небольшое государство, не располагая запасом полезных ископаемых, стало... мировым экспортером цветных металлов... Примерно такая же ситуация сложилась и в Берлине. ГДР грабили через Берлин все, начиная с Западной Германии и “уважаемых” союзников и кончая всеми, кому не лень.

Разгромив фашистскую Германию в открытой, тяжелой и жестокой войне, коалиция союзнических держав, к сожалению, не смогла найти приемлемые пути сотрудничества в послевоенном восстановлении демилитаризованной Германии.

Временный раздел Германии на четыре оккупационные зоны предусматривал в перспективе воссоздание единого государства под общим флагом. Однако на деле оказалось, что три западные державы проводили в своих зонах политику, в основе которой был экономический и политический базис своих стран, в то время как в восточной зоне осуществлялась политика Советского Союза. То же самое происходило в Берлине, бывшей столице довоенной Германии. После войны Берлин был поделен на четыре сектора.

Три западные державы, объединившись, активно проводили политику изоляции восточного сектора Берлина как в экономическом, так и в политическом плане. Они создали в своих зонах единую денежную систему, искусственно поддерживая высокий курс западной марки по отношению к восточной. Была развернута разнузданная пропаганда, направленная на дискредитацию советской зоны оккупации.

В ответ на создание ФРГ встал вопрос о создании самостоятельного немецкого государства на востоке Германии со всеми атрибутами власти. В октябре 1949 года на территории восточной зоны была провозглашена Германская Демократическая Республика, признанная большинством государств мира и ставшая равноправным членом ООН. Таков примерно исторический путь появления на карте молодого немецкого государства.

Задача любого государства – защита своей целостности и суверенитета. У ГДР была определена государственная граница на суше и на море. Пограничная служба контролировала приграничные автострады, железные дороги, реки и озера, морское побережье, за исключением трех коридоров в воздушном пространстве над территорией ГДР. Коридоры были установлены для полетов из Западного Берлина в Гамбург, Ганновер и Франкфурт-на-Майне.

История их создания тоже необычна: никаких официальных договоров или соглашений на этот счет в природе нет. После окончания войны для обеспечения элементарного порядка в воздушном пространстве при вывозе имущества по репарациям нашим командованием были временно определены воздушные коридоры для полетов военно-транспортных самолетов. Оборудование было вывезено, необходимость в регулярных полетах отпала, а воздушные коридоры остались... и в последствии, к сожалению, были использованы против ГДР.

Через неконтролируемые воздушные коридоры, как через неохраемую границу, на Запад уплывало все: промышленные изделия, сырье, продукты питания. Превратив Западный Берлин в “витрину свободного мира”, бывшие союзники развернули активную подрывную деятельность против ГДР, не последнюю роль в которой сыграли воздушные коридоры. Разного рода посулами организовали утечку “мозгов”, переманивали ученых, технических специалистов, просто высококвалифицированных рабочих. Шикарные витрины, изобилие заморских товаров в магазинах поражали воображение послевоенных берлинцев. Американские офицеры, с которыми я работала, поражались, видя эту роскошь, которой, по их словам, не было даже в Нью-Йорке.

Германская Демократическая Республика несла огромный материальный и моральный ущерб. Остро встал вопрос о закрытии границы между Восточным и Западным Берлином. Любое государство должно иметь защищенные границы. Была сооружена Берлинская стена.

1963 год. Седьмой год, как я в Берлине. Как хочется домой! Разве я когда-нибудь думала, что придется так долго здесь жить? Порой бывает так тоскливо, так хочется домой, в

Москву, что не знаешь, куда себя деть. Единственное утешение – интересная работа.

Берлин бурлит, в Шпандау же как будто ничего не изменилось: продолжают заседания директоров, решаются внутренние вопросы в тюрьме. Теперь по дороге на работу в тюрьму мы проезжаем через КПП “Чарли”, который американцы устроили на Фридрихштрассе на границе своего сектора. На КПП машину останавливают, но, увидев нас в форме, отдавая честь, пропускают в Западный Берлин. Тут же за нами следует автомашина сопровождения американской военной полиции, за ней – западноберлинская. Мы спокойно доезжаем до площади Звезды, делаем два лишних круга. Они – за нами. Нашему водителю, молодому солдатику, очень нравится эта забавная игра: то мы мчимся, сломя голову, то ползем, как черепахи. И так до самой тюрьмы. Сопроводив нас, полицейские улыбаются, в ответ мы машем рукой: можете ехать обратно.

Сейчас охрану несут англичане, в баре – виски, вина, полно гостей. Сегодня еду в тюрьму: у Шираха свидание со старшим сыном, завтра – с женой.

В субботу на цензуре новый американский директор подполковник Дрейк, который сменил на этой должности майора Федущку, поздравил нас с полетом очередного космонавта Валерия Быковского. Улыбался, долго тряс руку нашему директору подполковнику Лазареву. Подполковник Лазарев – новый советский директор, бывший школьный учитель, фронтовик, прекрасно знает немецкий, интересный, знающий человек, с ним легко и интересно работать.

26 июня 1963 года. Сегодня с однодневным визитом в Западный Берлин прилетает президент США Джон Кеннеди. Американский директор предупредил нас, чтобы мы выехали пораньше, так как все улицы будут перекрыты, а на КПП “Чарли” на Фридрихштрассе не будут пропускать машины. Мы выехали на работу раньше, чем обычно, но все равно не успели проскочить. Улицы перекрыты, полно народу, у берлинцев нерабочий день. Случайно получилось так, что наша машина шла первой, как бы возглавляя президентский кортеж. Берлинцы выстроились вдоль улиц. Приветливо машут

флажками, ждут машину с американским президентом, а тут вдруг появились мы, не очень желаемые в данной обстановке. Завидев нас, кто-то в толпе начал свистеть, слышались крики. Все это передается как бы по волне. На перекрестке улицы Халлешес Уфер в 12.10 движение было полностью остановлено. И в это время появляется машина с американским президентом. Он едет от Бранденбургских ворот к стене. Я хорошо видела Джона Кеннеди, он сидел справа, посередине – Вилли Брандт, бургомистр Западного Берлина, слева – Конрад Аденауэр, канцлер ФРГ. Затем шли несколько автобусов с американскими офицерами, вслед за ними – западно-берлинская полиция. Мы остановились, пережидая, когда они проедут. Рядом остановился таксист. Вышел из машины и стал нам “объяснять”, почему на улицах так много народу. Затем подошел немец и довольно дружелюбно спросил по-русски: “Как поживаете?” Я ответила: “Хорошо”. Услышав знакомое слово, он заулыбался. Таксист обращался к нам “камрад”. Потом, увидев американскую машину с президентом, начал приветливо махать обеими руками.

По телевидению весь вечер передают выступление американского президента у Бранденбургских ворот. Он выступил также в Конгресс-халле перед промышленниками и предпринимателями, в местном университете и перед собравшимися у Шененбергской ратуши. Бранденбургские ворота гэдэровцы задрапировали со своей стороны красными и национальными полотнищами и получилось так, что американский президент выступал на фоне государственных флагов ГДР. Мы поставили свою машину у памятника нашим воинам в Тиргартене и, смешавшись с толпой, слушали, о чем говорил американский президент. Говорил он по-английски, без переводчика, а закончил свою речь под оглушительный вой толпы по-немецки: “Я с вами, я берлинец!”

А у нас в тюрьме в камерном блоке идет полным ходом ремонт. Кроме того, собираются менять боковые ворота, так как старые совсем заржавели и пришли в негодность. С асфальтированием внутреннего двора пока что-то затихло.

С началом ремонта тюрьмы стали нарушать внутренний режим заключенные, особенно Гесс и Ширах. Старший анг-

лийский надзиратель Чисом доложил на заседании директоров, что заключенные выходят из повиновения, во время дежурства английского надзирателя Белсона отказывались выходить из камер. Чисом возмущался: все это случилось во время посещения камерного блока представителем Сената Западного Берлина. Гесс, например, категорично требовал открыть ему старую камеру, из которой его, как и других заключенных, перевели на время ремонта. Там они сидят за закрытыми дверями, пока в камерном блоке работают немцы. Смотровые “глазки” в камерах надзиратели закрывали бумагой, чтобы заключенные и рабочие не видели друг друга. На заседании директоров американский директор Дрейк на полном серьезе сказал: “Как это они не могут понять, что ремонтируют их камеры, им же лучше делают”. Договорились решительно пресекать малейшие попытки неповиновения и строго наказывать заключенных.

Перед началом заседания, когда мы, как обычно, пили хороший кофе (его подавали секретари канцелярии), американский директор, посмотрев на меня, вдруг сказал: “Маргарита, вы давно ходите в звании капитана. Я напишу Хрущеву, что вы хорошо работаете и вам пора присвоить майора”. Я в шутку ответила, что, если он так напишет, я вообще стану рядовой.

На завтра назначена инспекция тюрьмы. Ее будет проводить французский генерал Тулуз. О нем я знаю мало. По сообщению местной прессы, он был официальным представителем, встречавшим американского президента на аэродроме Тегель во французском секторе Западного Берлина. Аэродром Тегель единственный в Берлине, имеющий взлетно-посадочную полосу, на которую можно принимать самолеты класса президентского.

Конец месяца, в пятницу очередное заседание врачей. Интересно, поднимет ли снова английский врач вопрос о немедленной госпитализации заключенных в случае опасного заболевания. В Берлине ходит жуткий грипп. Все хлюпают носами. Многие не ходят на работу. А заключенным хоть бы хны. Вот что значит режим: я не помню случая, чтобы кто-нибудь из них болел простудными заболеваниями.

Глава 25

Срок пребывания в тюрьме военных преступников заключенных № 1 – Шираха и № 5 – Шпеера истекал 1 октября 1966 года в 24.00.

Я уже уехала из Берлина в Москву, к новому месту службы, но продолжала переписываться с нашим директором тюрьмы подполковником Лазаревым. Поэтому я еще долго была в курсе событий, происходящих в тюрьме.

Перед своим отъездом я устроила в баре Шпандау прощальный коктейль. На камине в баре на память о себе я оставила большую многослойную “матрешку”. Когда от меня долго не было писем, директора поворачивали ее лицом к стене. Показывали “матрешку” гостям и любили рассказывать ее историю. Перед своим отъездом Лазарев решил ее “открыть”, но, к его удивлению, в ней внутри не было ни одной – все разобрали на сувениры. В своих письмах Лазарев подробно писал мне о том, как освобождали Шираха и Шпеера, как все было продумано и точно, как по нотам, разыграно.

Уже в самом начале сентября англо-американская сторона начала включать в повестку дня заседаний директоров вопросы, касающиеся процедуры освобождения заключенных. Они хотели сделать так, чтобы заключенных выпустили “с соблюдением всех правил приличия и уважения человеческого достоинства”, то есть элегантно одетыми по сезону. По просьбе самих заключенных, изложенной в письмах, родные к моменту освобождения должны были привезти в тюрьму заранее сшитые в ателье по два-три костюма, пальто, рубашки и обувь, из которых они выбрали бы самые удачные, наиболее им понравившиеся, оделись в них и в таком виде предстали бы перед многочисленными фотокорреспондентами и журналистами. Наши же предложили одеть заключенных в то, в чем они были арестованы.

Вещи заключенных хранились в специально отведенном помещении. Я видела их при очередной инспекции тюрь-

мы американским генералом. Мне запомнился массивный, усыпанный бриллиантами золотой портсигар Шираха. Чей-то золотой с драгоценным камнем перстень. Серо-голубой мундир капитана Люфтваффе, принадлежащий Гессу, а также его кожаный комбинезон на меховой подкладке, летный шлем, компас и наколенные часы.

При осмотре хранившихся вещей заключенных директора поняли, что время сделало свое дело – одежда пришла в негодность. Английский директор с сомнением покачал головой и сказал, что не может согласиться с тем, чтобы заключенные после освобождения были в нее одеты. Американец согласился с ним, а француз, как всегда, безучастно молчал. Начался спор, который завершился принятием нашего предложения. Было решено все это пропустить через химчистку и соответствующий ремонт. А так как брюки почти полностью были съедены молью, то купить им новые, но самые простые и дешевые.

Заключенные № 1 и № 5 должны покинуть тюрьму в полночь 1 октября 1966 года. Английская военная полиция разработала необходимые меры безопасности: в 23 часа улица Вильгельмштрассе была полностью перекрыта для всякого движения. Вдоль обочин выставлены заградительные решетки и выстроен наряд немецкой полиции численностью в 600 человек и 60 английских военных полицейских. По всему периметру тюрьмы – полицейские с овчарками.

Ровно в 23 часа 45 минут английские военные власти включили прожектора. К этому времени напротив главных ворот через дорогу собралось человек четыреста от прессы и около пяти тысяч любопытных зрителей. Были установлены мощные осветители для теле- и киноустановок.

Шираха встречали сыновья, все трое. Шпеера – жена и адвокат. Директора решили, что первым из тюрьмы выйдет Шпеер, а за ним – Ширах. Сын Шираха Клаус возмутился, почему не его отец первый? Сыновья Шираха вели себя нагло, вызывая, что особенно бесило английского директора, их защитника и покровителя.

В 23 часа 48 минут заключенные переоделись, в 23.58 вышли из камер, поздоровались с родными, сели в ожидав-

шие их во дворе машины и в 24.00 покинули тюрьму, в которой пробыли ровно 20 лет.

Выезд машин на широкую улицу прошел спокойно, но после того как машины с бывшими заключенными скрылись, толпа начала скандировать: “Свободу Гессу!”, “Освободите Гесса!” Началась потасовка, появились пострадавшие. Полиция, пытаясь утихомирить митингующих, произвела несколько арестов. После часа ночи стали раздаваться выкрики: “Томми, гоу хоум!” Снова включилась в работу полиция...

Глава 26

Заключенный № 7 в Шпандау оставался один и, казалось, был всеми забыт. Но в 1974 году на свое 80-летие Рудольф Гесс, бывший заместитель Гитлера по нацистской партии, получил весьма своеобразный подарок – американский директор тюрьмы подполковник Юджин Бэрд вступил с ним в сговор и начал записывать его воспоминания. Злоупотребляя служебным положением, Бэрд за мелкие услуги и поблажки вытягивал из Гесса признания о давних временах. Это было грубейшим нарушением Устава, за что Бэрд потом понес наказание и был уволен из армии. Но если отбросить моральный аспект, записки эти, конечно, некоторый интерес представляют, так как проливают свет на события того времени.

Я читала воспоминания Гесса, записанные Бэрдом. В них Гесс рассказал кое-что из того, о чем молчал 50 лет, умело симулируя потерю памяти. Отдельные его откровения лишний раз подтверждают, насколько был прав советский обвинитель, требуя в Нюрнберге применения к Гессу самого сурового наказания.

Бэрд пишет, что он, работая в Шпандау, не мог “больше видеть страданий человека, который с 1941 года находился под арестом, хотя его сокамерники уже давно вышли на свободу”.

Понятно, что для западногерманского комитета, требовавшего выпустить на свободу Гесса, книга Бэрда стала едва ли не Библией в борьбе за освобождение военного преступника. Крайне правая пресса снова бросилась в атаку на советские власти, осуждая их за строгое исполнение решений Нюрнбергского трибунала, приговорившего Гесса к пожизненному заключению.

Книга Бэрда стала бестселлером на американском и, разумеется, западногерманском рынке. Действия американца прославлялись разного рода защитниками Гесса как “гуманная” акция. Однако на страницах печати высказывались и

другие мнения, резко осуждавшие действия Бэрда как недостойные офицера, которому была поручена такая ответственная миссия. Раздавались призывы не доверять Бэрду, так как в действительности “его заботит не столько судьба Гесса, сколько толщина собственного кошелька”. И действительно, находясь на службе, Бэрд вел двойную игру: усыпив бдительность своих коллег по охране тюрьмы из других стран, он вступил в сговор с военным преступником, преследуя корыстные цели. Отдельные издания напоминали читателям, кто такой Гесс и почему он в тюрьме. Молодежь в ФРГ не ведала, что Гесс был правой рукой Гитлера, что именно он раздувал “божественный культ” фюрера, именно он сочинил и пустил в ход формулу “фюрер никогда не ошибается”. Подпись Гесса стояла под законами, которые стали смертным приговором для сотен тысяч невинных людей. И несмотря на то, что в 1941 году он перелетел в Англию, Гесс наравне с другими из гитлеровской верхушки нес ответственность за развязанную войну в Европе. То, что было доказано в Нюрнберге, сегодня лишний раз подтверждают неизвестные ранее документы.

Факт остается фактом: Гесс не только не признал себя виновным, но даже в тюрьме не выразил раскаяния, как это сделали Ширах и Шпеер. Больше того, Гесс не мог простить им такого “падения”. Он стремился остаться “самым верным из верных Гитлеру”, и миф этот поддерживал вполне сознательно.

В беседах Гесса с Бэрдом оценки прошлого полностью совпадали с теми взглядами, которых он придерживался при Гитлере. Время для Гесса остановилось. Свое пребывание в тюрьме он подчинил одной цели: и после смерти остаться в памяти поколений таким, каким был в годы гитлеризма. Годы, проведенные Гессом в тюрьме, не сломили его волю. Даже Бэрд пришел к однозначному выводу: “Этот человек ничему не научился. Он заявил мне, что если бы он начал жизнь сначала, он сделал бы то же самое. Находясь на свободе, он даже в последнюю минуту перед смертью мог бы продиктовать своему сыну что-то наподобие мемуаров или духовного завещания”. И я вспомнила его письмо жене. В нем мы с

Хартманом вырезали слова: “Если бы мне пришлось начинать жизнь сначала, я бы все повторил”.

А вот некоторые фрагменты бесед советского директора с заключенным Рудольфом Гессом.

9 марта 1972 года. Гесс: “О своей деятельности я думаю то же самое, что и раньше. При мне не было концлагерей, все осложнения произошли после моего отлета в Англию. Однако должен заметить, что они были и есть и в других странах, в том числе и в СССР. У нас в те времена было много людей, которые мешали нормальной деятельности государственного аппарата. Что касается расовой политики и геноцида, то тут мы были совершенно правы, и это подтверждают нынешние беспорядки в США. Мы не хотели, чтобы подобное было в Германии. Немцы – нордическая раса и допускать смешение немцев и евреев, представителей другой расы мы не могли. Наша политика была правильной. Этих взглядов я придерживаюсь и сейчас”.

25 июля 1973 года. Гесс: “Я и раньше ничего не имел против русских, но всегда считал и придерживаюсь этого мнения и поныне: советская система является злом, которое нужно уничтожить. Будучи одним из руководителей рейха, я полагал, что Советский Союз представляет угрозу моей стране. Именно поэтому мы решили нанести превентивный удар, а если и имели место зверствования немцев в России, то это неизбежно в любой стране”.

Отсутствие раскаяния говорит о том, что он не просил о помиловании.

В 1975 году, почти 10 лет спустя после освобождения Шпеера и Шираха, в Шпандау приехал адвокат Гесса доктор Зейдель. Он рассказал ему о письме, которое он направил четырем державам с просьбой пересмотреть дело Гесса. Гесс своеобразно отреагировал на эту инициативу, резко заявив, что он не хотел бы, чтобы подавались какие-нибудь прошения о помиловании, имея в виду его душевное состояние. “Я вполне нормален!..”

За рамками официальных встреч западные союзники демонстративно предпринимали энергичные усилия, добиваясь освобождения Гесса, но советская позиция оставалась твер-

дой. “Создается впечатление, – писал Бэрд, – что еще в течение многих лет придется держать в Шпандау одного-единственного заключенного, расходы на содержание которого составляют около 850 тысяч марок в год”.

В октябре 1969 года у Гесса произошло резкое обострение язвенной болезни. Все опасались, что он умрет. Встал вопрос о госпитализации. По инициативе западных держав и с нашего согласия было принято решение поместить Гесса в английский военный госпиталь в Западном Берлине. Гесс не хотел ехать в госпиталь, он боялся, что русские его там отравят. Он позвал Бэрда. Бэрд поехал с ним. И это стало началом их тесного сотрудничества: их отношения стали более доверительными.

Тяжелое заболевание и угроза смерти заставили Гесса пересмотреть свое решение о встрече с родственниками. 25 декабря 1969 года он попросил свидание с женой и сыном, которое состоялось в палате госпиталя. В коридоре за дверью палаты стояла охрана. В дальнейшем свидания стали регулярными.

Сын Гесса с семьей ныне живет в Гrefельфинге в пригороде Мюнхена. В интервью, которое в порядке исключения он дал в июне 2000 года российскому журналисту, он вспоминает свидания с отцом:

“Свидания были строго оговорены девятью условиями: не разрешалось прикасаться к отцу – пожимать руку и обниматься, передавать подарки. Запрещались беседы о национал-социализме, об условиях содержания в тюрьме, о перелете в Англию, а также обсуждать процесс в Нюрнберге и тему “Гитлер и Вторая мировая война”. Свидания проходили в специально отведенной комнате за столом, на котором было укреплено прозрачное ограждение. Позади стояли два надзирателя и директор, причем один надзиратель периодически напоминал: “У вас осталось десять минут... пять минут...”

В это время на Западе была начата широкая кампания за досрочное освобождение Гесса из тюрьмы. Западные под разного рода надуманными предложениями затягивали возвращение заключенного из госпиталя в тюрьму. Они готовы были

грубо нарушить, как они это делали всегда, четырехстороннюю договоренность об исполнении приговора. Но боязнь, что Гесс на свободе может кое-что поведать миру, останавливала их. Поэтому они выдвинули лишь требование послабления режима содержания. Мы пошли на некоторые уступки: Гесс был переведен в большую камеру, в которой была поставлена госпитальная кровать, увеличено до двух часов время прогулки, утренний подъем производился в семь часов. Заключенный освобождался от тяжелых работ, ему предоставлялось диетическое питание.

По возвращении из госпиталя его вес был около 67 килограммов, артериальное давление – в норме для его возраста. Гесс совершал прогулки, занимался гимнастикой, интересовался событиями в мире и проблемами космонавтики.

В начале апреля 1971 года в новой камере – бывшей тюремной церкви – Бэрд начал беседу с Гессом о прошлом. Он все чаще подталкивал своего подопечного к мысли: не настало ли время Гессу нарушить молчание. Гесс высказал свое сомнение: он боится, что разочарует историков. К тому же многие детали он и в самом деле уже позабыл... Бэрд, однако, не сдавался. 30 августа Гесс принял важное решение: он “перед лицом истории готов подвести итоги своей жизни”.

Гесс долго размышлял над тем, стоит ли ему бесповоротно прервать свое молчание. “В глубине души, – пишет Бэрд, – Гесс понимал, что умрет в тюрьме, но вот легенды, которые распространялись о нем в прессе, переживут его. И он решил начать говорить о прошлом”.

Они условились, что будут говорить по-английски и только в тех случаях, когда Гессу окажется это трудным, он будет переходить на немецкий.

– Считали, – начал беседу Бэрд, – что вы были секретарем Гитлера в то время, когда в крепости Ландсберг он писал “Майн кампф”. Говорят даже, что вы подали ему кое-какие идеи. Насколько это соответствует правде?

– Не думаю, что я помог Гитлеру. Это было бы возможно, но не думаю, что так было, – ответил Гесс.

– После окончания Первой мировой войны вы учились у мюнхенского геополитика профессора Гаусхофера. Правда

ли, что вы познакомили Гитлера с его концепциями, которые потом стали считаться одним из краеугольных камней национал-социализма?

– Насколько я помню, я не рассказывал Гитлеру об этих теориях. По всей вероятности, он сам читал что-то о геополитике, может, даже книги Гаусхофера... А что касается книги Гитлера “Майн кампф”, то это правда, что некоторые сформулированные в ней идеи, например, о жизненном пространстве, несомненно, заимствованы у профессора Гаусхофера. Гитлер использовал некоторые идеи и мысли, о которых я ему рассказывал. Гитлер – вы это должны знать – не был образованным человеком. Он взял идею Гаусхофера и приспособил ее к своим целям. Но хотя Гаусхофер даже навестил нас в Ландсберге, в книге Гитлера нет ни одного слова, которое принадлежало бы именно ему.

Бэрд спросил Гесса, что если бы ему пришлось начинать все сначала, поступал бы он точно так же? Изучал бы он геополитику и снова пошел бы за таким человеком, как Гитлер? Гесс, не колеблясь, ответил, что да, он пошел бы той же самой дорогой и кончил бы здесь, в Шпандау.

– Многие историки утверждают, что вы знали о плане “Барбаросса”. Русские до сих пор убеждены в этом. Что вы можете сказать об этом?

На сей раз Гесс долго молчал, прежде чем ответить.

– Я уже не помню, когда узнал о плане “Барбаросса”. Во всяком случае, не из-за этого я полетел в Великобританию.

Диалог прервало окончание прогулки. “Мы не спеша, – пишет Бэрд, – направились к зданию тюрьмы, по крутым вытоптаным ступеням поднялись наверх, длинным пустым коридором пошли к его камере”. Бэрд еще раз вернулся к вопросу о плане “Барбаросса”.

– И все же еще до полета в Англию вы должны были знать о том, что Гитлер намеревается напасть на Советский Союз. Русские убеждены в этом.

В глазах Гесса появилось чуть ли не отчаяние:

– Я же говорил вам, что подумаю об этом. Мне кажется, я что-то на сей счет уже написал. Вы можете все это использовать.

Потом он, порывшись в своих книгах, вытащил листок, на котором чернилами было написано: “До полета в Великобританию я не знал о намерениях Гитлера напасть на Россию. Я, однако, знал, что он не был дружелюбно настроен по отношению к Советскому Союзу”.

“Вот и все, что он захотел мне сказать по этому поводу”, – пишет Бэрд.

Несмотря на настойчивые приставания Бэрда, Гесс продолжал упрямо утверждать, что многое уже не помнит. Он, правда, подтвердил, что еще в Англии, а затем и в Нюрнберге симулировал потерю памяти, в чем, кстати, признался и перед Трибуналом, но, по его словам, в результате этой симуляции многое действительно стерлось в памяти. И Бэрд решил помочь ему, заставив его пережить сильное потрясение. Однажды, решив привести свой замысел в исполнение, он отправился в Шпандау.

“Когда я вошел в камеру Гесса, – пишет Бэрд, – он сидел на кровати и ел салат.

– Вы не хотели бы взглянуть сегодня на свой комбинезон, в котором вы прилетели в Англию? – спросил я. Я застал его врасплох.

– Боже мой! Сейчас, теперь?

Мы отправились в тюремную каптерку, где я заранее развесил на плечиках на дверцах серо-голубой мундир капитана Люфтваффе и коричневый кожаный летный комбинезон.

Гесс обогнал меня и погладил кожу комбинезона:

– Невероятно! Это мой комбинезон. Тот самый, в котором я поднялся в воздух в Аугсбурге! – он ощупывал рукава и проверял молнии. – Все в порядке. Хорошая немецкая работа, полковник.

Он долго поглаживал мундир, кожаный летный шлем, комбинезон на меховой подкладке. Потом спросил:

– Скажите, полковник, что станет с этим мундиром, когда тюрьму когда-нибудь закроют?

– В соответствии с правилами, – ответил я, – его сожгут.

– Но ведь это же смешно. Зачем?

– Предполагаю, затем, чтобы его не превратили в своего рода нацистскую реликвию.

Гесс сказал, что, по его мнению, куда разумней было бы поместить его в Британский военный музей, там ведь уже находится мотор его самолета. Потом, подумав немного, он заметил:

– Наверное, вы правы. Все еще есть безумцы, которые не знают, куда девать деньги. Может, кто-нибудь и заплатил бы сегодня 50 тысяч долларов за этот мундир и комбинезон...”

Через несколько дней Бэрд решил подвергнуть Гесса еще одному испытанию: он принес рукопись будущей книги. Гесс ее охотно прочитал. 44 страницы Бэрд оставил ему на ночь.

“Наутро, – пишет Бэрд, – он протянул мне 30-ю страницу и сказал:

– Мне хотелось бы еще поговорить с вами о том отрывке, в котором речь идет о плане “Барбаросса”. Вы тут пишете: “Гитлер опасался, что Гесс может выдать план нападения на Россию. Он был одним из немногих, кто знал о готовящемся через шесть недель нападении, и у Гитлера волосы вставали дыбом от страха, что Гесс может его предать!” Вы этот отрывок вычеркнули, почему?

– Потому что, когда я писал его, мне это показалось правдой, но потом, во время нашей беседы, вы так энергично возражали, что я решил вычеркнуть это место.

Гесс уставился на меня:

– Полковник, я хотел бы, чтобы вы оставили все так, как написали.

– Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? – спросил я. – Ведь тем самым вы признаете, что перед своим полетом в Шотландию вы знали о плане “Барбаросса”?

– Пожалуйста, полковник, оставьте все так, как вы сначала написали.

– Стало быть, вы что-то знали о плане “Барбаросса”?

– Да, знал.

– Так расскажите немного об этом.

– Не сейчас, – возразил Гесс. – С вас должно быть достаточно, что я прошу изложить этот факт так, как вы сделали это сначала, до того, как все вымарали.

С этими словами он поплелся в своих изношенных ботинках в туалет”.

Книга Бэрда вызвала поток требований освободить “старца из Шпандау”, проявить сочувствие и милосердие к “одинокому узнику” Шпандау, дать возможность вернуться в семью. К сожалению, эти требования звучали из уст некоторых высокопоставленных лиц и со страниц солидных западных газет.

Призыв к человеческим чувствам и ссылки на милосердие применительно к Рудольфу Гессу вызвали, разумеется, понятное возмущение и негодование у тех, кто еще не забыл, что представлял собой Гесс и за какие злодеяния против народов он несет ответственность. Гесс не раскаялся в содеянном, он не только был, но и по-прежнему хотел остаться лидером и кумиром всех неонацистов.

Жена Гесса Ильзе, не имея от мужа материальной поддержки с 1941 года, была вынуждена сама вести хозяйство, воспитывать и обучать сына, зарабатывать деньги различными публикациями. Она содержала пансионат на 18 коек для туристов в горах Баварии. Этот пансионат помогли ей приобрести на свои деньги родственники Риббентропа, бывшего министра иностранных дел. Свой дом она превратила в некий храм национал-социализма, изображая себя “миссионером коричневого движения”. Она собрала богатейшую библиотеку нацистской литературы и распространяла “идеологически подправленные” письма мужа из тюрьмы.

Пансионат стал местом встречи бывших нацистских функционеров, которые периодически сюда приезжали. (*После выхода из тюрьмы ее навещал Ширах. – М.Н.*)

Цены за проживание в пансионате были очень высокими. В письмах мужу Ильзе Гесс все время жаловалась, что ей очень тяжело. Все приходится делать самой: стоять у плиты, убираться, обслуживать туристов. Из-за нехватки денег она вынуждена была отказать сыну в поездке за рубеж, и он не смог принять участия в европейских соревнованиях по горным лыжам. Немецкая девушка, работавшая в пансионате у Ильзе Гесс, рассказывала: “Ильзе Гесс очень жестокая женщина. Слуг она держит на голодном пайке, заставляя работать по 16 часов в сутки”.

Определив сына в школу-интернат в Берхтесгардене, Ильзе Гесс установила тесный контакт с его учителями и давала им письма мужа, получаемые из тюрьмы, для обсуждения с учениками. Философия в письмах Гесса к сыну была мало понятна детям, поэтому она просила разъяснять ребятам их содержание.

Не без помощи влиятельных друзей мужа Ильзе была назначена государственная пенсия как жене высокопоставленного «военного».

Самым значительным результатом ее литературной деятельности явилась изданная в Германии книга под названием «Англия, Нюрнберг, Шпандау». Эта книга, хотя и была «одобрена» бывшими нацистами и их подпольными организациями, не принесла желаемого дохода. В ней было слишком много откровенной нацистской пропаганды, и поэтому ее не захотели издавать за пределами Германии. Она также издала книгу «Моя жизнь с Рудольфом Гессом». Помещала в разных газетах статьи.

Ильзе Гесс в молодости была высокой, полной, светло-волосой женщиной. Увидев ее впервые, можно было решить, что она сестра-близнец Гесса. У нее были так же, как и у Гесса, глубоко посаженные голубые глаза, такие же черты лица и волевой подбородок. Говорили, что она была как бы вторая половина Гесса.

Последний раз до встречи в тюрьме она виделась с мужем 10 мая 1941 года, накануне его полета в Англию. Она спросила его, когда он вернется. Гесс ответил, что не знает, но, возможно, на следующий день.

На стене одной из комнат в доме Ильзе Гесс висел нарисованный портрет десятилетнего мальчика, а рядом карандашный рисунок спускающегося парашютиста, за которым наблюдает одиночный крестьянин в поле. Рисунок сделал Гесс для сына. Среди фотографий сына Гесса, снятого с матерью и друзьями, была фотография его отца с нависшими бровями и грустными глазами. Портрет Рудольфа Гесса, выполненный акварелью профессором Горном, любимым художником Гитлера, также висел на стене. На книжных полках лежали труды по философии, астрологии, сочинения Гете.

В застекленной горке лежало несколько археологических египетских сувениров, карты со знаками зодиака и небольшой оловянный солдатик в коричневой униформе с черным галстуком и лицом Гесса.

Сыну Гесса Вольфгангу Рюдигеру было четыре года, когда его отец перелетел в Англию. С тех пор Рудольф Гесс в течение 28 лет ни разу не виделся ни с женой, ни с сыном, ни с единственной сестрой Маргарет Раух. Отказ от свидания с родственниками в тюрьме Гесс объяснял тем, что он не преступник и поэтому не хочет, чтобы они видели его в тюрьме. Вольфганг вырос без отца, стал дипломированным инженером по строительству аэродромов и жил со своей семьей под Мюнхеном.



Фото 62. Здание Союзнического Контрольного Совета, в котором находился Берлинский Центр воздушной безопасности.



Фото 63. Ежедневный подъем флагов оккупационных держав перед зданием Контрольного Совета.



Фото 64. Кони скульптора Клодта.



Фото 65. Рабочий день в Берлинском Центре воздушной безопасности. Стоят: Н. Котенко (СССР), П. Джонс (США).



Фото 66. На аэродроме Темпельгоф.



Фото 67. Контрольно-пропускной пункт «Чарли» на границе с американским сектором Берлина.



Фото 68. Берлин, Карлхорст. В этом здании был подписан акт капитуляции нацистской Германии.

Глава 27

Прошли годы. За это время в Шпандау появились новые люди и, естественно, моя переписка прекратилась. Я уже почти ничего не знала о тюрьме и о судьбе ее последнего обитателя. Но в 87-м году случайно прочла в “Литературке” небольшую заметку о самоубийстве Гесса. Конечно, в его самоубийство я не поверила. Шесть лет работая в Шпандау и наблюдая Гесса, я убедилась, что это был незаурядный, сильный и очень волевой человек. Тюрьма его не сломила, не изменила его взгляды и убеждения, хотя и проявились уже некоторые возрастные отклонения.

Гесс пять раз пытался “покончить с собой”. Последний раз – в середине 70-х годов. Но серьезной была лишь одна попытка – еще в Англии, сразу после полета. Все остальные были демонстративными.

В 87-м он был не только очень стар, но и очень болен. Не мог самостоятельно встать, передвигался только с помощью палочки, тянул за собой ногу – последствия инсульта. Очень плохо видел. Страдал артритом, почти не владел пальцами обеих рук. Приходилось вталкивать ложку ему в руку, чтобы он мог ею пользоваться. Он не мог даже завязать шнурки ботинок, поднять руки выше уровня плеч.

В общих чертах официальная версия смерти Гесса была сформулирована американским директором тюрьмы через несколько часов после случившегося и в дальнейшем принципиально не менялась. “Гесс, как обычно, находясь на прогулке, – заявил журналистам директор, – в сопровождении американского надзирателя направился к садовому домику. В это время надзирателя неожиданно позвали к телефону, и он побежал в здание тюрьмы. Когда через несколько минут он вернулся в домик, то обнаружил Гесса бездыханным с электрическим шнуром, обмотанным вокруг шеи. Были проведены реанимационные мероприятия, и Гесса доставили в британский военный госпиталь. После повторных попыток оживления в 16.00 было объявлено о его смерти”.

В кармане у Гесса обнаружили записку. Вот она в переводе: “Просьба к администрации тюрьмы переслать это домой. Написано за несколько минут до моей смерти. Я благодарю вас всех, мои дорогие, за все хорошее, что вы для меня сделали. Скажите Фрайберг (*служащая канцелярии Гесса. — М.Н.*), что, к моему великому сожалению, я, начиная с Нюрнбергского процесса, был вынужден вести себя так, будто я ее не знаю. Мне ничего другого не оставалось... Я был так рад снова увидеть ее. Я получил ее фотографии и всех вас. Ваш дед”.

Медицинская экспертиза трупа кроме характерного повреждения шеи при удушении обнаружила ушибы челюсти, кровоизлияние под волосами на затылке, множественные переломы ребер и грудины. Было сделано заключение, что смерть наступила в результате удушения. Но это вовсе не отвечало на вопрос: сам ли Гесс повесился или ему “помогли”?

Вольфганг Рюдигер Гесс — сын заключенного, узнал о смерти отца в тот же день. 17 августа 1987 года в его доме в тихом предместье Мюнхена в 18.45 зазвонил телефон. Говорил американский директор Межсоюзнической тюрьмы Шпандау Кин: “Я уполномочен заявить, что ваш отец скончался сегодня в 16 часов 10 минут. Я не уполномочен сообщать какие-либо подробности”.

“То, что я услышал, лишило меня дара речи”, — вспоминал впоследствии Вольфганг Рюдигер. Официальная версия смерти отца породила у него серьезные сомнения в ее правдоподобности. Они возникли после того, как было доказано, что “предсмертную” записку Гесс написал еще в 1969 году в британском военном госпитале, когда тяжело заболел и готовился к смерти. Это послание спецслужбы зачем-то сохранили. Зачем? Очевидно, на всякий случай. И вот он представился. Скандал, связанный с “самоубийством”, спустили на тормозах, официальную версию перепроверять не стали.

И все-таки сын Гесса, британский хирург Хью Томас, а также ряд журналистов продолжали независимое расследование. Результатом стали вышедшие в Европе книги “Убийство Рудольфа Гесса. Таинственная смерть моего отца

в Шпандау”, “История двух убийств” и “Смерть Рудольфа Гесса”.

Из книги Гесса-младшего следует, что у его отца не было мотивов для самоубийства. Он не страдал какой-либо неизлечимой болезнью, которая могла бы побудить его на такой шаг. Да, физически он был слаб, но для 93-летнего старика состояние его здоровья было вполне удовлетворительным. Его психика была устойчивой и даже на подъеме. Весной 1987 года появилась надежда на освобождение из тюрьмы. Гесс-старший жил надеждой на скорое свидание с семьей и хотел отпущенный остаток жизни провести с внуками.

В поведении Рудольфа Гесса в день его смерти также не прослеживались намерения совершить самоубийство. Его занимали мелкие повседневные заботы. С утра он заказал на неделю бумажные полотенца, туалетную и писчую бумагу, чертежную линейку, просил купить в городе новый чайник для приготовления чая в своей камере. Он завтракал, обедал, после обеда спал, встал, пошел на прогулку и вдруг... совершил самоубийство. С точки зрения психологии, не очень логично.

Официальная версия самоубийства Гесса, представленная властями, не выдерживает, по мнению его сына, критики и с точки зрения фактических доказательств. Согласно этой версии, Гесс, оставшись в садовом домике один, сделал из электрошнура-удлинителя петлю, накинул ее себе на шею, закрепил другой конец за оконный запор и повесился. Гесс-младший выдвигает следующие контраргументы:

- руки Гесса были поражены артритом и настолько слабы, что он не был в состоянии завязать петлю на электрошнуре;

- оконный запор находился на высоте примерно 140 сантиметров от пола. Следовательно, осуществить “обычное” повешение для высокого человека в таком случае весьма затруднительно.

Серьезные подозрения вызвал у сына и тот факт, что садовый домик, где было совершено “самоубийство”, уже через пару дней... сгорел. Важное вещественное доказательство — электрошнур-удлинитель (как он, кстати, оказался в

садовом домике, где в нем не было никакой необходимости?) было также уничтожено.

Итак, мог ли 93-летний старик, перенесший инсульт с потерей на две трети зрения, державший даже чайную чашку только двумя скрюченными артритом руками, совершить самоубийство? Вольф Гесс считает, что нет. Он уверен, что его отцу “помогли” умереть.

В проведенном журналистском расследовании главным подозреваемым в заказе на убийство Гесса называется правительство Великобритании. Предпосылкой якобы послужило решение Михаила Горбачева дать согласие на его освобождение в ноябре 1987 года в связи с визитом в Москву президента ФРГ. Пока Гесс содержался в заключении, ему строго-настрого запрещалось что-либо говорить или писать о предпринятой им в 1941 году “миссии мира”. Его переписка, свидания с родственниками, как уже знают читатели, находились под строгим контролем. Выйдя же на свободу, Гесс мог нарушить – и скорее всего так оно и было бы – обет молчания и поведать миру о тайнах, окружающих его перелет в Шотландию. И что самое главное, о содержании переговоров с представителями английского правительства. За ними должно скрываться что-то настолько неблагоприятное в действиях английских властей, что они решились заставить Гесса с помощью спецслужб замолчать навсегда. Хорошо знающий историю читатель может сказать, что поведение английской стороны не вяжется с подобным подозрением. Дело в том, что США, Англия и Франция по меньшей мере два раза в год обращались к руководству нашей страны с предложением из гуманных соображений помиловать последнего заключенного Шпандау. Эти предложения нашей стороной неизменно отклонялись. Особую настойчивость проявляли англичане. Но в этом нет парадокса. Скорее всего, прослеживается хорошо продуманная линия. Великобритания заранее предвидела реакцию советской стороны и ничем не рисковала, выдвигая “гуманные” предложения о помиловании. И тем самым как бы подчеркивала, что Англии нечего остерегаться освобождения бывшего партнера по негласным переговорам.

И вдруг как гром среди ясного неба: советский руководитель готов помиловать заключенного. Именно это и послужило причиной, по которой убрали старого нациста, считают авторы книг. Вольф Рюдигер утверждает, что его отец вез в Великобританию предложения по решению еврейского вопроса в Германии путем расселения. И убежден, что если бы миротворческая миссия Гесса увенчалась успехом, массового истребления евреев в Европе можно было бы избежать. Но кто-то могущественный в британском правительстве резко оборвал миссию Гесса. Его отправили в тюрьму – сначала в Великобритании, а затем в Германии.

На судебном процессе в Нюрнберге Гесс отказывался отвечать на вопросы судей и обвинителей. Разыгрывал невменяемого, потерявшего память. На потерю памяти часто ссылался и в тюрьме, ни с кем не общался (если не считать его контакт с американским директором). Перспектива освобождения Гесса в 1987 году порождала проблему утечки той информации, которая еще не просочилась сквозь тюремные стены с помощью бывшего директора Шпандау от США.

Развивая свою гипотезу, Вольф Рюдигер утверждает, что во время кемпдэвидской встречи Д. Картера, М. Бегина и А. Садата в 1978 году президент США и глава Израиля якобы подписали секретный протокол о том, что Гесс из Шпандау живым не выйдет...

Утверждение Вольфа Рюдигера, что перелет Гесса в Англию преследовал якобы миротворческие цели, связанные с решением еврейского вопроса, все-таки не выдерживает критики. Это не что иное, как попытка сына обелить в глазах общественности своего отца – махрового нациста, военного преступника. Появившиеся ранее неизвестные документы подтверждают, что “миссия Гесса” преследовала другую цель – заставить Великобританию выйти из войны с Германией, развязать себе руки и полностью сосредоточиться на подготовке вторжения в Советский Союз, дата которого уже была определена планом “Барбаросса”. Гесс был уверен, что если Великобритания не согласится на переговоры, она окажется перед лицом разгрома и полного разрушения.

Переговоры с Гессом в Англии держались в строжайшей тайне. Они периодически прерывались, затем – в зависимости от положения на фронтах – возобновлялись вновь. “Миссия Гесса” тем не менее не увенчалась успехом. Ее встретила в штыки английская общественность. Она оказалась неприемлемой и для Черчилля, так как одно из требований договора, предлагаемого Германией, сформулировано как “правительство без Черчилля”.

И тем не менее Гесс был устранен. Серьезным основанием не верить в его самоубийство является и ряд “говорящих” деталей. Например, в тот день к Гессу не хотели пускать Маури, санитар-тунисца, который опекал его. Только через полчаса вместо обычных пяти минут, с трудом прорвавшись к садовому домику, Маури увидел подопечного, безжизненно лежавшего на полу. В домике находились американский надзиратель и еще двое каких-то военных. Их присутствие было грубейшим нарушением Устава Шпандау. Кроме директоров, надзирателей, священника и санитаров, никто не имел права находиться рядом с Гессом и вступать с ним в контакт. Посторонние явно не ожидали появления санитаров. Маури стал делать Гессу искусственное дыхание, но его чемоданчик “первой помощи” оказался взломанным, а кислородный баллончик пустым, хотя накануне он его проверял. У приехавшего из госпиталя английского врача инструментарий тоже оказался в “разобранном” состоянии. Гесса привезли в госпиталь, но он был уже мертв. Два незнакомца исчезли, а санитару посоветовали держать язык за зубами. Гесс-младший полагает, что двое неизвестных в американской форме, которых застал в беседке санитар, как раз и были переодетыми сотрудниками британских спецслужб. Один из них, помогая санитару, делал массаж сердца Гессу с такой силой, что... сломал несколько ребер и грудину, что было подтверждено судебно-медицинской экспертизой.

О многом говорит и такой факт. Секретные документы о цели полета Гесса в Англию британское правительство обещало обнародовать до 2000 года, потом срок перенесли на 2017 год. Может быть, смерть Гесса связана именно с тайной, которую скрывают эти документы?

* * *

Прошли десятилетия со времени описываемых событий. В 1999 году мы с мужем снова побывали в Берлине, посетили места своей молодости. Сегодняшний Берлин – огромная строительная площадка, на которой пытаются воссоздать что-то единое, объединяющее две системы и разные стили архитектуры. Строятся новые дома, возникают новые кварталы, причем создается впечатление, что власти стараются ликвидировать все, что напоминало бы о Германской Демократической Республике...

На бывшей границе ГДР с американским сектором, где раньше находился контрольный пункт проезда “Чарли”, создан “музей” с ярко выраженной антисоветской направленностью. На входе в массивное здание висит мемориальная доска, снятая с дома на Кутузовском проспекте в Москве, где была квартира Брежнева.

Эта доска подарок “патриота и демократа первой волны” Сергея Станкевича, бывшего советника Президента РФ... Нелепость какая-то. При входе в музей читаешь по-русски: “В этом доме жил Брежнев”.

Межсоюзнической тюрьмы Шпандау больше нет. После смерти последнего заключенного ее разрушили и сровняли с землей. На месте тюрьмы построен торговый комплекс, разбит сквер. Ничто не беспокоит больше совесть берлинцев за страшное и позорное прошлое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	3
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	50
Глава 7	65
Глава 8	78
Глава 9	82
Глава 10	98
Глава 11	105
Глава 12	122
Глава 13	130
Глава 14	135
Глава 15	150
Глава 16	163
Глава 17	168
Глава 18	172
Глава 19	178
Глава 20	183
Глава 21	194
Глава 22	197
Глава 23	205
Глава 24	210
Глава 25	218
Глава 26	221
Глава 27	235

Художественно-публицистическое издание

Неручева Маргарита Александровна

Сорок лет одиночества
(Записки военной переводчицы)

Редакторы В.М. Вербицкий, А.С. Пилипчук
Художник А.В. Алексеенко
Корректор Л.Б. Шаркунова
Компьютерная верстка Л.М. Алексеев

Изд. лиц. ИД № 00133 от 27.09.1999 г. Сдано в набор 10.05.2000.
Подписано в печать 11.07.2000. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Бум. офсетная, гарнитура "Таймс", печ. л. 15. Тираж 5000 экз.
Заказ 1555.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Информационно-издательское содружество "Парус"

119034, Москва, Староконюшенный пер. д. 2, стр. 3.
Тел.: (095) 201-2766, 201-2596
Тел/факс (095) 201-7933
E-mail: mpaper@mail.ru